Проф. Ив. БОРИЧЕВСКИЙ

ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

В ЕЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ПОНЯТИЯХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

(НАУЧНЫЕ ПИСЬМА ЭПИКУРА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

1В

„Прс

ПРОВ. 1957

Пр.

657
38

Гиз. № 8823 Главлит № 34539 Тираж 7.000 экз

Типография Госиздата „Красный Пролетарий" Москва, Пименовская улица, дом 1/16.

ПОСВЯЩАЮ
МОЕЙ МАТЕРИ

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ЭПИКУРЕ И ОБЩЕНАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ФИЛОСОФИИ.

Стр.

Глава I. *Идеалистическая легенда об Эпикуре.* 1. Истинное существо так называем й истории философии. Отзыв Гомперца. 2. Легенда об эпикурейской логике: ее мнимая зависимость от этики; „сенсуализм“ и „обыденность“. 3. Опровержение легенды: научная теория индуктивного метода у эпикурейцев. Отзывы Гомперца и Наторпа. 4. Легенда об эпикурейском мировоззрении: его мнимая зависимость от этики и несамостоятельность. 5 Опровержение той же легенды: самостоятельность, последовательность, единство и внутринаучность эпикурейского мировоззрения. Мнение Гильберта. 6. Легенда об эпикурейской этике: ее мнимая „эгоистическая“ основа и т. д. 7. Опровержение легенды: истинное средоточие этики Эпикура и ее освободительное значение. Мнение Гюйо. 8 Общий вывод. Старинный отзыв Сенеки . . . . . 11—14

Глава II. *Общенаучное значение Эпикуровой философии науки* 1. Постановка вопроса 2. Внутренняя ценность эпикурейской теории познания: Эпикур—родоначальник опытного научного метода. Мнение Рамзэя. 3. Вспомогательное значение эпикурейской каноники для осознания современной научной теории познания. Отзыв Больцмана о „будущей битве“ и путь познания ее закономерности. 4. Внутренняя ценность эпикурейского мировоззрения. Древний атомизм и современное естествознание. Мнение Рамзэя. 5. Значение древнего миропонимания для изучения современной научной картины мира. Ее мозаичность (Больцман); необходимость исторического подхода для установки ее скрытого единства 6. Эпикур—отец современной научной этики. Отзыв Гюйо. 7. Значение эпикурейской этики для изучения ее современной наследницы; борьба с пережитками идеалистического плена (Гюйо). 8. Общенаучное значение борьбы за образ Эпикура. Отзыв древнего просветителя—Лукиана . . . . . 14—18

ОТДЕЛ II.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ЭПИКУРЕИЗМА И ОБЩИЙ ХОД РАЗВИТИЯ ИХ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ.

Глава I. *Эпикурейское наследие и его разработка во времена Возрождения и первого расцвета европейской науки.* 1. Исторические судьбы древнего метафизического и научного наследия в изображении Бэкона.

Стр.

Гибель Демокрита и покровительство варваров Платону и Аристотелю. 2. Гибель Эпикурейского научного наследия Его важнейшие созидатели. Три полосы в развитии Эпикурова Сада. Вожди „раннего" Сада и их восстановление. 3. Сохранившееся наследие „раннего" Сада: три письма и сборник изречений Эпикура. 4. Основной вспомогательный источник: поэма Лукреция. 5. Дополнительные источники: изречения вождей „раннего" Сада у позднейших писателей. 6. Сомнительные и мнимые источники: отзывы об Эпикуровом Саде у древних метафизиков. 7 Оценка эпикурейского наследия и восстановление истинного лица Эпикурова Сада в XVII в. Гассенди и его главные труды. 8. Эпикур в XVIII веке Исследование Дидро в его „Энциклопедии". Эпикур—вождь нового научного движения . . . . . 19—23

Глава II. *Эпикурейское наследие и его разработка в новейшее время.* 1. Слава Эпикура в XVIII в. и ее судьбы в наше время. 2. Геркуланская находка и неожиданное обогащение эпикурейского наследия. 3. Геркуланское наследие „раннего" Сада. Остатки главного труда Эпикура Отклики Метродора, Гермаха и Полиэния. 4. Остатки ближайших преемников „раннего" Сада: Колот и Полистрат. 5. Геркуланское наследие „среднего" Сада. Деметрий Лаконский. Филодем. Перечень главнейших полусохранившихся творений. Многогранность Филодемова наследия 6. Ватиканская находка. Новый сборник изречений основателей Сада. Ойноандская находка. Отклики „раннего" Сада у Диогена из Ойноанды. 7. Пренебрежение исследователей к новому эпикурейскому наследию. Сравнение литературных судеб Эпикура и учеников Сократа. 8. Пренебрежение современных исследователей к изучению Эпикура вообще. 9. Общие итоги. „Святая ирония" истории над Садом Эпикура . . . . . 23—26

ОТДЕЛ III.

„ПИСЬМО ЭПИКУРА К ГЕРОДОТУ", КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ЭПИКУРЕИЗМА. ЦЕЛЬ И ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ „ПИСЬМА".

Глава I. *Цель и значение „Письма к Геродоту"* 1. Постановка вопроса. 2. Отзыв самого Эпикура об основном задании „Письма". 3 Некоторые данные из истории „раннего" Сада. 4. Главный труд Эпикура: „О природе", и его особенности. 5. Задание „Письма к Геродоту" в связи с работой „О природе". 6. Степень полноты „Письма к Геродоту", как общего очерка главных обобщений эпикурейского естествознания. 7. Основополагающее значение „Письма". 8. Выводы. „Письмо к Геродоту" и ходячая легенда о пренебрежении эпикурейцев к чистой науке . . . . . 27—29

Глава II. *План и содержание „Письма к Геродоту".* 1. Постановка вопроса. 2. Границы задания, поставленного в „Письме" Их значение. „Письмо к Геродоту"—не общедоступное введение, а итоговая работа. 3. Первый раздел „Письма": краткий очерк эпикурейской теории познания. 4. Второй раздел: высшие предельные обобщения эпикурейского миропонимания. 5. Третий раздел. главные обобщения частных областей научного миропонимания. Способ изложения: основоположения (тезисы). Их связность и чеканность. 7. Дополнительное, „боевое" задание письма. Размежевание с Демокритом. Важнейшие подробности. Их влияние на слог письма. 8. Общий план письма. 9. Заключение. „Письмо к Геродоту" и ходячая легенда о „беспомощности" эпикурейцев в теории познания . . . . . 30—35

Стр.

ОТДЕЛ IV.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАУЧНОГО МИРОПОНИМАНИЯ ПО ЭПИКУРУ (ПЕРЕВОД „ПИСЬМА К ГЕРОДОТУ“).

Введение. Задания „Письма“ (§§ 1—3) 36
Раздел I. Глава I. Основные правила научной логики (§§ 1—3) 37
Раздел II Глава II. Высшие предельные обобщения научного миропонимания в его целом:
a) учение о природе в целом (§§ 1—2) 37
b) учение об изначалах (§§ 3—4) 37
c) учение о бесконечности изначал (§§ 5—7) 38
d) учение о вечном движении (§ 8) 38
Раздел III. Важнейшие обобщения частных областей научного миропонимания:
a) Глава III. *Общее учение о природе и предметах научного опыта*:
aa) конечный предмет научного опыта. Учение „о бесконечных мирах“ (§ 9) 39
bb) связь орудий научного опыта с его предметом. Учение о природе и важнейших видах восприятия (§§ 10—17). 39
b) Глава IV *Основные допущения физической картины мира.*
aa) учение о свойствах атомов (§§ 18—21) 41
bb) учение о свойствах пустоты и о движении атомов в пустоте (§§ 22—25) 43
c) Глава V *Основные предпосылки биологического мировоззрения*:
aa) общее учение о природе „души“ (§§ 26a—26в) . . . 44
bb) учение о связи „души“ с остальным телом (§§ 27—29). 44
Глава VI *Основные предпосылки научной теории развития*:
aa) учение о свойствах и состояниях вещей (§§ 30—31) . 45
bb) вопрос о природе времени (§ 32) 46
Глава VII. *Важнейшие подробности научной теории развития*:
aa) учение о происхождении и многообразиях миров (§§ 33—34) 46
bb) учение о происхождении человеческого общества и языка (§§ 35—36) 46
cc) учение о происхождении и своеобразиях небесных явлений (§§ 37—38) 47
Глава VIII. *Некоторые положения научной этики*:
aa) важнейшие причины человеческих претерпеваний (§ 39) 48
bb) положительное знание, как основное орудие духовной свободы (§ 40) 49
Заключение Значение данного очерка основных положений научного мировоззрения (§§ 1—2) 49

ОТДЕЛ V.

ТВОРЕНИЯ ЭПИКУРА, ДОПОЛНЯЮЩИЕ ПИСЬМО К ГЕРОДОТУ. ИХ ЗАДАНИЕ И ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ.

Глава I *Письмо к Пифоклу, как дополнение главного очерка.* 1. Постановка вопроса. 2. Два положения о „небесных явлениях“ в письме к Геродоту. 3. Своеобразие предмета борьба науки с „метафизическим зудом“. 4. Основное задание письма к Пифоклу 5. Дополнительное боевое задание. 6. Особенности слога письма: мозаичность изложения. 7. Резкий,

Стр.

боевой тон письма. 8. Общий план. 9. Вопрос о подлинности. Зенон Сидонский и современные филологи. . . . . 50—53

Глава II. *Письмо к Менойкею, как дополнение главного очерка.* 1. Постановка вопроса. 2. Два этических основоположения письма к Геродоту. 3. Связь науки и жизни в эпикурской этике. 4 Основное задание письма. Мудрость науки, как источник всех „добродетелей". 5 Дополнительное задание: руководящие правила „прекрасной жизни". 6. Особенность слога письма. „Популярно-научное" изложение. 7. Его художественные достоинства. 8. Общее содержание. 9. Эпикурейское мировоззрение в письме к Менойкею . . . . . 53—56

Глава III. *Отклики других обобщений писем Эпикура.* 1. Сборники изречений Эпикура. 2. Вопрос о плане „Главных изречений". Переписка Эпикура и способы ее обработки у ее первых издателей. 3. Особенность „Главных изречений". 4. Четыре основоположения эпикурейской этики („четверолекарствие"). 5. Три положения к вопросу о происхождении науки в ее борьбе с донаучным мышлением. 6. Четыре основоположения эпикурейской опытной логики. 7. Восемь положений эпикурейской социологии. 8. Итоги. . . . . 56—59

ОТДЕЛ VI.

ТВОРЕНИЯ ЭПИКУРА, ДОПОЛНЯЮЩИЕ „ПИСЬМО К ГЕРОДОТУ" (ПЕРЕВОД).

I. ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫХ ПРАВИЛА КАНОНИКИ ЭПИКУРА 60

II. ПИСЬМО ЭПИКУРА К ПИФОКЛУ О НЕБЕСНЫХ ЯВЛЕНИЯХ: 61

Введение. *Повод к составлению письма.* 61

Глава I. *Познавательные предпосылки исследования небесных явлений.* „Множественный способ" 61

Глава II. *Общее учение о мире.* Строение и возможное возникновение нашего мира (§ 1—3) 62

Глава III *Общее учение о небесных светилах*
aa) их происхождение (§ 4) 63
bb) их величина и движения (§§ 5—8) 63
cc) основные своеобразия луны и солнца (§§ 9—12) 63
dd) вопрос о всеобщей закономерности этих явлений (§§ 13—15) 64

Глава IV. *Итоги древних исследований грозовой деятельности природы и сродных явлений:*
aa) возможные причины облачности, грома и молнии (§§ 16—21) 64
bb) явления вихрей и землятрясений (§§ 22—23) 65
cc) важнейшие своеобразия, связанные с грозовой деятельностью (§§ 24—29) 66

Глава V, дополнительная. *О некоторых частных особенностях в мире небесных светил* (§§ 30—35) 67

Заключение *Связь рассмотренных явлений с наиобщими законами природы.* 68

III. НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭПИКУРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПРАВА Учение о происхождении правовых норм и их отношений к общественным потребностям 69

IV. ПИСЬМО ЭПИКУРА К МЕНОЙКЕЮ „О НРАВСТВЕННОСТИ":

Введение. *Цель и значение письма* 70

Глава I. *Учение о „благочестии".* Учение о природе богов и размежевание с ходячей религией и метафизикой (§§ 1—2). 70

Стр.

Глава II. *Учение о мужестве* Суетность страха смерти и самодостаточность жизни в ее целом (§§ 3—9) 70

Глава III. *Учение о самодовлении (умеренности).* Наслаждение, как высшее благо. Его правильная оценка. Преимущества самодовления (§§ 10—16) 71

Глава IV *Учение о мудрости.* Мудрость науки, как источник всех прочих добродетелей (§§ 17—19) 72

Глава V. *Учение о справедливости.* Относительная свобода человека, как ее предпосылка. Человеческий дух в его отношении к необходимости и случаю (§§ 20—21) 73

Заключение. *О могуществе мудреца, вооруженного знанием.* 73

V. ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ЭТИКИ ЭПИКУРА („ЧЕТВЕРОЛЕКАРСТВИЕ"). 73

VI ПОЛОЖЕНИЯ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУКИ В ЕЕ БОРЬБЕ С ДОНАУЧНЫМ МЫШЛЕНИЕМ 74

ОТДЕЛ VII

ПИСЬМА ЭПИКУРА, КАК ПАМЯТНИК ЭПИКУРЕЙСКОЙ НАУЧНОЙ ДРУЖБЫ.

Глава I. *Письма Эпикура, как обнаружение эпикурейской дружбы вообще.* 1. Постановка вопроса. 2. Особенность дошедшего до нас Эпикурова наследия 3. Способ преподавания в Эпикуровом Саде. 4. Научные беседы, как основной прием преподавания. 5 Научная переписка, как дополнение бесед. 6. Повод к „изданию" „Письма к Геродоту". 7. Действительные побуждения, руководившие Эпикуром, при его составлении. 8. Особенность составления очерка 9 Заключение Бескорыстие эпикурейской дружбы . . . . . 75—78

Глава II. *Письма Эпикура, как обнаружение эпикурейской научной дружбы.* 1. Общее замечание об изучении главного труда Эпикура его учениками. 2. Тщательность этого изучения. 3. Изучение труда „О природе" во время его выхода. 4. Изучение того же труда после его завершения. Первый разряд учеников Эпикура. 5 Второй разряд „ревнителей естествознания". 6. Третий разряд тех же ревнителей. 7. Высший разряд: самостоятельные научные работники. 8. Обобщение. 9. Истинное лицо эпикурейской „дружбы": дружба научная. Сопоставление научного и метафизического творчества . . . . . 78—83

Глава III „*Письма Эпикура*", *как завершение важнейшей полосы в истории эпикурейской научной дружбы.* 1. Одно из „Ватиканских" изречений Эпикура о „дружбе". 2. Вопрос о месте написания „Письма к Геродоту". 3. Значение Афинского Сада в научной жизни новой школы. 4. Афинский Сад — место написания „Письма к Геродоту". 5. Вопрос о времени написания „Письма к Геродоту ". 6. Определение предельного года в связи с ходом работы Эпикура над его книгами „О природе". 7. Косвенные подтверждения. 8. Общий вывод: „Письма Эпикура", как показательная страница истории эпикурейской научной дружбы . . . . . 83—87

ОТДЕЛ VIII.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ.

Глава I. *Эпикур и так называемая история философии.* 1. Граница подводимых итогов. 2. Итоги первого отдела. Идеалистическая легенда об Эпикуре и подлинное общенаучное значение его философии. 3. Итоги

Стр.

второго отдела. Первоисточники эпикуреизма в XVII и XVIII в.в: его восстановление у Гассенди и Дидро. Расширение Эпикурова наследия в XIX в. и одновременное забвение Сада. 4 Итоги третьего отдела. Задание „Письма к Геродоту" в связи с общим строго-научным духом его философии. 5. План „Письма" в связи с требованиями эпикурейской логики. 6. Итоги четвертого отдела. Текст письма и подлинное лицо эпикурейского мировоззрения. 7 Итоги пятого и шестого отделов. Письма Эпикура, дополняющие главный очерк. Подкрепление прежних выводов. Итоги седьмого отдела. Эпикурейская научная дружба в связи с общим духом научной этики. 8. Общее заключение об Эпикуре воображаемом и Эпикуре действительном. Слова Лукиана . . . . . 88—90

Глава II. *Эпикур и современная философия науки.* 1. Постановка вопроса 2. Размежевание философии науки и метафизики в связи с подведенными итогами. 3. Общее деление философии науки. 4. Научная теория познания Ее связь с положительным знанием и ее отличие от профессорской „гносеологии". 5. Научное мировоззрение, его внутринаучность и преодоление им донаучного мышления (религии и метафизики). 6 Научная этика, ее связь с научным мировоззрением и с запросами духовной жизни человека в ее целом. 7. Идеалистическое извращение понятия „материализм" и его подлинное содержание. 8 Общие итоги. Общенаучное значение Эпикура—отзыв Спинозы Эпикур — предтеча современной внутринаучной философии . . . . . 90—94

ПРИМЕЧАНИЯ.

К отделу I. 97
К отделу II. 98
К отделу III. 99
К отделу V. 100
К отделу VII 102

IV и VI отдел, а также „итоги" (VIII)—без примечаний

ПРИЛОЖЕНИЯ

Эпикуреизм Статья Дидро из „Энциклопедии" 105

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Идеалистическая легенда об Эпикуре и общенаучное значение его философии.

Глава I.

Идеалистическая легенда об Эпикуре.

1. „История философских мнений древности писалась до сих пор почти одними врагами опытной философии“ [1]. Так гласит свидетельство, которое не может быть заподозрено в пристрастии: оно принадлежит одному из крупнейших современных историков философии—Теодору Гомперцу. Свидетельство очень выразительное, и остается только пожалеть об его краткости. Между тем, если развить мысль Гомперца, вывод получается довольно неожиданный. Величественный пятитомник Целлера, которым так гордится немецкая „история философии“, оказывается созданием „врага опытной философии“; другими словами, под видом науки нам преподносится сплошная идеалистическая легенда! Так обстоит дело с крупнейшим представителем историко-философской „науки“; что же сказать после этого об ее мелких разносчиках, вроде Виндельбанда и множества его сподвижников? Мнимая наука, притязающая на всестороннюю оценку исторического развития человеческой мысли, оказывается только одной из ветвей вненаучной идеологии; мнимая „история мировоззрений“ оказывается борьбой метафизики с подлинным научным мировоззрением.

2. Наш свидетель приводит любопытный образчик того, как оценивали древнюю опытную философию ее враги. Крупнейшей философской школой древности, провозглашавшей научный опыт своей основой, была школа Эпикура. Что же мы знаем о логике эпикурейцев? Достаточно отметить, что признанный историк логики, Прантль, в своей объемистой „Истории логики“ отводит философам Сада меньше двух страниц [2]... Правда, с той поры прошло больше полустолетия; однако достаточно взять в руки хотя бы последнее издание Целлера,—и мы тотчас же убедимся, что ходячая „история философии“ ни на йоту не изменила своего отношения к логике Эпикура. Нас попрежнему стараются уверить, что вопросы научной методологии имели для Эпикура самое второстепенное значение. Провозгласив „счастье“ внешней целью познания и бытия, Эпикур будто бы отрицал всякое бескорыстное

научное искание и превратил науку в рабыню этики [3]. Правда, некоторые исследователи признают, что Эпикур и его друзья занимались самостоятельной разработкой некоторых вопросов логики. Однако при этом поспешно делается оговорка, что, в общем и целом, эпикурейцы не пошли дальше однобокого сенсуализма, никогда не могли освободиться от рабства перед „чувственностью“ и, в последнем счете, впадали в непримиримые самопротиворечия [4]. Наконец, если те же философы Сада и пытались искать новых путей в логике, они будто бы делали это лишь под усиленным давлением со стороны глубокомысленных „философов“ „из стаи славной“ божественных Сократа и Платона; да и здесь они не могли пойти дальше обывательского „умозаключения по аналогии“ [5]...

3. В нашу задачу не входит сейчас подробная критика идеалистической легенды; мы посвящаем ей особое исследование [6]. А пока ограничимся некоторыми справками, необходимыми для простой постановки вопроса [7]. После долгих мытарств, продолжавшихся более полувека, в 1815 г. появилась, наконец, книга эпикурейца Филодема „Об опытных умозаключениях“, найденная в конце XVIII в. в пепле Геркуланума. Ее издатель, Теодор Гомперц, отмечает в предисловии, что ее содержание превзошло всякие ожидания. Изложенное в ней „логическое учение эпикурейцев“ целиком отлично от всего, что было нам доселе известно о логике древних,—целиком отлично не только по способу рассуждения, но и по предмету. Это первый опыт индуктивной логики, проведенный на почве строго и исключительно опытного мировоззрения, оживленный и проникнутый дыханием истинно бэконовского духа [8]. Правда, заявление Гомперца не произвело никакого впечатления на метафизиков: все они, во главе с Целлером, поспешили „истолковать“ новооткрытый источник в духе обычного идеалистического шаблона. Между тем, уже в 1884 г. один из нынешних вождей немецкого идеализма, Пауль Наторп, вынужден был признать, что Эпикурово учение „способно было оказать в области опыта такие услуги, как вряд ли какая другая древняя система. Оно содержит все основы теории опытного доказательства, которая для древней научной точки зрения столь же пригодна, и хотя менее развита, но в своем обосновании даже более тонка, чем, например, выдвинутая в последнее время Джоном Стюартом Миллем“ [9]... Итак, философия, которую профессора философии провозгласили рабыней житейской мудрости, оказывается на деле соперницей современного естественно-научного метода! И эта оценка исходит не из уст какого-либо предубежденного материалиста, а из уст нынешнего вождя самой беззастенчивой школы немецкого идеализма! Трудно было бы представить себе более наглядный образчик самониспровержения идеалистической легенды!

4. От логики и методологии обращаемся к важнейшей части всякой философии науки: это—научное мировоззрение, учение о бытии. Здесь Эпикуру и его продолжателям повезло гораздо более, но отнюдь не в положительном смысле. Все дело заключается в том, что в своих походах против Эпикура идеалистическая легенда располагает здесь несколько более обширным поприщем: как мы еще увидим в дальнейшем, источники здесь гораздо более обильны. Однако существо похода нисколько не меняется. Нас пытаются уверить, будто бы Эпикурово

естествознание было такой же рабыней этики, как и его методология; великий естественник заботился будто бы не столько о миропознании, сколько о миропредставлении, в пределах необходимых для человеческого „счастья“ [10]. Целые диссертации посвящаются защите древней клеветы, будто бы все свое мировоззрение Эпикур в готовом виде заимствовал у Демокрита, и если внес в него кое что от себя, то лишь для того, чтобы разрушить внутреннюю цельность демокритовского атомизма [11]... Приводить другие соответствующие упражнения нынешних профессоров философии нет необходимости.

5. Наведем теперь несколько очередных справок, необходимых для предварительной оценки только что отмеченных подвигов. Вот что мы читаем у исследователя греческой философии религии Отто Гильберта: „Эпикур стоит на той же почве атомистически-механического мировоззрения, на которой Демокрит воздвиг свою систему. Но как раз в тех областях, кои имеют особое значение для нас, он внес в нее глубокопроникающие поправки в учение своего предтечи и доказал этим высшую ступень самостоятельности и своеобразия“ [12]. Тому же исследователю принадлежит крупнейшая работа по истории древней науки, носящая скромный заголовок: „Метеорологические теории греческой древности“. При всей своей благосклонности к древней метафизике, наш исследователь не может не признать, что Эпикурово учение было „последовательнейшим проведением“ Демокритовой атомистики [13], завершением той подлинно научной линии древнего мировоззрения, которая в конце концов привела к торжеству научного монистического мировоззрения. Недаром, по слову Лукреция, сама религия, т.-е. связанность человека с далекими, чуждыми силами, есть та область, над которой Эпикур одержал непреходящую победу [14]...

6. Остается сказать несколько слов о третьей области, замыкающей круг философии науки—этике. Идеалистическая легенда и здесь остается верна себе. Стараясь уверить нас, что этика была единственным средоточием эпикурейской мысли, противники Эпикура не желают и здесь оставить незапятнанным его великое имя. Нам сообщают, что вся этика Эпикура покоится на „телесных ощущениях“ и „себялюбии“, и только путем самопротиворечий удается Эпикуру вовлечь в круг своих мыслей и высшее духовное начало [15]... Нам внушается мысль, будто бы Эпикур был философом обособленной личности и не признавал самостоятельной ценности междучеловеческого общения [16] и т. д., и т. д. Не будем приводить других примеров „историко-философского“ мифотворчества.

7. Обращаясь к другим, более беспристрастным исследователям, мы получаем, как и прежде, совершенно другое впечатление. Так, Жан-Мари Гюйо отмечает в своей известной книге об этике Эпикура, что Целлер слишком враждебно относится к великому древнему мыслителю, чтобы понять его истинное значение. Эпикурова этика, в своем глубоком существе, стоит не под знаком телесного удовольствия, а под знаком сложного понятия радости, гармонии духа и тела. Господствующая мысль Эпикуровой этики—освобождение человеческого духа, умственное и нравственное; Эпикур делает „быть может, величайшее, которое когда-либо было сделано, усилие избавить человеческий ум от страха смерти и других внутренних зол человеческого духа“... [17]. Доста-

точно и этого отзыва, чтобы судить о том, как мало общего между этикой Эпикура и ее идеалистическим извращением.

8. Как мы видим, достаточно нескольких кратких справок из области так называемой истории философии,—и мы убеждаемся, что до сих пор еще не устарели знаменитые слова Сенеки: „Я остаюсь при своем мнении—вопреки нашим вождям. О школе Эпикура не скажу того, что большинство наших... Скажу одно: она в дурной славе, опозорена—и незаслуженно“ [18]. Римский стоик имел мужество выступить в защиту своего врага, Эпикура, от своих не в меру усердных друзей, учеников Сократа. Поистине, неувядающие слова: они сохраняют свое полное значение и для всей шестивековой истории Эпикурова Сада, и для всей той длинной вереницы веков, которая прошла со времени его закрытия, столь восторженно встреченного самым непримиримым врагом древней науки—христианством. Над Эпикуром и его творением двадцать три столетия тяготеет бездарная идеалистическая легенда.

Глава II.

Общенаучное значение Эпикуровой философии науки.

1. Предыдущие страницы были посвящены Эпикуру и его школе. Однако было бы совершенно превратно думать, что речь идет об одной из философских „сект“ древности, которые сделали свое историческое дело и могут притязать, в лучшем случае, только на почтенное место на страницах древней истории науки. По справедливому замечанию известного уже нам французского мыслителя, „учения, подобно личностям, живут своей жизнью; они родятся, растут, они достигают пышного развития; они прекрасны в юности, мужают и крепнут в свою зрелую пору; порою они дряхлеют, но не всегда: есть среди них и такие, которые бессмертны“ [1]. К числу таких непреходящих достижений человеческой мысли Гюйо справедливо относит и учение Эпикура. Посмотрим, на чем можно основать подобное убеждение.

2. Среди итоговых произведений великого английского химика Вильяма Рамзэя одно из первых мест занимает книга, носящая выразительный заголовок „Элементы и электроны“. Перед нами один из лучших в европейской научной литературе отчетов о блестящих достижениях самой революционной современной науки — физической химии. И в высшей степени показательно, что начальные страницы своего изложения выдающийся ученый-мыслитель посвящает древнему естественнику Эпикуру Отмечая основные черты научной логики и методологии Эпикура, Рамзэй подчеркивает, что „подобное же настроение ума мы замечаем и у современного человека науки“ [2]. И, сделав несколько очень существенных сопоставлений, к которым мы еще вернемся в своем месте, английский ученый заканчивает: „Этот метод, хотя и не удовлетворяющий нас в некоторых отношениях, привел к величайшему успеху в физических науках, которым отмечен наш век“ [3]. Таким образом, по признанию одного из выдающихся деятелей новейшего естествознания, Эпикур является первым теоретиком современного опытного научного метода.

3. Один из крупнейших теоретиков современной научной методологии, Людвиг Больцман, заканчивает свой блестящий доклад „О развитии методов теоретической физики в новое время“ следующими словами: „До сих пор еще царит ожесточенная борьба мнений... Действительно, любопытные вопросы! Почти сожалеешь, что приходится умирать до их разрешения!“ [4]. „О, нескромный смертный! Твоя участь — радость от созерцания бушующей битвы!“... Безнадежный хаос борющихся мнений—вот первое впечатление всякого „естественника“, устремившего свой умственный взор на основные вопросы современной научной логики и методологии. Однако Больцман недаром говорит о „радости“, которую внушает ему созерцание „бушующей битвы“: в непонятном для профана хаосе противоречий внимательный наблюдатель уже видит цепи стройных закономерностей, которые постепенно сливаются в единую, всеобъемлющую картину научной теории познания. И великий немецкий физик, вероятно, согласился бы, что в распоряжении „скромного смертного“ есть одно весьма действительное средство, которое может значительно ускорить трудную работу познания, раскрывающую великий разум науки в его кажущихся неразумных обнаружениях. Современный ученый имеет полную возможность направить свой духовный взор в далекий мир древней науки, чтобы здесь, в своеобразных судьбах прошлого, прочесть загадочные возможности настоящего... Конечно, заранее можно сказать, что нынешняя наука не сможет удовольствоваться старыми достижениями эпикурейской каноники: она выработала свои, неизмеримо более сложные и могущественные методы. Какой бы проникновенностью ни отличалась научная мысль древних естественников, она, по всей вероятности, сможет заявлять притязания только на довольно скромное право — право считаться первой зародышевой ступенью многосложного явления, которое развертывается сейчас перед нашими глазами... Однако, как ни справедливы все такого рода соображения, мы не должны забывать старого правила: чтобы раскрыть ускользающую от нас закономерность сложного явления, лучше всего обратиться именно к его первоначальной зародышевой ступени, где оно выступает с наибольшей простотой и наглядностью. Мы должны попытаться проникнуть в великое прошлое научной методологии, чтобы в более простых, начальных его страницах прочесть те своеобразные законы, которым неизбежно подчиняется кажущийся хаос современной „бушующей битвы“! И мы убедимся в дальнейшем, что эпикурейская каноника, действительно, вполне оправдывает такого рода надежды: воплощая в себе первую, зародышевую ступень научной логики и методологии, она раскроет нам те основные средоточия научного мышления, вокруг которых разыгрывается сложная духовная борьба нашего времени.

4. Вернемся теперь еще раз к известной уже нам книге Рамзая. Ее начальная страница открывается словами: „Среди древних философов Эпикур является первым, в учении которого мы находим некоторые общие черты с современной наукой о природе“ [5]. Мы убедимся в дальнейшем, что утверждение английского ученого не совсем точно: пальму первенства в учении о природе Эпикур должен разделить со своим великим предтечей Демокритом. Но мы убедимся также, что выразительное заявление Рамзая совершенно пра-

вильно в другом отношении. Разделяя с Демокритом великую честь открытия современного атомистического мировоззрения, Эпикур не имел себе предшественника в том своеобразном обосновании, которое он дал этому величайшему достижению эллинской научной мысли. Мы уже знаем со слов Рамзэя, что Эпикур был первым провозвестником современного научного метода; поэтому мы вправе ожидать, что он явится и первым мыслителем, который поставит великое здание научного мировоззрения на единую и незаменимую познавательную основу—на основу последовательного и всепроникающего опытного метода..

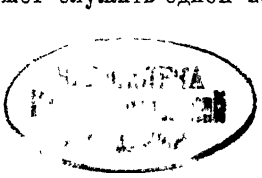
5. От английского химика еще раз обратимся к немецкому физику. Начиная свой замечательный доклад о развитии методов теоретической физики в новое время, Людвиг Больцман подчеркивает чрезвычайно существенную особенность в развитии современной науки. Еще в XVII и XVIII веках, благодаря работе выдающихся умов, наука непрерывно двигалась вперед; но это продвижение было очень медленным: тогдашнюю науку можно сравнить со старым городом, который постоянно растет, благодаря созданию новых сооружений и предприятий. Напротив, наш век—век пара и телеграфа—наложил и на движение науки отпечаток своей нервной, порывистой деятельности. Современное развитие естествознания можно уподобить новейшему американскому городу, который в несколько десятилетий из деревни превращается в миллионный город. Последствием такого непрерывного и постоянного роста наших положительных знаний является разделение труда в науке, которое доходит до мельчайших дробностей и почти напоминает современную фабрику, где один рабочий занимается только измерением, другой—разрезанием, плавлением и т. д. Конечно, такое разделение труда чрезвычайно благоприятно для быстрого продвижения науки, оно даже неизбежно; однако оно таит в себе великие опасности. Совершенно теряется „кругозор целого“, необходимый для всякой деятельности, направленной на открытие новых мыслей, и даже просто новых связей между старыми мыслями... Правда, и наше время знает людей, которые, подобно Гельмгольцу, были мастерами одинаково в целом ряде областей—в математике, физике, физиологии, в общей философии науки; но, конечно, и эти редкие исключения не могли охватить всей бесконечно расширившейся области человеческого знания [6]... Мы приходим к выводу, который лучше всего можно выразить в виде вопросов, поставленных выдающимся русским естествоиспытателем: „Насущные задачи современного естествознания!.. Кто в состоянии их исчерпать или хоть только наметить? Кто сможет просто охватить мыслью их необъятный простор?“ [7]. Как мы видим, в области научного мировоззрения перед нами развертывается та же картина, с которою нас уже познакомила современная научная методология. Даже более. Положение дела в нашей новой области оказывается еще более затруднительным. Если научная методология дает нам зрелище видимого хаоса мнений, то этот хаос имеет свои границы,—он обозрим и доступен учету; гораздо хуже обстоит дело с современным научным мировоззрением: перед нами перекрещивающиеся хаотические потоки многообразных достижений; их число необозримо, столь же неисчерпаемы их прихотливые сочета-

ния; и то и другое ежеминутно растет и меняется... Нет нужды доказывать особо, какое огромное значение приобретает при таких условиях то полузабытое орудие познания, значение которого нам уже приходилось отмечать. От „бушующего океана“ современного научного мировоззрения мы должны обратиться к его первым **истокам**, затерянным в тумане идеалистической легенды. Раскрыв основную закономерность их внутренней природы, более простой и осязательной, мы получим, быть-может, почетное право проникнуть в иные, более сложные законы, господствующие над мнимым хаосом современности. Мировоззрение древних атомистов послужит своего рода умственным компасом, который облегчит нам проникновение в широкий простор современного научного творчества.

6. Заканчивая свою замечательную работу об **этике** Эпикура, Гюйо настойчиво указывает, что великое учение древнего естественника „оказало неоспоримое влияние на развитие человеческой мысли“. И если в науках естественных наша современность доставила блестящую и решительную победу древнему атомизму, то не иначе обстоит дело в науках нравственных и общественных: более того,—„учения, вытекающие из эпикуреизма, пользуются ныне таким вниманием, каким никогда не пользовались“ [8]. Таким образом, по признанию исследователя, еще не порвавшего с некоторыми „философскими“ предрассудками, Эпикурова **этика** доселе не утратила своего общенаучного значения. Более того,—Гюйо открыто признает великого естественника непосредственным **отцом** современной научной этики.

7. Мы убедились выше, что научная методология и научное мировоззрение нашего времени наталкиваются в своем бурном развитии на некоторые помехи, для преодоления которых древняя наука может оказать нам значительные услуги. Нетрудно убедиться, что сходную картину дает нам и современная научная этика: только здесь мы имеем дело с помехами несколько иного рода. Научная методология и научное мировоззрение—при всей их современной неустойчивости—давно уже освободились в общем и целом от мертвящих цепей вненаучного мышления—религии и метафизики. Совершенно иначе обстоит дело с этикой. Правда, научная мысль уже захватила ее в свой животворящий поток; **научная этика**—не пустое слово: она существует как наука. Однако вненаучное мышление все еще не хочет сдавать своих старых твердынь; пользуясь сравнительной молодостью и непрочностью новой науки, служители метафизики все еще пытаются отстаивать свои исключительные права на область **нравственного** мировоззрения... Уже отсюда ясно, что восстановление Эпикура, отца научной этики, имеет самое действенное значение для современной философии науки. И недаром тот же Гюйо, заканчивая свою книгу, считает нужным отметить, что „даже в наше время“, в противовес идеалистической этике Канта, научная этика восстанавливает эпикуреизм, обновленный данными современной науки [9].

8. Раскрывая то действенное значение, которое до сих пор еще сохраняет борьба за образ Эпикура, мы коснулись поочереди всех главных отраслей современной философии науки: научной **методологии**, научного **мировоззрения** и **этики**. Общий итог ясен: великий образ Эпикура до сих пор может служить одной из самых мощных



духовных сил, под знаменем которых совершается многовековая борьба науки с ее наследственным врагом—донаучным мышлением, религией и метафизикой. Нетрудно показать, что именно так ставился вопрос уже в древности. Обратимся хотя бы к Лукиану—Вольтеру древности. Более четырех веков отделяют Лукиана от Эпикура. Раскроем, однако, блестящий очерк „Об Александре или Лжепророке". Ядовито высмеивая многоразличные подвиги своего героя на поприще прорицаний, чудес и прочего шарлатанства, Вольтер древности сообщает, между прочим, следующее: „У Александра с Эпикуром война была безжалостная и непримиримая. И неудивительно. Чародей и друг всякого морочения, ненавистник истины,—с кем другим мог он сражаться с большим основанием, чем с Эпикуром,—мужем, который узрел природу вещей и один только знал их истину? Непрошибаемый (ategktos) — так именовал его Александр. И Эпикур по справедливости был злейшим его врагом: все его потуги он подвергал смеху и вышучиванию" [10]. Религиозное мракобесие находило себе вполне определенную оценку у истинного исследователя „природы вещей"—Эпикура: он был „непрошибаем" для всех покушений религии и метафизики. Совершенно иначе относились к тому же Александру ученики Сократа. „Единомышленники Платона, Хризиппа и Пифагора были друзьями Александра, и с ними он находился в глубоком мире" [11]... Чудотворец и знахарь, неоднократно уличенный в самом грубом обмане, в самых корыстных проделках,—был в то же время ближайшим другом учеников Сократа, этих достойных прапредков современной метафизики. Нетрудно догадаться, каково было главное орудие божественного шарлатана в борьбе с своим „непрошибаемым," врагом: конечно, в первую очередь, то же орудие, каким доселе с великим успехом пользуются всевозможные „профессора философии"—клезета. От своих европейских преемников древний враг Эпикура отличался только тем, что помимо обычных орудий идеалистической легенды, он прибегал и к более решительному способу борьбы с ненавистными безбожниками: „он приказывал гнать их камнями, если кто хочет заслужить милость бога" [12]... И, обличая шарлатана от метафизики, древний сатирик решительно заявляет, что он ставит себе и другую цель: очистить образ Эпикура от пятнающей его клеветы. Лукиан прекрасно сознает, что речь идет не только об одной из древних философских школ: борьба за образ Эпикура имеет более широкое, общечеловеческое значение. „Я выступаю в защиту Эпикура, мужа поистине святого и с божественным естеством: он один познал прекрасное вместе с истиной, преподал их и стал освободителем приобщившихся к нему" [13]. Борьба за образ Эпикура есть борьба за истину—борьба двух мировоззрений. Подлинный Эпикур, освобожденный из тумана идеалистической легенды, всегда был и будет могучим орудием для борьбы самозаконной науки с вненаучной метафизикой, этой признанной служанкой религиозного мракобесия. И сейчас, в двадцатом веке, эта роль великого ученого нисколько не умаляется, тем более, что его враги крепко окопались в мнимо-неприступных твердынях историко-философской схоластики.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Первоисточники эпикуреизма и общий ход развития их научной разработки.

ГЛАВА I.

Эпикурейское наследие и его разработка во времена Возрождения и первого расцвета европейской науки.

1. „Науки, коими мы обладаем, притекли к нам, можно сказать, от греков“ [1]. Развивая эту мысль, творец „Нового Органона“, Бэкон Веруламский, решительно подчеркивает, что под греками в данном случае отнюдь не следует разуметь пресловутую метафизическую троицу: Сократ—Платон—Аристотель. Напротив, по мнению Бэкона, именно в лице Сократа и его учеников мы имеем дело с наиболее яркими представителями противонаучного мышления. Истинными родоначальниками не только научного мировоззрения, но и научного метода были забытые средневековьем древние „естественники“, начиная с Фалеса. Но история была мало благосклонна к великим деяниям первых творцов науки. Правда, они пользовались большим почетом и в древней Элладе, и в древнем Риме; однако „в последующие времена, после наводнения Римской империи варварами, наука человеческая потерпела как бы кораблекрушение. Только философии Аристотеля и Платона, словно доски из легчайшего и малопрочного вещества, сохранились на волнах времени“ [2]. Напротив, все драгоценнейшие создания древней научной мысли безвозвратно погибли в нахлынувшем потоке варваров. Земной дикарь Атилла оказался прекрасным союзником небесной метафизики; но зато тем более беспощаден он был к подлинной науке [3]. Неудивительно, что Анаксимандр, Анаксимен, Левкипп, Анаксагор, Демокрит должны были уступить место Платону и Аристотелю...

2. В свой список погибших деятелей древней науки Бэкон мог бы включить и еще целый ряд славных имен: мы имеем в виду крупнейших деятелей Эпикурова Сада, творцов и хранителей древнего научного мировоззрения, ославленных или преданных забвению бездарной идеалистической легендой. Вот наиболее славные их имена:

а) Основатели „раннего“ Сада: знаменитая четверица вождей эпикуреизма: Эпикур, Метродор, Полиэний и Гермарх (IV—III в.в. до р. Х) [4].

b) Великие энциклопедисты „среднего“ Сада: Филонид, Аполлодор Афинский, Зенон Сидонский, Деметрий Лаконский и Филодем из Гадары (II—I в.в. до р. Х.) [5].

c) Крупнейшие деятели „позднего“ Сада, из которых нам пока известен только Диоген из Ойноанды (II в. по р. Х.) [6].

Добросовестный исследователь эпикуреизма мог бы прибавить сюда еще целый ряд выдающихся имен, но их право на включение в этот почетный список потребовало бы особого обоснования. Оставаясь в пределах нашего предварительного исследования, отметим теперь, что главная работа по обоснованию древней философии науки была выполнена великой „четверицей“ вождей „раннего“ Сада: Эпикуром, Метродором, Полиэнием и Гермархом; недаром же на протяжении шести веков развития Эпикурова Сада его научное сознание неизменно ставило себя под знамя четырех „мужей“, давая им почетное имя „руководителей“ [7]. Восстановление главных итогов их научной работы и будет средоточием нашего дальнейшего исследования.

3. Посмотрим теперь, как велики размеры того научного наследия, которое дошло до нас от Эпикура и его сподвижников. Эпикур был плодовитейшим писателем древности; он оставил после себя целое книгохранилище—около трехсот книг [8]. Его ближайшие сподвижники—Метродор и Гермарх—были и здесь достойными его соревнователями. Что же уцелело для нас от этой огромной научной работы? Заранее можно сказать, что союзники Платона и Аристотеля, о которых так красноречиво говорит Бэкон, были не более благосклонны к основоположникам древнего научного мировоззрения, чем к их предтечам, творцам древней науки. И действительно, все огромное научное наследие эпикуреизма, взятое в целом, погибло в мутных волнах варваров. Ни одно произведение сподвижников Эпикура до нас не дошло, и только благодаря историку Лаерту Диогену (II в. по р. Х.) мы располагаем четырьмя небольшими творениями самого Эпикура, носящими на себе несомненную печать раннего Сада. Вот их полный перечень:

a) письмо к Геродоту „О природе“.
b) письмо к Пифоклу „О небесных явлениях“.
c) письмо к Меноикею „О нравственности“.
d) сборник „Главных изречений“ [9].

Как показывает самое заглавие, письмо к Геродоту содержит общий очерк Эпикурова учения о природе [10]. Этот замечательный памятник древней науки будет в дальнейшем предметом нашего особого внимания. Что касается второго письма, к Пифоклу, то оно представляет как бы дополнение к первому: здесь подробно рассматривается одна из частных областей Эпикурова природоучения—„небесные явления“ [11]. Третье письмо к Меноикею дает общий очерк Эпикуровой этики [12]. Наконец, под именем „Главных изречений“ до нас дошел позднейший сборник тех „золотых слов“ Эпикура, которыми была так богата его переписка с друзьями. В сборник вошло сорок таких изречений, относящихся к самым различным областям; больше всего представлена эпикурейская этика, заметное место получили также логика и обществознание [13]... Таковы те немногие цельные крупицы огромного научного наследия, которые уцелели в

мутных волнах наводнения варваров. После этого нетрудно понять, почему даже Бэкон не мог оценить по достоинству великие достижения раннего Сада.

4. Однако положение дела не так безнадежно, как можно было бы думать, если сравнить маленькие крупицы эпикурейского наследия с огромными томами Платона и Аристотеля. Прежде всего, не приходится забывать, что, кроме четырех только что названных творений Эпикура, уже Бэкон мог пользоваться жемчужиной эпикурейского научного наследия: это — бессмертная поэма Лукреция „О природе вещей“ [14]. Все шесть песен этого изумительного творения, где яркое дарование поэта соперничает с холодной строгостью ученого, посвящены Эпикурову учению о природе. Конечно, не приходится забывать, что в целях общедоступности великий поэт значительно уклоняется от строго научных приемов изложения, которые, как мы убедимся, были общим правилом у его учителя; однако не подлежит никакому сомнению, что не только основные положения, но и вся огромная сокровищница древнего опыта, использованная Лукрецием, восходит к самому Эпикуру [15].

5. Но и этого мало. Уже в руках современников Бэкона был целый ряд древних свидетельств, которые способны раскрыть немаловажные черты раннего Сада. Речь идет о тех „золотых словах“ Эпикура и его сподвижников, которые не вошли в отмеченный нами выше сборник „Главных изречений“. Позднейшие эпикурейцы составили немало других сборников в том же духе; отсюда черпали обеими руками те немногие древние метафизики, которые обнаруживали некоторую терпимость если не к эпикурейскому учению, то к личностям его творцов. Переменчивая воля истории сохранила нам некоторые произведения двух писателей такого рода: это известный уже нам стоик Сенека и новоплатоник Порфирий, которые и служат нам до сих пор ценными посредниками для ознакомления с некоторыми яркими сторонами духовного творчества вождей раннего Сада [16].

6. Современникам Бэкона была знакома еще одна, очень своеобразная, семья „источников“. Язвительные стоики вроде Клеомеда [17], всесокрушающие скептики вплоть до Секста Эмпирика [18], тяжеловесные перипатетики вроде Александра из Афродизии [19], легковесные „академики“ пошиба Цицерона и Плутарха [20], наконец, отцы церкви, которые, подобно Тертуллиану, изучали историю „философии“ большею частью по случайной стряпне тех же Цицеронов [21],—все эти многообразные, вечно спорящие друг с другом прообразы нынешних „философских“ сект сходились на одном: все они видели в Эпикуре и его друзьях олицетворение всяческого философского зла и пользовались всяким случаем, чтобы нанести ущерб ненавистным „служителям чувственности“. В итоге до нас дошло множество разнороднейших сообщений о самых различных областях эпикурейской научной мысли, и все это пестрое многообразие окрашено в один цвет, не вызывающий никакого сомнения у всякого сколько-нибудь беспристрастного ценителя. Правда, в некоторых случаях из кучи навоза удастся извлечь ценное зернышко, но существо дела от этого не меняется: перед нами, в лучшем случае, источники сомнительные, а часто они оказываются и просто никчемным историческим хламом. Но мы уже убедились, что европейская наука

и не нуждается в такого рода подарках истории: к ее услугам уже во времена Бэкона были некоторые настоящие свидетели—пусть немногочисленные, но зато с самыми несомнительными показаниями.

7. И действительно, они нашли себе беспристрастного и достойного ценителя уже в одном из последовавших за Бэконом поколений. По странной иронии судьбы, восстановление Эпикура выпало на долю католического священника, Петра Гассенди: беспощадная история как будто хотела дать Эпикуру маленькое удовлетворение за то варварское истребление его великого научного наследия, которое двенадцатью веками ранее совершалось с благословения торжествующей христианской церкви. Уже два десятилетия спустя после смерти Бэкона Гассенди издает замечательную работу „О жизни, нравах и учении Эпикура“ (1647) [22]. Тщательно изучив все имевшееся тогда научное наследие раннего Сада, Гассенди подвергает резкой критике только что отмеченные мнимые „источники“, клеветнические выпады древних метафизиков, творцов ходячей идеалистической легенды. „Нет ли основания думать, что Цицерон, Плутарх, Секст и другие—раздули мутные реки из грязных источников“ [23]. Так ставит вопрос католический священник, и, противопоставляя „грязным источникам“ действительных свидетелей, он пытается восстановить истинное лицо оклеветанного ученого. Сложная очистительная работа потребовала особой оценки главного источника—творений Эпикура, сохранившихся у Лаерта Диогена; неутомимый исследователь изучает древние рукописи, подвергает коренному пересмотру испорченный текст и снабжает его обширными пояснениями; так возникает большое исследование под скромным заглавием: „Замечания о жизни и философии Эпикура у Лаерта Диогена“ (1649) [24]. И только проделав эту огромную предварительную работу, Гассенди разрабатывает, с исключительной тщательностью и добросовестностью, связный и всесторонний очерк Эпикуровой философии, под заглавием „Обзор философии Эпикура“ (1655) [25]. Научная мысль Эпикура становится общим достоянием ученого мира XVII века.

8. „Ни одна философская система не была меньше понята и больше оклеветана, чем система Эпикура“ [26]. Эти слова принадлежат виднейшему мыслителю XVIII века, Дени Дидро. Творец „Энциклопедии“ оказался достойным преемником Гассенди, которого он так высоко ценил, как первого гуманиста среди философов и первого философа среди гуманистов [27]. В блестящей статье „Эпикуреизм“, помещенной в соответствующем отделе знаменитой „Энциклопедии“, основоположник французского материализма воздвиг еще один прекрасный памятник вождю материализма древности. „Мы выведем самого философа, — обещает нам Дидро, — пусть он сам говорит за себя в этой статье; с своей стороны, мы позволим только одно: вставить между его основоположениями несколько наиболее непосредственных выводов, из них вытекающих“ [28]. Великий энциклопедист сдержал свое обещание. Учтя важнейшие достижения своего предшественника, преемник Гассенди еще раз изучил первоисточники и дал нам новый обобщающий очерк философии Эпикура, который не напрасно ведется от имени самого ее творца: если бы Эпикур мог говорить языком французского материализма предреволюционного времени, он наверно согласился бы, что большая часть его заветных мыслей нашла себе вполне достойное

выражение. И если Гассенди сделал Эпикура достоянием новой науки, то Дидро пошел еще дальше: он сделал Эпикура вождем нового научного мировоззрения, под знаменем которого уже развертывалось одно из величайших движений духовной жизни новой Европы.

ГЛАВА II.

Эпикурейское наследие и его разработка в новейшее время.

1. Заканчивая свое блестящее изложение эпикуреизма, Дидро подчеркивает, что древнее учение, несмотря на свою двухтысячелетнюю давность, продолжает сохранять свое неувядающее научное значение. Живое слово, раздававшееся когда-то под сенью Сада, воскресло к новой жизни в самых блестящих салонах французского просвещения. И посвятив красноречивую страницу эпикурейскому возрождению во Франции, Дидро заканчивает знаменательным итогом: „Отсюда видно, что о каком бы времени и месте ни шла речь, эпикурейская школа никогда не имела столько блеска, как во Франции, и в особенности в последние века“ [1]. Эпикур как будто получил удовлетворение; многострадальный образ оклеветанного мыслителя как будто избавился раз навсегда от грубых наслоений пятнающей его легенды. Однако в действительности испытания не кончились: худшее и самое жестокое из них было еще впереди. Положение тем более любопытно, что по внешней видимости своенравная история как будто продолжала оказывать самое усиленное покровительство Эпикурову Саду.

2. В самом деле. Конец XVIII века принес историкам неожиданный дар: старая жертва неугомонного Везувия, город пепла, Геркуланум неожиданно оказался обладателем драгоценного древнего наследия: после двухтысячелетней ночи на свет божий явились полуистлевшие остатки богатой библиотеки римлянина-эпикурейца. „Когда проходишь мимо этого пепла, который воскрешается нашим искусством,—боишься дохнуть: опасаешься, что вздох унесет эту пыль, где, быть может, еще начертаны благородные мысли“ [2],—так писала m-me de Staël еще в начале прошлого века. Ожидания французской писательницы оказались не напрасны: благодаря настойчивому „искусству“ целой плеяды немецких и итальянских филологов, мы теперь читаем начертанные на полуистлевших обрывках „благородные мысли“. Древний Сад выслал из тьмы времен три самых великих своих тени—Эпикура, Метродора, Гермарха; к ним присоединились ближайшие преемники—Колот и Полистрат. Наконец, „средний“ Сад оказался представлен Филодемом и Деметрием Лаконским; особенно повезло Филодему. Остановимся на некоторых подробностях.

3. Нам еще не раз придется поминать главное творение Эпикура, разделившее общую участь всего научного наследия Сада: это—погибшие тридцать семь книг великого исследования „О природе“. Геркуланский пепел сохранил нам целое собрание разнороднейших отрывков огромной работы: в настоящее время уже десять книг, т.-е. четверть всего количества, заявили о своем существовании—хотя и очень урезанном [3]. Особенно важны отрывки так называемой двадцать восьмой книги, где беспощадное время сохранило нам несколько ценных вы-

сказываний Эпикура, особенно по вопросам научной методологии [4]. Менее счастливы оказались сподвижники Эпикура—Метродор, Гермарх и Полиэний. Однако, не говоря уже о некоторых высказываниях Метродора, сохранившихся у Филодема, до нас дошли отрывки целого этического исследования, проникнутого духом Эпикурова друга [5]. Что касается Гермарха, то Филодем сохранил нам ценный отрывок из одного письма, где затронуты некоторые общие вопросы [6]. Наконец, среди обрывков Деметрия Лаконского уцелели прямые указания на важную геометрическую работу Полиэния [7], которого даже враги Сада признавали одним из самых выдающихся математиков древности.

4 Оставляя в стороне некоторые подробности, отметим особо еще две важных находки, восходящие к раннему Саду. Речь идет, прежде всего, о любимом ученике Эпикура, Колоте. Мы располагаем несколькими разрозненными, но весьма красноречивыми отрывками из двух боевых сочинений Колота против пресловутого кумира древней и новой метафизики—Платона [8]. Сюда же следует отнести и другой, более щедрый дар Геркуланского пепла, это—сравнительно хорошо сохранившаяся книга эпикурейца Полистрата — ближайшего преемника великих вождей раннего Сада. Направленная против древней скептической метафизики (пирроников и киников), книга Полистрата „О неразумном пренебрежении“ дает нам ценные указания для некоторых важных сторон эпикурейского научного мировоззрения [9].

5. Переходим теперь к геркуланским откликам среднего Сада. Из блестящей плеяды ученых-энциклопедистов, начавшей новую полосу в истории эпикуреизма, несговорчивый случай согласился обновить только два имени — Деметрия Лаконского и Филодема из Гадары. Благодаря настойчивым усилиям неутомимого немецкого филолога, в нашем распоряжении есть целое собрание разрозненных, но весьма ценных данных из некоторых работ Деметрия, относящихся к самым различным областям: тут и математика, и филология, и художественная критика [10]... Однако научное наследие Деметрия не может итти в сравнение с той поистине изумительной сокровищницей, на которой стоит имя его более счастливого друга. Уже простой перечень наиболее сохранившихся работ Филодема говорит очень много. На первом месте стоит, конечно, известная уже нам книга „О признаках и наведениях“—этот совершенно исключительный памятник древней научной логики, насквозь проникнутый бэконовским духом по отзыву Гомперца [11]. Второе место предоставим многосодержательным исследованиям о религии, где с такою яркостью выступает научная природа эпикурейского естествознания: таковы знаменитые книги „О святости“ [12] и „О богах“ [13]. Третье место займут многочисленные работы Филодема в области этики и педагогики: сюда относятся остатки многотомной работы „О добродетелях и противоположных им пороках“ [14], книги „О прямодушии“ [15], „О хозяйстве“ [16], „О гневе“ [17]. Наконец, особого места заслуживают сочинения по вопросам общественной жизни и искусства: многотомные „Исследования о риторике“ [18], книги „О поэзии [19], „О музыке“ [20]... Перечень далеко не полный, но и приведенное достаточно показывает, что мы имеем дело с огромным научным наследием, в котором прекрасно представлены едва ли не все основные области многогранной духовной жизни эллинского мира.

6. Однако благосклонный случай не ограничился таким драгоценным кладом, как Филодемово наследие. В 1888 году в знаменитой Ватиканской библиотеке неожиданно была открыта незамеченная дотоле рукопись, которая оказалась новым сборником изречений, еще более обширным, чем отмеченные выше „Главные изречения“ Эпикура. В „ватиканском“ собрании представлен не только Эпикур, но и его сподвижники, Метродор и Гермарх; число изречений превышает восемьдесят, и только двадцать из них нам уже известны. Почти весь сборник стоит под знаком этики; однако в некоторых, и притом самых ярких, словах Эпикура и Метродора во всей своей мощи выступает эпикурейское естествознание [21]... Наконец, как будто желая восполнить и этот пробел, тот же прихотливый случай посылает еще один ценный подарок. В 1884 году были открыты, а пятью годами позже описаны, знаменитые отныне „камни из Ойноанды“, на которых оказались начертаны творения одного из вождей позднего Сада, Диогена Ойноандского (II в. по р. Х.); кроме весьма ценных отрывков из двух этических очерков, здесь оказались обширные отрывки из двух естественно-научных сочинений, посвященных общим вопросам мировоззрения („О природе“, „О бесконечных мирах“) [22]. Поздний Сад Эпикура, дотоле нам совершенно неизвестный, заявил нам о своем существовании и в то же время оказался ценным свидетелем своего предшественника—раннего Сада.

7. Таким образом суровая история как будто сознала свою несправедливость и сделала—задним числом—все возможное, чтобы восстановить истинное лицо Эпикурова Сада. Она предоставила XIX и XX векам такие сокровища древнего научного мировоззрения, о которых не могли и мечтать Гассенди и Дидро. Посмотрим теперь, оказались ли наследники достойны полученного дара. Прежде всего, оказалось ли наше время в силах создать нового Гассенди? Конечно, историк научного мировоззрения может только с признательностью помянуть тех немногочисленных работников классической филологии, которые не устрашились неблагодарного труда над „черно-серыми лоскутами“, извлеченными из геркуланского пепла, над этими „складками и щелями“, над „зияющими огромными пробелами“ [23]... Однако, речь идет не о бесспорных заслугах отдельных ученых, а о целой научной области: можно ли утверждать, что классическая филология выполнила свой долг перед основоположниками древнего научного мировоззрения? Еще в начале нашего века один из добросовестнейших немецких эпикуроведов писал, что предстоящая работа над 1800 геркуланскими свитками „бесконечно велика и не закончена целиком ни на одном единичном свитке“! [24] И это в то самое время, когда самым точнейшим образом исследованы ничтожнейшие мелочи не менее обширного наследия кумиров древней метафизики—Платона и Аристотеля! В то самое время, как на пресловутую тему о последовательности Платоновых диалогов исписываются горы книг у всех ученых наций Европы и делается строжайший статистический подсчет не только всем мыслям, но даже и всем отдельным словам Сократовых учеников! Нет нужды входить в дальнейшие подробности: современная классическая филология до сих пор еще не хочет отказаться от малопочтенной роли—быть служанкой вненаучной метафизики.

8. Мы знаем, однако, что уже Гассенди не ограничился первым заданием—восстановлением буквы древнего научного наследия: он и вслед за ним и Дидро попытались поставить и второе, более сложное задание—воскресить дух эпикуреизма. И нет нужды доказывать особо, что, пренебрегая первым заданием, наша современность не возвысилась до второго: равнодушные к драгоценным откликам отзвучавших слов Эпикура, современные ученые не могут проникнуть в великое здание его мысли. По ответственному признанию одного немецкого филолога, „после Гассенди" (добавим—и Дидро) „никто не пытался почерпнуть общее естествознание Эпикура из самих источников и объяснить его целиком" [25]. Даже три небольших письма Эпикура, до нас дошедшие, до сих пор еще мало исследованы. Тот же филолог указывает и причину столь странного презрения современных ученых к величайшему представителю древнего научного мировоззрения: исследователи древней духовной жизни „целиком отдаются изучению Платона и Аристотеля" [26]. Целые годы сверхученой работы затрачиваются на точнейший статистический подсчет, сколько раз и в каком смысле употребляется у отца средневековой схоластики, „божественного" Платона, знаменитое слово „идея", а в то же время остаются неизученными не только Колот или Филодем, но даже и три маленьких жемчужины из погибшей сокровищницы Эпикура! Так пишут историю философии профессора философии!

9. Таким образом мы не напрасно сказали, что, вопреки всяким ожиданиям, наша современность готовила Эпикурову Саду самое тяжелое испытание—худшее из всех, какие когда-либо выпадали на его долю. Правда, неблагосклонный случай, когда-то столь несправедливый к Саду, теперь переменил свое отношение: благодаря всем своим неожиданным подаркам, он дает нам полную возможность изучить Сад Эпикура гораздо более подробно и полно, чем любое другое явление древней духовной жизни. Однако беспощадная история нисколько не изменила своей неприязни к Эпикуру: напротив, она окончательно отвратила от него внимание исследователей, предоставив его в полное распоряжение бездарной идеалистической легенды. В наше время Сад Эпикура заявляет о себе гораздо громче и красноречивее, чем во времена Гассенди и Дидро; но никто не прислушивается к этому голосу, вопиющему в пустыне, и подлинное лицо древнего научного мировоззрения известно нашим современникам гораздо меньше, чем людям XVII века. Ирония истории бывает подчас изумительна. Как будто возмущенный человеческой несправедливостью, в защиту истины выступил беспощадный пепел Геркуланума; в пользу Эпикура раздался голос даже из Ватикана, обиталища самых злостных врагов Сада; наконец, заговорили даже камни из Ойноанды. И несмотря на все эти своеобразные выступления, так называемая „история философии" — эта откровенная наследница вненаучной метафизики — до сих пор еще держит в своем непочетном плену многогранный образ Эпикура. В XX веке, веке торжества точной науки, ее творцы изучают своих действительных предтеч по бездарным обвинительным актам, составленным скрытыми или явными врагами древней и новой науки! Невольно вспоминаешь слова Прудона: „О, ирония, святая ирония, приди—я хочу поклониться тебе".

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

«Письмо Эпикура к Геродоту», как основной источник эпикуреизма. Цель и общее содержание письма.

ГЛАВА I.

Цель и значение «письма к Геродоту».

1. Мы познакомились с современным состоянием источников эпикуреизма. В итоге „святая ирония“ истории возвратила нас к исходной точке: мы должны начать исследовательскую работу с самого начала — с восстановления главнейших первоисточников раннего Сада, знаменитых „писем“ Эпикура. „Письмо Эпикура к Геродоту о природе“ — так гласит заголовок небольшого произведения, которому Лаерт Диоген отводит первое место в своем маленьком эпикурейском собрании. Нам и предстоит убедиться, что выбор, сделанный древним историком, не случаен: мы действительно имеем дело с историческим памятником первостепенной важности.

2. Письмо Эпикура к Геродоту начинается так: „Дорогой Геродот! Для тех, кто не может изучить все написанное нами о природе, или же разобрать более обширные свитки наших сочинений, — для них-то я и приготовил это извлечение из всей работы“ [1]... Как указывает сам философ, его очерк должен служить „извлечением из всего, что было написано им о природе“. Постараемся, в первую очередь, выяснить, что разумел он под этими неясными для современного читателя словами.

3. Сначала несколько данных о жизни и деятельности самого ученого. Эпикур, „сын Неокла и Хэрестраты, афинянин, из округа Гаргеттова, из рода филаидов“, родился в начале 341 года до р. Х.[2]. По собственному свидетельству, он стал заниматься философией с четырнадцатилетнего возраста, т.-е. в 327 году [3]. После семнадцатилетней напряженной работы мысли, он начал преподавать философию друзьям — на тридцать втором году своей жизни (310 г.)[4]. Первоначальным поприщем его деятельности были Лампсак и Митилена; здесь он приобрел своих лучших друзей, навсегда соединивших с ним свою жизнь[5]. Таковы, прежде всего, Метродор и Полиэний из Лампсака и Гермарх из

Митилены—выдающиеся ученые, которые впоследствии были включены вместе с самим Эпикуром в знаменитую четверицу „вождей“ новой школы [6]. В Азии Эпикур оставался около пяти лет; затем, собрав своих учеников, он переселился в Афины и основал здесь, в 306 году, собственную школу [7]. Ее средоточием был нарочно купленный для этой цели сад; отсюда и столь частое в древности прозвание — философы Сада[8]. Эпикур умер в 270 году; тридцать шесть лет его научной и преподавательской работы—вся вторая половина великой жизни — прошли под сенью Сада. Только два или три раза за все эти славные годы исключительные обстоятельства заставляли ученого покидать излюбленную обитель и ожидать прекращения бури в спокойном месте — у друзей, в Лампсаке [9]... Древние не напрасно называли иногда Эпикура „садословом“ [10]: мы убедимся в дальнейшем, что Сад был тем единственным местом, где обдумывалось и осуществлялось „все написанное нами о природе“.

4. Список „лучших“ сочинений Эпикура, сохраненный Лаертом Диогеном, начинается следующим заголовком: „О природе. 37 книг“ [11]. Мы уже имели случай отмечать, что беспощадное время не сохранило нам ни одной из них; только в наши дни, усилиями нескольких немецких и итальянских филологов, удалось извлечь остатки этой огромной работы, уцелевшие в пепле Геркуланума [12]... Но даже если бы до нас не дошло ни одной строки, мы все же в состоянии составить себе представление о размерах „всего исследования“. Одно уже число составляющих его книг — тридцать семь—достаточно говорит о том, что перед нами самая крупная работа ученого. Недаром он сам подчеркивает, что не все ученики могли изучить ее полностью. Наконец, по его же собственным словам, отдельные книги были настолько обширны, что некоторые ученики не были в силах „разобрать“ их, целиком охватить их содержание [13].

5. Этим самым определяется и задание, стоявшее перед Эпикуром. Он должен был дать своим ученикам „извлечение из всего исследования, чтобы они могли удержать в памяти всеохватывающие положения [14]. Точно так же и в дальнейшем ученый подчеркивает, что он „решил составить извлечение и основоначалие своих всеобщих положения“ [15]. Наконец, заканчивая письмо, он еще раз подчеркивает: „Вот тебе, дорогой Геродот, основоначала о природе целого — в сжатом очерке“ [15].

6. Посмотрим теперь, насколько полным считал сам Эпикур свой сжатый очерк. В начале письма отмечается, что читатели очерка „в каждом отдельном случае смогут пособить себе в дальнейшем— поскольку они вообще затрагивают учение о природе“ [16]. Таким образом составитель рассчитывает предусмотреть все главные потребности читателей и дать им общее пособие, достаточно полное, чтобы ни одна частность не поставила их втупик. Несколькими строками ниже мы встречаем показательное выражение: „прообраз всего исследования, в основных чертах“ [17]. И ученый настойчиво подчеркивает, что намечаемый прообраз отнюдь не должен быть простым перечнем наиболее широких, наиболее отвлеченных обобщений науки: он должен быть составлен с достаточной полнотой, чтобы включить в себя все исследованные частности. „Непрерывность связного обзора целого

недостижима, если невозможно—посредством кратких положений—включить в нее все изученные отдельности“[18]... Остается только добавить, что, заканчивая свой краткий, но необычайно богатый очерк, Эпикур почти в тех же словах подытоживает его значение: „Даже те, кто уже достаточно или полностью изучил отдельности, большую часть своих обзоров целокупной природы совершают, сводя их к указанным схватываниям“[19]. После предыдущих сопоставлений, этот своеобразный язык не поставит уже нас в недоумение; речь идет все о том же,— о том, что развернутая в очерке цепь основных понятий эпикурова естествознания достаточна, чтобы включить в нее все его частные, отдельные области.

7. Итак, письмо к Геродоту, по мысли его автора, должно было стать своего рода кратким руководством для изучения его естественнонаучного творчества. Между тем, именно естествознание было важнейшей частью всей философии Сада. Это подчеркивает и сам его основатель, в том же „введении“ к своему письму: „он провозглашает постоянное рвение к естествознанию“, ибо безмятежность приобретается больше всего такою жизнью; поэтому он „решил сделать и это краткое извлечение и основоначалие своих общих воззрений“[20]... Высшая цель жизни в целом—безмятежность, освобождение духа от всех навязанных ему извне треволнений; лучшее средство к достижению этой высокой цели— постоянное рвение к естествознанию... Небольшой очерк, предпринимаемый Эпикуром, получает почетное назначение, придающее ему особую ценность. Он должен стать надежной опорой для постоянного, неослабного рвения к той области научного познания, которая созидает важнейшие предпосылки для высших нравственных заданий нашего бытия. .

8 „Демокрит стремился к знанию природы; Эпикуру достаточно было простого воззрения на природу“. Так гласит древняя идеалистическая легенда, до сих пор расписываемая на все лады всевозможными фабрикантами „историй философии“[21]. Враги Эпикура, от Цицерона до Целлера, пытаются уверить нас, что Эпикур и его друзья чуждались бескорыстного научного исследования: его естествознание было будто бы не созидательницей этики, а простой ее служанкой... Предыдущие строки еще не затрагивали содержания эпикурова естествознания; но уже теперь мы вправе сделать кое-какие выводы. Если нам еще и неизвестна истина Сада, то нам, во всяком случае, ясна ложь его врагов. Мы видели, как много заботится Эпикур не только о „всеобщих положениях“, но и „обо всех изученных отдельностях“ естественной науки; мы знаем, что он провозглашает постоянное рвение к естествознанию; маленький, но показательный пример—цель письма к Геродоту—убедил нас, что философ действительно обнаруживает достаточное „рвение“ к строгой научной мысли. Враги Эпикура никогда не могли—или не желали понять, что именно бескорыстное, „чистое“ естествознание было для него необходимым предусловием нравственного совершенства. Недаром же одно из самых ярких изречений философа гласит: „С откровенностью излагая естествознание, я предпочел бы скорее вещать полезное всем людям, даже если бы никто не слушал меня,—чем, снизойдя к ходячим мнениям, пожинать обильную хвалу толпы“[22].

ГЛАВА II.

План и содержание «письма к Геродоту».

1. При первом же знакомстве с так называемым письмом к Геродоту мы узнали, какую сложную и ответственную задачу ставит себе это скромное послание; мы убедились также, что его создатель отдает себе полный отчет о значительности и ответственности своего предприятия. Поэтому мы имеем все основания думать, что, прежде чем приступить к исполнению задачи, великий естественник постарался, в первую очередь, точно определить границы своей задачи: не забудем, какое огромное содержание предстояло подытожить в узких рамках краткого очерка. Наконец, вряд ли можно сомневаться, что, введя свое задание в точно определенные границы, Эпикур установил столь же определенный план, которому должно следовать изложение столь сложного и многогранного предмета. Мы и увидим сейчас, что оба эти предположения вполне соответствуют действительности.

2. В одном из вступительных замечаний к письму читаем такие строки, отчасти нам уже известные. „Те, кто уже достаточно подвинулся в рассмотрении целого, тоже должны держать в памяти прообраз всей работы в ее существенных чертах. Ведь мы постоянно нуждаемся в совокупном схватывании, а в отдельностях—не столь часто. И вот надо постоянно возвращаться к упомянутым свиткам, а в памяти заложить нечто, исходя из чего и основное схватывание вещей возможно, да и всякое изучение отдельностей станет доступным. Это и возможно, если правильно постигнуть и заполнить всеобъемлющие прообразы“ [1]. Здесь, прежде всего, точно намечено основное задание письма к Геродоту, нам уже известное: начертать „прообраз“ всей главной работы Эпикура и одновременно дать „совокупное схватывание“, т.-е. основные черты всеобъемлющей естественно-научной картины мира. Но этого мало. Устанавливая свое основное задание, ученый сразу же намечает и его границы. Он хочет закрепить в памяти своих друзей „всеобъемлющие прообразы“, одинаково необходимые для совокупного схватывания и для изучения отдельностей [2]; но сами эти „отдельности“ остаются в стороне [3]. Другими словами, Эпикур ставит своею целью установку наиболее существенных и основополагающих понятий естествознания; но он отнюдь не задается целью дать нам хотя бы краткий обзор всех „отдельностей“, всех частных достижений своей естественно-научной мысли. Кто хотел бы познакомиться с последними, тот должен „постоянно возвращаться к упомянутым свиткам“, т.-е. оставить краткий очерк и обратиться к главной работе Эпикура. Указанное обстоятельство чрезвычайно важно для правильной оценки знаменитого письма. Мы уже указывали, что сам ученый придавал своему очерку большое значение; но не следует забывать, что значение это имеет строго определенный смысл. Перед нами не краткий учебник эпикурейского естествознания, подытоживающий все его достижения. Задача Эпикура не столь широка, но именно поэтому гораздо более трудна: закончив все свои многочисленные исследования о природе, он хочет выделить из

них все наиобщие понятия, благодаря которым каждая „отдельность“ становится необходимой частью единой мощной картины мира... Составляемый очерк служит не столько *введением* в великую работу „О природе“, сколько ее *завершением*; он предназначается не столько для тех, кто собирается приступить к ее изучению, сколько для тех, кто много и долго потрудился над ее обширными свитками. И всякий, желающий постигнуть подлинное существо философии Сада, не должен забывать, что ее нынешний основоисточник—письмо к Геродоту—дает не ее азбуку, а ее скрижаль завета, которая доступна только посвященному. Именно поэтому она до сих пор еще остается по ту сторону разумения так называемых „историков философии“.

3 Попытаемся теперь раскрыть общий план, которому следовал философ при начертании своей скрижали. У одного из позднейших греческих историков читаем: „Философия Эпикура разделяется на познавательную, естественную и нравственную. *Познавательная* содержит введение к главной работе и заключена в одной книге, озаглавленной Правило (Канон)“ [4]. Таким образом в качестве введения к своему огромному исследованию „О природе“ Эпикур издал особую книгу, где изложил „правила“, которыми должно руководствоваться всякое опытное познание. Наконец, по свидетельству того же историка, „эпикурейцы излагают обыкновенно познавательную часть вместе с естественной. Они называют ее „о мериле или изначале“, или „основополагающей частью“...[5]. Если мы примем во внимание эти данные, первая часть Эпикурова плана намечается сама собой. Прежде, чем приступить к изложению своего изучения о *бытии*, Эпикур должен вкратце изложить свое учение о *познании*. Мы должны получить указания, что̀ считать „мерилом или изначалом“ научной истины; каковы те „основополагающие“ предпосылки познания, на которые опирается всякое познание бытия? Эпикур тем более был обязан сделать это в своем кратком очерке, что последний ставит своей целью изложение „всеобъемлющих прообразов“, основных понятий философии науки... И действительно, весь первый отдел письма, непосредственно следующий за введением, посвящен краткому изложению основных понятий эпикурейского *учения о познании*, о мерилах истины. Ученый даже сам употребляет здесь выражение: „всевозможные мерила познания“...[6]. Изложение ведется здесь чрезвычайно бегло; основные „мерила“ не столько излагаются, сколько просто перечисляются. *Это* не удивительно: Эпикур писал для посвященных, и, конечно, даже начинающим ученикам „первой ступени“ прекрасно были знакомы те простейшие предпосылки эпикуровой теории познания, до которых до сих пор не могут возвыситься „историки философии“[7].

4. Следующая часть эпикурова плана намечается сама собою. Напомнив основные предпосылки учения о *познании*, он должен, в первую очередь, установить наиболее „всеобъемлющие“ понятия, которые лежат в основе учения о *бытии*. И действительно, следующий, *второй*, отдел письма состоит из целого ряда сжатых и чрезвычайно точно отчеканенных положений; здесь речь идет об „изначалах“ бытия [8]. Отдел заканчивается словами, резко отделяющими его от всего дальнейшего изложения: „Это краткое изложение—*если запомнить его целиком*—дает достаточный *прообраз* для суждений о природе

сущего“ [9]. Философ сам подчеркивает, что все начальное изложение должно рассматриваться особо — как наиболее общая незыблемейшая основа остального здания. И в дальнейшем Эпикур несколько раз приглашает „памятовать о сказанном вначале [10], иметь постоянное памятование о всеобщем“ [11]. .

5. Третий раздел плана уже предзаложен в предыдущем. „...Кто памятует о сказанном вначале, тот и все включенное в прообразы содержание постигнет в размерах достаточных, чтобы от них могло исходить прочное изучение частностей“ [12]. После предыдущих разъяснений нас уже не будет смущать язык эпикурова наукоучения, несколько непривычный для современного читателя. В самом деле. „Вначале“, т.-е. в только что отмеченном втором отделе, философ выяснил наиболее общие понятия естествознания, имеющие своим предметом „изначала“ природы. Однако, именно в силу своей всеобщности, эти понятия включают в себя целый ряд других, обладающих разнороднейшими признаками, каждый из которых требует особого отграничения или определения. Только раскрыв это богатое содержание, мы можем заявлять притязания на действительное познание опытного мира с его неисчерпаемыми многообразиями. Недаром же сам ученый подчеркивает в другом месте, что разнородные свойства вещей „требуют своеобразных схватываний и разграничений, которым сопутствует целое и никогда не отделяется. они берут себе сказуемое согласно целостному понятию“ [13]. Другими словами, каждое „целостное“, всеобщее понятие самыми тесными узами связано с понятиями частными, своеобразными; первые служат для выражения опытных общностей; вторые стремятся закрепить многокачественные различия опыта. И если второй отдел эпикурова очерка ставит своей целью подытожить „всеобщие“ понятия, то задача следующего, третьего отдела ставится на очередь уже его предшественником: Эпикур должен указать, какой вид принимают указанные им наиобщие понятия, когда мы применяем их к неисчерпаемым многообразиям опыта. И заранее можно сказать, что этот отдел займет в письме самое внушительное место—по своим размерам: „своеобразные“, частные понятия гораздо у́же своих всеобщих предпосылок по своему объему, но зато гораздо богаче их своим содержанием.

6. Внимательно присматриваясь к тому, как осуществлялся этот строго отчеканенный план, мы без труда подмечаем и некоторые его дальнейшие подробности. Прежде всего, бросается в глаза, что в полном соответствии с основным заданием очерка, изложение ведется в виде точных и чрезвычайно сжатых основоположений (тезисов): почти все они четко отделены друг от друга не только своим законченным, резко отчеканенным содержанием, но и различными намеренно подчеркнутыми внешними переходами (в роде „далее“, „сверх того“ и т. д. [14]). И остается только удивляться, что до сих пор ни один исследователь Эпикура не подметил любопытного обстоятельства: все содержание письма распадается на сорок отдельных положений, чья изумительная строгость и чеканность делает честь даже такому мастеру ясного мышления, каким был Эпикур.

7. Так осуществляется основное, положительное, задание знаменитого „письма“. Однако Эпикурова философия науки не была част-

ным предприятием отдельного безответственного мыслителя: она хотела быть—и действительно была—завершающим итогом огромной собирательной работы всей предшествовавшей эллинской науки. Отсюда и второе, отрицательное, боевое задание письма: размежевание с важнейшими деятелями предшествовавшей эллинской науки. Предоставляя подробности дальнейшему исследованию, ограничимся пока несколькими указаниями, необходимыми для понимания общего построения письма. Ближайшим предтечей Эпикура является, как известно, великий отец атомизма, Демокрит; не удивительно, что именно размежевание с Демокритом становится едва ли не главной боевой осью всего очерка. Уже в одном из начальных положений, развивая общее учение об основах бытия, Эпикур считает необходимым особо оговорить свое несогласие с одной из основных предпосылок Демокрита: принимая учение великого физика о бесконечном числе атомов каждого вида, Эпикур справедливо указывает, что, вопреки Демокриту, число самих видов отдельных атомов должно быть признано неопределенно большим, но отнюдь не безусловно бесконечным (пол. 7) [15]. Еще более резко выступают разногласия двух величайших „естественников" древности в третьем отделе письма, посвященном более частным сторонам тогдашней научной картины мира. Так, перерабатывая основные предпосылки Демокритова учения о природе наших органов чувства (знаменитое учение об „отобразах"), Эпикур в то же время решительно оспаривает мнение того же Демокрита, будто бы чувственный опыт, как таковой, является источником заблуждения: по справедливому указанию Эпикура, действительный виновник заблуждения — сам же рассудок, ибо только ему одному принадлежит право оценки безоценочных данностей опыта (пол. 15) [16]. Далее, почти весь отдел, посвященный свойствам атомов и пустого пространства, представляет одно сплошное размежевание с Демокритом. Эпикур вскрывает непоследовательность своего предтечи в сложном вопросе о величине атомов: утверждая неделимость атомов, Демокрит тем самым признает за ними вполне определенную величину; между тем, он не хочет отказаться от старого мнения Анаксагора, что во всяком теле может находится любое число первичных телец, т.-е. без всякой определенной величины (пол. 20) [17]. Точно так же, вопреки Демокриту, Эпикур отстаивает мнение, что величина невидимых атомов не должна рассматриваться, как нечто совершенно несхожее с чувственно-наблюдаемыми величинами (пол. 21) [18]. Так же обстоит и с учением о свойствах пространства: принимая общую предпосылку Демокрита о неприменимости обычных понятий „верха" и „низа" к бесконечному пространству, Эпикур справедливо указывает, что эти понятия сохраняют относительное значение для указания двух противоположных направлений того же бесконечного пространства (пол. 23) [19]. Существенные разногласия выступают и в вопросе о природе движения: предвосхищая основную предпосылку современной механики, Эпикур утверждает, что, вопреки Демокриту, в пустом пространстве все атомы должны падать с одинаковой скоростью (пол. 24) [20]. Те же боевые задания дают о себе знать и в дальнейшем изложении. Намечая общее учение о свойствах и состояниях вещей, Эпикур, между прочим, оспаривает и мнение Демокрита, который недооценивал их значение и провозглашал их „условными"

созданиями нашей собственной познавательной способности, часто вовсе „изгоняя их из мира бытия“ (пол. 30 и 31) [21]. Напротив, исследуя природу времени, Демокрит, по мнению Эпикура, преувеличил значение этого своеобразия, превратив простое состояние материи в какую-то особую действительность (пол. 32) [22]. Недостаточно гибким оказался Демокрит и в своем учении о бесконечных мирах, настаивая на их безусловном различии друг от друга (пол. 34) [23]. Также и в учении о человеческом обществе Демокрит допустил необоснованные философские уклоны, защищая предвзятое учение об условном происхождении языка (пол 36) [24] Нет нужды приводить дальнейшие подробности: истинное взаимоотношение двух крупнейших деятелей древней науки до сих пор еще скрывается двухтысячелетней философской легендой и требует, конечно, особого исследования. А сейчас для наших целей совершенно достаточно только-что сделанных беглых справок: они наглядно выявляют немаловажное боевое задание очерка, которое, конечно, не могло остаться без влияния на его общий план. Точно так же нет нужды доказывать особо, что оно внесло своеобразную струю в общий тон письма, оттеняя и разнообразя чеканную строгость его основоположений.

8. Учитывая только-что добытые данные, попытаемся установить важнейшие подробности общего плана письма к Геродоту. Как мы уже знаем, оно открывается общим в в е д е н и е м, где излагается повод к его написанию и основные задания. Далее следует п е р в ы й, вступительный, отдел письма, заключающий краткий отчет об основных предпосылках опытной теории познания, каноники (гл. I). В т о р о й отдел письма содержит восемь наиболее общих положений эпикурейского естествознания: учение о природе, как целом, и об ее „изначалах“ — атомах и пустом пространстве (гл. II, пол. 1 — 8). Т р е т и й отдел, посвященный более частным сторонам научной картины мира, начинается обширной главой, раскрывающей общую природу взаимоотношений между нашими чувственными восприятиями и скрытой от них действительностью: мы получаем своего рода физическое и физиологическое подкрепление установленной ранее общей теории познания (гл. III, пол. 9—17). Следующая глава дает более подробное обоснование установленных ранее предельных понятий физической картины мира—атомов и пустого пространства; здесь — основная ось до сих пор еще неисследованного размежевания Эпикура с Д е м о к р и т о м (гл. IV, пол. 18 — 25). Установив основные понятия ф и з и ч е с к о й картины мира, Эпикур отводит особую главу предельному понятию тогдашнего б и о л о г и ч е с к о г о мировоззрения—понятию души (гл. V, пол. 26—29). В дальнейшем, переходя к еще более частным сторонам научной картины мира, Эпикур устанавливает сначала руководящие понятия свойств и состояний вещей; в этой же связи обсуждается и спорный вопрос о природе времени (гл. VI, пол. 30—32). Так получаются все необходимые данные для итогового рассмотрения основных законов р а з в и т и я мирового вещества; в общую цепь развития включается и человеческое общество (гл. VII, пол. 33—36). В виду особых трудностей, в той же главе отдельно рассматривается один из самых острых вопросов древней науки: происхождение и природа так называемых небесных явлений (гл. VIII, пол. 37—38). Наконец, установив предельные понятия тогдашней научной картины мира, Эпикур останавливается вкратце на их общем значении

для человеческой жизни в ее целом; перед нами бегло намечаются основные линии научной этики (гл. VIII, пол. 39—40). В тесной связи с ними находится и краткое заключение, где еще раз указывается общенаучное значение всего очерка.

9. „Эпикур гол и беспомощен в логике“ [25]. Презрительные отзывы подобного рода мы слышим из уст наиболее легкомысленных древних метафизиков. Но это обстоятельство нисколько не смущает современных „историков философии“: большинство и до сих пор не перестает повторять старые философские сплетни о полном презрении эпикурейцев к научной логике и теории познания, об исключительной „грубости“ их чувственно-догматического мышления и т. п. Между тем, достаточно вдуматься хотя бы в только-что раскрытый общий план письма к Геродоту, чтобы убедиться, как мало общего между философской легендой и подлинной действительностью. Геркуланский папел недаром, наперекор тысячелетиям, сохранил нам знаменательные слова, которые Эпикур вкладывает в уста одного из героев своего диалога „Пир“: „Наука требует методов и общих основоположений“ [26]. В противоположность мнимому творцу мнимой научной логики, Аристотелю, действительный основоположник древней науки умел ценить и применять действительную научную логику—логику живого, положительного знания.

Приступая к переводу важнейшего памятника древней философии науки, считаем нелишним сказать несколько слов о современном состоянии подлинника. Издавая письмо к Геродоту, выдающийся современный филолог отнесся с большим недоверием к древним рукописям, предложив не менее пятидесяти „решительных“ поправок. Однако мы еще убедимся в дальнейшем исследовании, что все они являются, в лучшем случае, излишними; а в значительной части они представляют совершенно неприемлемое искажение строгой мысли и столь же строгого языка великого древнего ученого. Оставляя пока все подробности, отметим только, что в основу нашего перевода положено сохранившееся рукописное предание, по возможности, без всяких „поправок“ и толкований Предоставим теперь слово самому Эпикуру.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Основоположения древнего научного миропонимания по Эпикуру.

Письмо Эпикура к Геродоту «О природе».

Перевод *).

Эпикур Геродоту—привет.

ВВЕДЕНИЕ. Дорогой Геродот! Для тех, кто не может изучить все написанное нами о природе или даже разобрать более
[35] 1. обширные свитки наших сочинений, для них-то я и приготовил это извлечение из всей работы:—чтобы они могли достаточно удержать в памяти всеохватывающие положения. Таким путем в каждом отдельном случае они смогут пособить себе в главнейшем—поскольку они вообще затрагивают учение о природе.

2. Это относится и к тем, кто уже достаточно подвинулся в рассмотрении целого. Они тоже должны держать в памяти прообраз всей работы в его основных чертах.

[36]. Ведь мы постоянно нуждаемся в совокупном схватывании, а в отдельностях — не столь часто. И вот надо постоянно возвращаться к упомянутым свиткам, а в памяти заложить нечто, исходя из чего и основное схватывание вещей возможно—да и всякое изучение отдельностей станет доступным. Это и возможно, если правильно постигнуть и запомнить всеобъемлющие прообразы.

Действительно, даже для совершеннейшего исследователя самое главное при всяком изучении — способность проница-

---

*) Перевод сделан возможно ближе к подлиннику. Все затруднения, которые могут возникнуть у читателя, будут разрешены во второй части работы, где будет дан подробный комментарий к каждому положению.

тельно пользоваться схватываниями. А это возможно, если они сведены к ясным началам и положениям. Ведь непрерывность связного обзора целого недостижима, если она не может — посредством кратких положений — включить в нее и все изученные отдельности.

[37] 3. Подобный путь полезен всем, занимающимся естествознанием. Поэтому, в целях постоянного рвения к естествознанию у тех, кто приобретает безмятежность больше всего такою жизнью,—я и предлагаю сделать и это извлечение и основоначалие моих общих учений.

РАЗДЕЛ I. Прежде всего, дорогой Геродот, надо установить подра-
Глава I. зумевания наших слов. Тогда мы сможем возвести к ним
[38] 1. предметы наших мнений, исканий и сомнений — и оценить их. Иначе, доказывая без конца, мы получим всюду неразборчивость или пустые слова. Ведь необходимо, чтобы первичный смысл у каждого слова усматривался и нисколько не нуждался в доказательстве, — если желательно получить то, к чему можно возвести предметы наших исканий, мнений и сомнений.

2. Далее, надо всюду хранить ощущения.

3. И вообще — все наличные схватывания мышления и всяких других мерил; также и наличные чувствования; тогда мы получим и все нужное для раскрытия ждущего и неочевидного.

А разграничив все это—рассматривать область неочевидного.

РАЗДЕЛ II. Прежде всего — ничто не возникает из небытия. Ведь
Глава II. иначе все возникало бы из всего, не нуждаясь ни в каких
[39]. 1. зачатках. И если бы нечто, уничтожаясь в небытие, погибало, все вещи исчезли бы: ведь не было бы того, во что они разлагались бы.

2. И вселенная всегда была такою, какая она есть—и всегда будет такою. Ведь нет ничего, во что она изменялась бы. И, кроме вселенной, нет ничего, что могло бы вторгнуться в нее и произвести изменение.

3. Далее. Вселенная есть тела и пустота! Что тела существуют, об этом свидетельствует повсюду само ощущение.

[40]. А согласно ему необходимо рассудком вскрывать неочевид-

ное, как уже сказано А если бы не было того, что мы именуем пустотой, или местом, или неосязаемой природой,— не было бы и того, в чем тела пребывают и через что двигаются; между тем, они явно двигаются. И кроме этих двух начал,—ни в опыте, ни соответственно опыту,—нельзя и помыслить ничего, что принималось бы как целостная сущность, а не как так называемые состояния и свойства указанных начал.

4. [41]. Далее, из тел одни суть сложные, другие — то, из чего сложные образуются. А последние неделимы и неизменны. Конечно, при условии, что все не должно уничтожаться в небытие, но при разложении соединений пребывают прочные тела, сплошные по природе — ибо они не могли разложиться нигде и никак. Посему изначала необходимо должны быть неделимыми сущностями тел.

5. Далее. Вселенная бесконечна. Ведь то, что ограничено, имеет окраину. То, что имеет окраину, созерцается р я д о м с чем-либо (т.-е. имеет предел). Но вселенная не имеет окраины, а значит, и предела. А не имея предела, она оказывается бесконечной и неограниченной.

6. [42]. И вселенная бесконечна как по количеству атомов, так и по величине пустоты. Ведь, если бы пустота была бесконечна, а тела численно ограничены, они не могли бы нигде пребыть, а носились бы рассеянными по бесконечной пустоте: они не имели бы опоры и сдержки при столкновениях. А если бы пустота была ограничена, бесконечным телам не в чем было бы уместиться.

7. Сверх того, неделимые и сплошные части тел, из коих возникают и в кои разлагаются сложные, необозримы по различиям своих очертаний. Ведь невозможно, чтобы столько различий возникло из одних и тех же обозримых очертаний. И в каждой разновидности очертаний одинаковые атомы безусловно бесчисленны, но по роду различий не безусловно бесчисленны, а только необозримы.

[43] 8. Атомы движутся непрерывно всю вечность. Одни далеко отходят друг от друга. Другие получают настоящий скачок— когда они приходят в столкновение: они или сами отклоняются, или их накрывают, сплетаясь, другие. Это созидает [44]. сама природа пустоты, отделяя каждый атом: ведь она неспособна дать им опору. Также и присущая им плотность вызывает при столкновении отскок—поскольку столкновение

допускает еще выход из сплетения. И начала нет этим движениям, ибо его носители—атомы и пустота.

Это краткое изложение, если его запомнить целиком, дает достаточную предпосылку для суждений о природе сущего.

[45]. Существуют бесчисленные миры — и сходные с нашим
РАЗДЕЛ III. и несходные. Ведь атомы бесконечны, как только что до-
Глава III. казано, и носятся они по беспредельностям. Из них-то и мо-
9. жет возникнуть мир — ими он и создается, а их не исчерпать ни для единичного мира ни для миров ограниченных— будь они подобны данному или различны. Итак, ничто не препятствует бесконечности миров.

[46] 10. Есть также отпечатки, которые одновидны с твердыми телами, но легкостью далеко превосходят все наблюдаемое. Возможны, ведь, и подобные отложения, возникающие в воздушной среде, и свойства проникать через пустоту и тонкую среду, а также истечения, сохраняющие тот же порядок и последовательность, что и у самих тел. Эти отпечатки мы называем образами.

11. И если нет сопротивления противодействующей среды, полет через пустоту совершает любое обозримое расстояние в непредставимо короткий срок. Ведь именно противодействие и непротиводействие создают представление медленности и быстроты.

[47] 12. Далее. Уносящееся тело, в умопостигаемые сроки, не может достигать сразу нескольких мест—ведь это немыслимо. А встретившись с другим, в любом месте бесконечного, в ощущаемый срок оно будет удалено от нас не в том месте, откуда мы воспринимаем его движение. Ведь для столкновения безразлично, считаем ли мы, до этого срока, быстроту движения беспрепятственной. Полезно удержать и это положение.

Затем, ни одно явление не противоречит и тому, что „образы“ обладают непревосходимой тонкостью. Поэтому и скорость они имеют непревосходимую; и все они обладают проникаемостью в той мере, в какой несметному их количеству ничто или немногое противодействует, и, наоборот, столь же несметное их количество — сразу наталкивается.

[48] 13. Сверх того, возникновение образов совершается с быстротою мысли. Возможно, что от тел происходит истечение;

благодаря многим взаимодействиям; убыль не обнаруживается благодаря восполнению. Истечение долгое время сохраняет положение и порядок частей самого предмета, хотя оно иногда и спутывается. Возможны также образования в воздушной среде; они изменчивы—их восполнение не происходит целиком. Есть и другие способы порождения этих образований. Ведь ни один из них не противоречит ощущениям; надо только усматривать известные виды очевидности, чтобы свести к ним связи внешнего мира с нами.

[49] 14. Надлежит также полагать: мы видим и мыслим очертания вещей потому, что к нам притекает нечто из мира внешнего. Сомнительно, чтобы сами внешние вещи отпечатлевали в нас свою природу, — особенно, природу цвета и очертаний,—через воздушную среду, отделяющую их от нас; столь же сомнительны излучения или всевозможные другие истечения, переходящие от нас к ним. Скорее от внешних вещей притекают в зрение и мысль образы надлежащей величины, одноцветные и одновидные с вещами и обладающие быстрым движением. По этой-то причине они и дают представление единства и связности и сохраняют связь с вещью: оттуда происходит соответственный приток — согласно расположению атомов в основе самого тела.

[50].

15. Поэтому всякое непосредственное представление, будет ли оно представлением очертаний или свойств, получаем ли мы его мышлением или органами чувств,—оно всегда есть начертание тела, возникаемое в связи с последовательным повторением „образа“ или его остатком. Что до обмана и заблуждения, то они всегда состоят в примышляемом— когда оно подлежит подтверждению или неопровержению, а затем не подтверждается (или опровергается). Это применимо и к представлениям, получаемым от „образа“, или в сновидениях, или при других схватываниях мышления и прочих мерил. Соответствие этих представлений так называемым бытию и истине не существовало бы, если бы не было того, в связи с чем мы „схватываем“. А заблуждение не существовало бы, если бы мы не допускали некоторого с т о р о н н е г о движения внутри нас самих, которое связано с деятельностью представления, но включает и с у ж д е н и е. В связи с последним,—если оно не подтверждается или опровергается,—возникает заблуждение; если оно подтверждается или не опровергается—истина. Это учение надо также твердо хранить, чтобы не неопроверглись мерила

[51].

[52].

очевидности, и заблуждение, столь же прочно закрепившись, не взбудоражило всего.

16. И слышание также происходит потому, что некоторое истечение доносится от предмета, который звучит, шумит, стучит и прочими способами создает слуховое чувство. Это течение распадается на множество равносложных телец; они сохраняют и некоторую взаимную связь и своеобразное единство с отославшим их телом. Поэтому они и вызывают соответственное ему восприятие; если же нет, они просто дают знать о чем-то внешнем. Ведь без некоторой связи, возводимой к самому предмету, невозможно и подобное восприятие

[53]. И не следует думать, будто воздух сам преобразуется от посланного звука или сходных причин, — воздух обладает полной неспособностью испытывать такие влияния от звука. Наоборот, когда мы отсылаем звук, в нас возникает удар; он и производит подобное вытеснение частиц, которые создают подобие дыхательной струи; последняя и вызывает в нас слуховое чувство.

17. То же надо принимать и для обоняния. Оно, как и слух, не вызывало бы никакого чувства, если бы не было известных телец, отсылаемых вещами и приспособленных для воздействия на этот орган чувств. При этом одни из них воздействуют мятуще и чужеродно, другие—немятуще и согласно.

Глава IV. Далее. Об атомах должно полагать, что из свойств явле-
[54] 18. ний они не приемлют никаких, кроме очертаний, тяжести, величины и того, что по необходимости сродно очертаниям. Ведь всякое качество изменяется; атомы же никак не изменяются. При разложении соединений должно оставаться нечто сплошное и неразложимое, что производило бы изменения не из небытия и в небытие, а путем перемещений. Посему то, что перемещается, должно быть непреходяще и чуждо природе изменчивого — тельца и очертания вполне своеобразные: они необходимо неизменны. Да и в наблюдаемых предметах, меняющих очертания при уменьшении, очертание все же постигается, как нечто присущее: что до качеств, то в отличие от устойчивого очертания, они не присущи изменяющемуся телу: они удаляются из тела как целого. Значит, остающегося достаточно для созидания различий в соединениях, — а нечто необходимо должно оставаться и не обращаться в небытие.

19. Не должно также полагать, что у атомов имеется любая величина: явления опровергают это. Однако надо предполагать, что известные различия величин существуют: при таком допущении лучше уяснятся явления из области чувств
[56]. и ощущений. А существование любых величин не нужно для качественных различий. К тому же тогда должны бы попадаться и видимые атомы, но это никогда не наблюдается, да и невозможно мыслить, как это произошло бы.

20. Сверх того, не должно полагать, что в ограниченном теле могут быть нескончаемые тельца — особенно же любой величины. Конечно, надо отвергнуть нескончаемое деление на меньшее: иначе мы все сделаем немощным и, суживая наши понятия о совокупностях, будем вынуждены бытие уничтожить в небытие. Но мало этого: не следует также полагать, что в ограниченных вещах возможны не-
[57]. скончаемые переходы к малому. И пусть кто-либо решится на оба утверждения: в данном теле имеются тельца нескончаемые и любой величины. Нельзя и помыслить как это возможно; каким образом его величина остается ограниченной? Очевидно, эти бесчисленные тельца должны иметь величину, но если эта величина — любая, то и величина всего тела была бы безгранична. Да и всякая ограниченная вещь имеет предел, умопостигаемый, если его и нельзя созерцать в себе. И, при последовательном нисхождении такую вещь нельзя мыслить иначе, как имеющею предел: сколько ни нисходить все дальше, без конца, она остается такою же, и как таковая должна предстоять понятию.

[58] 21. И наименьшее в ощущаемом следует мыслить так. Оно и неоднородно с телами, доступными изменению, но и не отлично от них всецело: оно обладает некоторою общностью с изменчивыми, но не обладает различимыми частями. Если же, исходя от этой общности, мы думаем разграничить в нем части, в том или другом направлении—наши усилия одинаково тщетны. И мы тотчас же созерцаем эти части, когда исходим от первой точки—но не в ней самой: они не связуются друг с другом „частями частей", а всем своеобразием определяют величины—бо́льшие у бо́льших, меньшие у меньших.

То же соответствие надо использовать и для наименьшего
[59]. в атоме. Очевидно, что своею малостью оно отличается от созерцаемого ощущением, но и здесь надо использовать то же соответствие. Ведь атом обладает величиной; мы уже высказали это в связи с указанным соответствием: мы

только мыслили нечто малое увеличенным. И далее: надо принять наименьшие и чистые пределы величин, которые из этих первоначал дают меру остальным—и бо́льшим, и меньшим; у вещей невидимых это постигается умственным созерцанием. Ибо общность, имеющаяся у них с вещами изменчивыми, достаточна для заключения в данном смысле. Но, конечно, скопления (вещества) из таких долей (атома) даже вступивших в движение, образоваться не могут.

[60] 22. А применительно к бесконечному о „верхе“ и „низе“ не надо говорить как о „высшем“ и „низшем“. Мы ведь знаем, что направление над нашей головой ведет от данной точки в бесконечность, где „высшее“ никогда нам не обнаружится; так же обстоит дело и с тем, что находится „ниже“ известной точки—в бесконечности.

23 [Однако невозможно, чтобы] одновременно существовали „низ“ и „верх“ по отношению к тому же; ведь это невозможно мыслить. Посему надо принять одно движение, мыслимое вверх, и одно—вниз,—оба в бесконечное. И пусть тело, несущееся от нас к подножиям „верхних“ вещей, проходит несметные пространства; пусть такие же пространства проходит тело, двигающееся от нас вниз, к возглавию „нижних“ вещей: каждое направление в целом, при всей противоположности, мыслится нисколько не менее бесконечным.

[61] 24. Далее, атомы необходимо должны быть равноскоры, когда они несутся через пустоту без помехи. Ведь нельзя мыслить, что тяжелые стремительнее малых и легких,—когда ничто не противодействует последним; нельзя думать и, что малые податливее больших, когда и первым ничто не противодействует,—все обладают одинаковой проникаемостью. Таковы же и движение вверх или в стороны вследствие столкновений, и движение вниз вследствие собственной тяжести. Ведь сколько каждое из них господствует, столько же, со скоростью мысли, будет продолжать движение и атом, пока что-либо не окажет противодействия—извне или от собственной тяжести.

[62] 25. Напротив, об атомных соединениях надо утверждать, что одни двигаются скорее других. Хотя атомы равноскоры, но здесь, в соединениях, важно, двигаются ли атомы к одному месту в наименьшие непрерывные сроки, или не к одному. Они часто сталкиваются, прежде чем непрерывность движения не станет доступна ощущению. И напрасно для вещей невидимых примышляется, что даже умопостигаемым срокам

свойственна непрерывность движения:—здесь это далеко от истины. Ибо только все созерцаемое или получаемое мыслью путем схватывания истинно.

Глава V. [63] 26а. Далее. Душу надо изучать, восходя к ощущениям и чувствованиям: так получится прочнейшая достоверность. Именно, душа есть тончайшее тело, рассеянное по всему организму. Наиболее оно уподобляется дуновению, имеющему примесь тепла, и отчасти подобно первому, отчасти—второму.

26в. Есть также часть, которая по тонкости совершенно отлична и от последних; но именно поэтому она в еще большей связи с остальным организмом. Обо всем этом свидетельствуют и способности души, — чувства, страсти, помышления, — лишившись которых мы умираем.

[64] 27. Надо также держаться мысли, что душа есть главная причина ощущения. Но она не была бы таковою, если бы остальной организм не давал ей известного покрова. А остальной организм, создавая душе такое значение, приобщается и сам благодаря ей этому свойству,—но, конечно не всему, что она приобретает. Поэтому по отходе души, он не обладает ощущением. Ведь эту способность он приобрел, не сам по себе,—ее создала ему другая, соединившаяся с ним часть. Именно: она завершает собственную способность и путем движения прямо создает себе свойство ощущения; затем, благодаря смежности и связи, она передает его и [65]. организму, как уже сказано. Поэтому, пребывая в нем, душа даже при утрате некоторых других частей, никогда не лишится ощущения. Напротив, пусть окружающей ее покров разложится целиком или частично; сколько бы этих частей ни погибло, душа, поскольку она сохранится, будет обладать ощущением. Остальной же организм, сохранившись целиком или частично, не обладает ощущением—если удалится то количество атомов, какого требует природа души.

28. А с разложением всего организма рассеивается и душа: она уже не обладает прежними способностями и не движется, [66]. а значит, и не приобретает ощущений. Нельзя ведь мыслить, что сам источник ощущения находится вне данного уклада и все же способен к таким движениям; ведь облекающая его среда уже не сходна с тою, где он находится сейчас, обладая подобными движениями.

29. Надо также запомнить и следующее. Душа [не есть нечто] бестелесное,—если под этим наименованием разуметь само

стоятельную вещь: как такую вещь, нельзя мыслить ничего бестелесного, кроме пустоты. А пустота не может ни действовать, ни претерпевать: она создает телам возможность движения через нее. Значит, те, кто объявляет душу бестелесной, — бредят. Будь она таковою, она не могла бы ни действовать, ни претерпевать. Между тем, оба эти свойства с очевидностью разграничиваются у души.

[68]. Все подобные соображения о душе надо сводить к чувствованиям и ощущениям, памятуя о сказанном вначале. Тогда и все включенное в прообразы содержание можно постигнуть в размерах, достаточных, чтобы от них могло исходить прочное изучение частностей.

Глава VI 30. Переходим к очертаниям, цветам, величинам, тяжести и всем прочим вещам, которые определяются как всевозможные свойства тел—всех или самых же видимых и прямо познаваемых посредством ощущения. Их также не следует считать самостоятельными сущностями,—ибо это невозможно [69]. помыслить. Но недопустимо и то, что они вообще не существуют. Недопустимо также считать их чем-то привходящим к телу, бестелесным. Нельзя считать их и его частями. Напротив: все тело в целом от всех этих свойств вообще получает свою постоянную природу. Но не как внешнее их сочетание: последнее бывает, когда из самих телец составляется большее соединение — будь то первичные тельца, или вообще части определенного целого, меньшие его самого. Нет, как я утверждаю, только из всех этих свойств вместе — получает тело свою постоянную природу. И каждому из них соответствует особое схватывание и отграничение; каждому сопутствует целое и никогда не отделяется; напротив, оно берет себе сказуемое, согласно целостному понятию тела.

[70] 31. Далее, телам часто случается иметь спутниками и нечто непостоянное,—хотя, конечно, оно не из невидимого мира и вовсе не бестелесно. Посему, пользуясь этим названием в обычнейшем смысле, мы с очевидностью устанавливаем следующее. Во первых, „состояния“ не обладают природой целого, охватывая которую, мы высказываемся о „целостном“ теле. Во-вторых, они не причастны природе постоянных свойств, без коих тело не может мыслиться. О каждом из них мы должны высказываться согласно некоторым схватываниям, коим сопутствует целостное; но в какой бы связи ни наблюдалось каждое из них, все они сопутствуют

предмету непостоянно. И очевидность этих „состояний“ не надо изгонять из бытия только за то, что они не обладают ни природой целого, коему сопутствуют, ни природой постоянных свойств. Но и не надо считать их самостями: ведь это недопустимо мыслить ни о них, ни о постоянных свойствах. Согласно их собственным обнаружениям, все они должны пониматься как „состояния“ тела: не как постоянные качества и не как нечто, обладающее природой самобытия. Надо созерцать тот способ, каким само ощущение дает их своеобразие.

[72] 32. Надлежит также крепко запомнить следующее Время не надлежит исследовать, как все прочее, что мы исследуем, предметно, возводя к созерцаемым в нас самих предпонятиям. Надо просто обсудить очевидность, согласно которой мы говорим о „долгом“ или „коротком“ времени — описывая их в одном понятии. И не следует заменять названия на „лучшие“: надо применять к нему уже имеющиеся. И не высказывать о нем нечто иное, якобы обладающее сущностью, тождественной с этим своеобразием,— а некоторые делают и это. Надо просто умозревать получше то, с чем [73]. мы связываем и соизмеряем это своеобразие. Действительно: не доказательства, а умозрения требует следующее положение. Мы связываем некоторое своеобразное состояние с днями, ночами и их частями, с чувствованиями и бесчувствиями; с ними соединяется опять-таки тот же смысл, поскольку речь идет о „времени“.

Глава VII. В связи с прежде сказанным надлежит полагать следующее:
33. миры и все ограниченные соединения обладают сугубой однородностью с наблюдаемыми вещами. Поэтому все они произошли от бесконечного: все это выделялось от своеобразных вихрей—бо́льших или меньших. И все снова разлагается—одни скорее, другие медленнее; одни испытывают это от одних определенных причин, другие—от других.

[74] 34. Далее, не должно полагать, что они необходимо обладают о д н и м и очертаниями или, напротив, безусловно различны. Ведь никто не докажет, что определенные зачатки, из коих состоят животные, растения и все прочее наблюдаемое, могли содержаться в данном определенном мире, а в другом не могли.

[75] 35. Надо предполагать, что наша природа много и разнообразно получалась и понуждалась самими вещами. А рассудок и не-

рерабатывает позднее внушенное ею, и дополняет изобретениями — в одних случаях быстрее, в других — медленнее; в одних случаях — в бо́льшие времена и сроки, в других — в меньшие.

36. Посему и названия не возникли вначале условно. Наоборот, сами уклады людей приобретали у каждого племени своеобразные чувства и своеобразные представления. Столь же своеобразно испускали они струи воздуха, вызываемые каждым чувством и представлением. При этом могли сказываться и местные племенные различия. А позднее уклады каждого племени установили за своеобразиями общность: ибо значения слов стали менее двусмысленны друг для друга
[76]. и раскрывались проще. Но и позже люди сознающие вводили иногда вещи, ими не осознанные: вынужденные высказываться, они произносили известные слова; или же они перетолковывали, под давлением обстоятельств, слова, уже постигнутые рассудком.

37. Теперь о движении, поворотах, затмении, восходе и заходе в надземном мире и обо всех однородных явлениях. О них не должно полагать, будто они происходят по чьей-то воле, которая обслуживает, устрояет или устроила, и вместе обладает всяческим блаженством, рядом с бессмер-
[77]. тием. Ибо дела и попечения, гнев и благоволение не согласны с блаженством: все это происходит при немощи, боязни и нужде во внешнем. Далее, светила суть только сгущения огня, и, конечно, нельзя думать, что они приобретают блаженство и совершают свои движения по произволу. Напротив, употребляя слова, восходящие к таким понятиям, надо хранить всякую возвышенность—не допускать мнений, противоречащих этой возвышенности: иначе само уже это противоречие вызывает в умах величайшее смятение.

Поэтому надо допустить, что при начале образования мира — в нем возникают круговороты упомянутых вихрей; тогда же складывается и эта необходимость и закономерность.

[78] 38. Надо также принимать, что исследование причины в а ж н е й ш и х вещей есть дело естествознания. Именно с этим и связано блаженство. Сюда же относится познание, каковы те силы, что наблюдаются в связи с данными небесными явлениями, и вообще все сродное такому исследованию. Сверх того,— в этих вещах нет места многозначности и предположительности. И как бы то ни было, в бессмертной и блаженной природе нет безусловно ничего, что вносил

бы разделение и потрясение. Что это безусловно так, надлежит постичь мышлением. Другое дело—чисто описательные
[79]. стороны таких предметов, как восход, заход, поворот, затмение и все сродные явления. Сами по себе они ничуть не ведут к блаженству познания. Напротив, если их подметить, но не знать, каково их существо и главнейшие причины,— тогда проникнешься такими же страхами, как если бы и не опознавал их. Пожалуй, даже большими — если бы изумление при их обдумывании не могло найти разрешения и познать порядок *важнейшего*. И вот, мы отыскиваем множественные причины поворотов, заходов, восходов, затмений и тому подобного, как если бы речь
[80]. шла об отдельных явлениях; но не следует думать, будто требуемая при этом точность не достигает размеров, требуемых для нашей несмятенности и блаженства. Посему надо сопоставлять способы, какими происходят наблюдаемые нами единообразия, и вскрывать причины небоявлений и вообще всего неочевидного. И можно пренебречь теми, кто не познает ни единообразного бытия и бывания, ни множественного обнаружения. Они являют зрелище людей, охваченных зудом, и не ведают, когда возможна несмятенность. Мы же уясняем, какими способами возможно их возникновение и в каких случаях одинаково возможна несмятенность. Допустим, мы осмыслили, какими способами происходит вероятное и в каких случаях возможна одинаковая несмятенность; тогда даже познание множественности приведет к такой же несмятенности, как если бы мы познали единообразие.

Глава VIII. В связи со всеми вообще такими вещами надлежит
[81] 39 полагать, что высшее смятение возникает в человеческих душах по следующим причинам. Во-первых, есть мнение, что боги—существа блаженные и бессмертные и одновременно обладают противоречащими этим качествам стремлениями, деяниями и поступками. Во-вторых, примышляется какой-то вечный ужас, или же он предполагается по внушению мифов. А иногда ужасаются при мысли о пресловутом бесчувствии после смерти — как будто оно существует для нас. В-третьих, иногда это испытывается не от мнений, а от известного подсознательного настроения: тогда, не определяя предмет ужаса, испытывают такое же или даже большее
[82]. смятение, чем если бы размышляли о нем. Несмятенность и

есть освобождение от всего этого и постоянное памятование о целостном и главнейшем.

40. Посему надо применяться ко всему наличному—к общим ощущениям для общностей, к своеобразным — для своеобразий, и вообще ко всей наличной при каждом мериле очевидности. Применяясь к ним, мы правильно вскроем причины возникновений смятения и страха. Вскрывая причины небесных явлений и прочих постоянно встречающихся вещей, мы отрешимся от всего, что сугубо устрашает других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. [83] Вот тебе, дорогой Геродот, основоначала о природе целого—в кратком очерке. Пусть мое слово тщательно запомнится и станет действенным. Тогда, если кто и не возвысится до изучения всех частностей,— я все же уверен — он приобретет могущество, несравнимое с остальными людьми.

Ведь этот очерк сделает ему ясным много отдельных исследований из всей нашей работы и будет постоянно содействовать закреплению в памяти основных понятий. Ведь все они особого свойства: даже те, кто уже достаточно или полностью изучил отдельности, большую часть своих рассуждений о целокупной Природе совершают именно сводя их к указанным схватываниям. К ним должны обращаться и все, кто не закончил изучения целиком: так они даже неизустным способом с быстротою мысли получат обзор главнейшего—для своего умиротворения.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Творения Эпикура, дополняющие «письмо к Геродоту». Их задание и общее содержание.

Глава I.

«Письмо к Пифоклу» как дополнение главного очерка.

1. Второе письмо Эпикура, сохраненное для нас древним историком, носит заголовок: „Письмо Эпикура к Пифоклу о небесных явлениях". Нам уже приходилось указывать, что „второе" письмо представляет как бы дополнение первого [1]. Поэтому, познакомившись с подлинником знаменитого письма к Геродоту, мы тем самым получили все нужные данные для надлежащей оценки нашего второго главного источника.

2. Действительно, на заключительных страницах письма к Геродоту находим несколько положений, посвященных „небесным явлениям" (пол. 37 — 38 [2]). Уже при первом знакомстве с ними нетрудно подметить, что по своему содержанию они значительно отличаются от предыдущих. В двух кратких положениях Эпикур отнюдь не ставил своей задачей подытожить все основные, предельные понятия своего положительного учения о „небесных явлениях". Древний ученый ограничился двумя общими указаниями. Одно из них (пол. тридцать седьмое) посвящается сложному вопросу о происхождении исследуемых явлений: Эпикур указывает, что, в противовес ходячей метафизике, мы должны допустить и здесь строгую естественную, стихийную закономерность, не требующую никакого божественного вмешательства [3]. В следующем (тридцать восьмом) положении столь же кратко затрогивается вопрос о внутренней природе тех же явлений: Эпикур ограничивается указанием, что при их исследовании неосуществимо обычное в других случаях задание — раскрытие строгих и неизменных единообразий; напротив, здесь приходится довольствоваться установкой „множественных" причин [4]. Таково то немногое, что древний ученый счел необходимым отметить по данному вопросу: только такие общие указания могли быть включены в сжатый обобщающий очерк всей научной картины мира.

3. Между тем, даже оставаясь в пределах этого беглого изложения, внимательный читатель сам может сделать совершенно несомненный вывод: затронутые Эпикуром вопросы получили особую остроту в тогдашнем общенаучном сознании. Недаром первое из указанных положений

начинается выразительным отмежеванием: „О небесных явлениях не следует полагать, будто они происходят по чьей-то воле, которая обслуживает, устрояет или устроила“ [5]... Загадочные закономерности звездного мира, трудно объяснимые своеобразия в деятельности солнца и луны, наконец, разительные явления грозовой деятельности природы,— все эти небесные явления издавна были излюбленным поприщем религиозной мифологии. Умозрительная „философия“, достойная наследница и союзница первобытного анимизма, продолжала итти проторенным путем: величественные ученики Сократа, Платона и Аристотеля, при всей своей разноголосице, единодушно стремились обновить тускнеющее предание о „целесообразном“ устройстве и „божественной“ предустановленности мира. И само собою разумеется, малозастенчивые „философские“ секты пользовались всяким затруднением молодой науки, чтобы подсунуть косному обыденному сознанию вновь исправленные и дополненные домыслы первобытного дикаря. „Они являют зрелище людей, охваченных зудом“ [6] — говорит Эпикур о своих непримиримых противниках, бесчисленных наследниках Платона и Аристотеля. „Небесные явления были излюбленным предметом метафизического зуда, и независимая научная мысль должна была относиться к ним с удвоенным вниманием.

4. Теперь нам становятся вполне ясными основные задания письма к Пифоклу. Первое из них с полной определенностью указано самим Эпикуром в кратких вводных замечаниях. Нам еще предстоит вернуться к ним в дальнейшем [7]; а пока достаточно несколько справок. Идя навстречу настойчивым просьбам своего ученика, Эпикур посылает ему „сжатое и легкообозримое рассуждение о небесных явлениях“ [8]; оно должно быть кратким, обобщающим итогом многообразных частных исследований того же предмета, выполненных в других, несравненно более обширных работах. И Эпикур сам подчеркивает, что новое письмо должно рассматриваться как дополнение „малого извлечения к Геродоту“ [9].

5. Таково основное, положительное задание письма. Но мы уже знаем, что „небесные явления“ для тогдашней науки были не только бескорыстным предметом чистого знания. Отсюда и то дополнительное, боевое задание, которое непрерывной нитью проходит через все „второе“ письмо. Уже в самом начале, в кратком методологическом введении, Эпикур решительно выступает против „пустых предпосылок и предвзятостей“ ходячей метафизики и религии [10]: притязая на безусловное знание, они тем самым „выкидываются из всякого естествознания и прибегают к мифу“ [11]. И на всем протяжении письма Эпикур неоднократно бичует ту же философскую мифологию. Так, он предостерегает читателя против „невежественных ухищрений астрологов“; достойными их соперниками являются всевозможные наследники Платона и Аристотеля, которые „влюбились“ в безусловные объяснения [13] с презрением отвергают скромную „вероятность“ [14] опытных догадок, и приводят все явления к немыслимому [16]. И Эпикур остроумно вышучивает безответственные попытки — подчинить природу и опыт мнимому божественному провидению: не то что блаженное и бессмертное существо, но и самые смертные твари не впали бы в такую глупость, какую приписывают философы своему сустливому и всюду сующемуся богу [17]. Поэтому великий ученый шутливо соглашается оставить философам их бога [18].

6. Своеобразные задания письма к Пифоклу, только-что указанные, дают нам ключ к объяснению и некоторых своеобразий его языка и слога.

В самом деле, основное задание письма очень далеко от широкого обобщающего размаха письма, к Геродоту: письмо к Пифоклу ограничивается одною частною областью естествознания. Вот почему, в отличие от „первого" письма, оно не дает нам связной стройной цепи наиобщих предельных понятий: напротив, мы находим здесь скорее последовательный перечень различных научных догадок, которые относятся к тем или иным частным явлениям. Поэтому и отдельные положения второго письма не связуются одно с другим тесными внешними переходами [19].

7. Другая внешняя особенность письма в сущности нами уже указана: она неизбежно вытекает из его второго, боевого задания. Мы знаем уже, что боевой оттенок имеется и в письме к Геродоту: но там основные размежевания — целиком внутринаучного порядка, их предметом является величайший основоположник доэпикурейской физики, Демокрит. Напротив, в письме Пифоклу главной противной стороной оказывается донаучное мышление, потусторонняя метафизика Платона и Аристотеля. Отсюда и тот гораздо более повышенный и резкий боевой тон, который сохраняется на всем протяжении письма в многочисленных вылазках и вызовах, которыми заканчивается едва ли не половина всех его основоположений.

8. Остается только несколько кратких указаний о плане и содержании письма. По примеру предыдущего, в кратком введении излагается повод к написанию письма и устанавливается его основное задание. Так же обстоит и с первым отделом письма: здесь указываются руководящие познавательные предпосылки опытного исследования небесных явлений (гл. I). Весь второй и главный отдел представляет сжатый отчет о тогдашнем состоянии астрономии и метеорологии. Изложение ведется в следующем порядке. Эпикур начинает с общего учения о строении и происхождении нашего мира (гл. II, пол. 1 — 3). Следующая, более обширная глава посвящается общему учению о небесных светилах (гл. III, пол. 4—15). Столь же ясно намечается и очередная, четвертая глава, описывающая грозовую деятельность и связанные с нею явления (гл. IV, пол. 16 — 29). В последней, пятой главе письма рассматриваются дополнительно некоторые своеобразные явления в мире небесных светил. Наконец, краткое заключение еще раз возвращается к основному заданию письма, подчеркивая связь исследуемого частного предмета с наиобщими предпосылками естествознания.

9. Как было указано, некоторыми особенностями „второе" письмо Эпикура резко отличается от письма к Геродоту. Поэтому уже в древности, во времена Зенона Сидонского, „сводка о небесных явлениях к Пифоклу" вызывала „некоторые подозрения" [20]. Они были возобновлены современными филологами: некоторые из них, без колебаний, объявляют письмо к Пифоклу „недостойным Эпикура". Нам еще предстоит вернуться к этому вопросу в особом исследовании, а пока достаточно нескольких указаний, которые дает нам заканчиваемая глава. Мы убедились, что по своим основным заданиям „второе" письмо

Эпикура представляет вполне законное и продуманное завершение первого; точно так же и важнейшие внешние особенности письма непосредственно вытекают из самого предмета. Поэтому, даже не входя в более подробную оценку того же письма по существу, мы уже теперь можем заявить с полной определенностью: подлинность письма Эпикура к Пифоклу не вызывает никаких подозрений.

Глава II.

«Письмо к Меноикею» как дополнение главного очерка.

1. „Письмо к Меноикею о нравственности"—так гласит заголовок т. н. третьего письма Эпикура. Уже самое беглое знакомство с этим кратким очерком эпикурейской этики не оставляет сомнения, что он не находится ни в какой непосредственной связи с нашим главным источником—письмом к Геродоту. Тем не менее, древний историк, как мы уже упоминали [1], счел нужным включить в свой маленький эпикурейский сборник именно письмо к Меноикею, а не какое-либо другое. И нетрудно убедиться, что для этого были достаточные основания: подобно „второму" письму, этот третий сохранившийся памятник Эпикура может рассматриваться, как необходимое дополнение все того же письма к Геродоту.

2. Действительно, припомним два заключительных основоположения нашего главного источника. Оба они посвящены эпикурейской этике. Первое из них (письмо к Геродоту, пол. 39) указывает основные причины, вызывающие смятение в человеческой душе: страх перед богами, боязнь смерти, неуменье установить пределы наших страданий. Высшее нравственное задание—знаменитая и доселе извращаемая эпикурейская „несмятенность духа"—состоит в полном освобождении от всех претерпеваний подобного рода [2]. И следующее положение (пол. 40) указывает, что свобода духа созидается научным познанием—планомерным научным опытом, который вскрывает истинные причины вещей и преодолевает ложные страхи донаучного мышления [3]. Этим и ограничиваются те этические предпосылки, которые Эпикур счел необходимым включить в общий очерк научного мировоззрения. Мы и убедимся в дальнейшем, что т. н. третье письмо—к Меноикею—по существу является своего рода пояснением этих двух основоположений главного очерка.

3. Однако этические указания письма к Геродоту нуждались в дополнении и с несколько иной стороны. Нам еще не раз придется указывать, что Сад Эпикура был не только очагом чистой науки: бескорыстная мысль сливалась здесь в одно неразрывное целое с непосредственным творчеством жизни [4]. „Суетно слово философа, если оно не исцеляет ни единого человеческого чувства; совершенно бесполезно врачевание, если оно не исторгает болезней тела; столь же бесполезна философия, если она не исторгает страданий души" [5]. Так говорил Эпикур. Истинная наука не ограничивается одним только завоеванием истины: она хочет и должна сделать эту истину творческой силой, которая преобразует человеческий дух, исцеляя его от всех недугов,

навязанных ему внешней средой. Вот почему научная мысль не может ограничиться простой установкой высшего нравственного задания; более того: она не считает свою задачу исчерпанной и тогда, когда она завоевала все орудия чистого знания, необходимые для освобождения духа от всяких омрачающих его вторжений. Научное естествознание и созидаемая на его основе научная этика должны сделать еще несколько шагов — в самую глубину непосредственной жизни: они должны исследовать и показать, какими путями осуществляется эта высшая цельность духа, каким образом чистая истина естествознания может исторгнуть всякое страдание духа... Научная этика должна быть не только общим учением о цельной жизни — она должна дать и действительное руководство к ее достижению. „Надо не притворяться философами, а истинно быть таковыми. Ибо мы нуждаемся не в том, чтобы казаться здоровыми, а в том, чтобы истинно быть таковыми“ [6].

4. Оба основных задания письма к Геродоту выступают с полной определенностью. Первое из них достаточно намечается в скромных, но выразительных строках введения: „Надо заботиться обо всем, созидающем счастье“ [7]. А на одной из заключительных страниц читаем гордое заявление: „Всего этого начало и высшее благо—мудрость. Поэтому и у философии мудрость в наибольшем почете: из нее вытекают все прочие добродетели“. Такова главная задача письма: показать, как из всепроникающей „мудрости“ положительного знания рождаются все основные нравственные задания—все „добродетели“.

5. Рядом с этой основной, теоретической задачей, через все письмо проходит другая, более прикладного, практического порядка. О ней говорят уже знаменитые начальные строки письма, которые так нравились даже отцам церкви: „Пусть никто не откладывает философию в юности, и пусть не устает от нее в старости. Ведь никто не может быть недозрелым или перезрелым для здоровья души“ [9]. Еще раз: положительная наука и созидаемая ею этика не хотят быть предметом роскоши немногих утонченных избранников: они желают и должны стать главной действенной силой жизни вообще, важнейшим орудием духовного здоровья для „старца и юноши“, для всякого человека. Отсюда и показательные строки, заканчивающие введение: „Все, о чем я тебе неустанно возвещаю, делай и памятуй—рассудив, что основания прекрасной жизни таковы“ [10]. Научная этика хочет дать ищущему человеческому духу не бездейственное отвлеченное задание, а непосредственные основы „прекрасной жизни“.

6. Теперь нам понятны и некоторые своеобразные особенности языка и слога письма к Менойкею. Уже при первом чтении резко бросается в глаза, что, в отличие от первых двух писем, основоположения третьего письма отнюдь не отделяются друг от друга ясными, чеканными выражениями. В соответствии с основным, теоретическим заданием письма, Эпикур хотел показать, каким образом из великого источника положительного знания непосредственно рождаются все высшие нравственные достоинства. Поэтому и все изложение письма оказалось удобнее приурочить к немногим основным „добродетелям“, и не было нужды разбивать его на отдельные, четко отделимые положения. Современному читателю не приходится жалеть об этом: он получает полную и, к сожалению, единственную возможность познакомиться с

тою стороной Эпикурова дарования, которая несравненно менее представлена в других работах. Если в первых двух письмах Эпикур выступает перед нами как исключительный мастер строгого и сжатого научного языка, то последнее письмо показывает нам его с совершенно другой стороны: перед нами столь же блестящий мастер живого и общедоступного, мы сказали бы теперь, популярно-научного изложения.

7. Укажем, наконец, еще одну особенность, непосредственно вытекающую из второго, указанного выше задания. Провозглашая нерасторжимый союз науки и жизни, великий ученый провел свою излюбленную мысль не только через все содержание письма: если так позволительно выразиться, и весь язык письма находится под знаком такого же союза. Строгие внеобразные научные обобщения, непрерывной цепью развертывающиеся в первых двух письмах, в третьем уступают место яркой образной речи, пленяющей своим чисто-художественным изяществом. Письмо к Менойкею уже самым своим существованием представляет живое опровержение старой философской сплетни, будто Сад Эпикура был „врагом изящных искусств“ [11]. Недаром в одном из Ватиканских изречений читаем: „Надо одновременно и веселиться, и заниматься наукой, и хозяйствовать, и обнаруживать прочие свои способности: и никогда не забывать глаголов, исходящих от истинной философии“. Настойчивое стремление к наибольшей полноте духа, во всех возможных областях его действенности—таково неотъемлемое свойство всякого эпикурейца; и никто не обладал им в большей степени, чем сам основатель Сада.

8. Руководствуясь только-что изложенными данными, мы без труда можем вскрыть общий план разбираемого письма. В кратком в в е д е н и и, с чисто-художественной яркостью, намечаются цель и значение письма. В начальной главе излагаются некоторые предпосылки знаменитого эпикурейского учения о богах; мы вернемся в своем месте к этой своеобразной естественно-научной гипотезе, не имеющей ничего общего с религией и метафизикой, кроме названия. В связи с намеченным учением обосновывается п е р в а я эпикурейская добродетель—„благочестие“, опять-таки ничего не имеющая общего с ходячим смыслом этого, ныне малопочтенного, слова (гл. I, пол. 1—2). Следующая глава посвящается эпикурейскому учению о смерти, утверждая основы в т о р о й эпикурейской добродетели—мужества (гл. II, пол. 3—9). Затем следует сжатый очерк знаменитого учения о „наслаждении“, венчающегося т р е т ь е й эпикурейской добродетелью—самодовлением (гл. III, п о л. 10—16). К этому изумительному по силе мысли изложению непосредственно примыкает краткая глава, посвященная ч е т в е р т о й, всеопределяющей эпикурейской добродетели: это—мудрость, творческий источник всех остальных добродетелей (гл. IV, п о л. 17—19). Наконец, еще одна глава (до сих пор не выделенная издателями Эпикура) посвящается последней, п я т о й эпикурейской добродетели—справедливости. В кратком очерке Эпикур ограничивается только одним относящимся сюда вопросом—о т. н. „свободе воли“, о взаимоотношении нашего внутреннего мира и внешней среды (необходимости и случая); отстаивая относительную „безвладычность“ человеческого духа, древний ученый тем самым утверждает необходимую основу разумной „справедливости (гл. V, п о л. 20 и 21). Письмо заканчивается кратким за-

ключением, где с исключительной силою подчеркивается могущество человека, вооруженного бессмертными благами положительного знания.

9. В противовес разобранному прежде письму к Пифоклу, „третье письмо“ Эпикура никогда не вызывало сомнений в своей подлинности. И действительно, уступая другим сохранившимся памятникам Эпикура по строгости и чеканности мысли, оно едва ли не превосходит их в другом отношении: яркостью и свежестью проникающего его чувства, многогранностью эпикурейского мироощущения. Достаточно привести хотя бы только что упомянутые заключительные строки:

„Ты никогда не востревожишься—ни днем, ни ночью; будешь жить как бог среди людей. Ведь ни в чем не подобен смертному существу человек, живущий с бессмертными благами“.

Глава III.

Отклики других обобщающих писем Эпикура.

1. Обозревая современное состояние источников Эпикура, мы уже указывали, что сохранившееся наследие основателя Сада не исчерпывается тремя разобранными научными письмами: до нас дошли два очень ценных сборника „изречений“ Эпикура [1]. Первый из них, восходящий к глубокой древности, известен под названием „Главных изречений“. В наши задачи не входит исследование этого важного исторического памятника во всей его полноте: мы ограничимся теми его сторонами, которые имеют немаловажное значение для древней философии науки в ее целом. Другими словами, „Главные изречения“ Эпикура будут нас занимать лишь в той мере, в какой они могут служить дополнением или пояснением все того же письма к Геродоту.

2. Исследуя знаменитый сборник „золотых слов“ Эпикура, современный филолог дает очень невысокую оценку его составителю: собранные изречения расположены без всякого плана и порядка [2]. Таково, действительно, внешнее впечатление сборника; но нетрудно убедиться, что оно нисколько не соответствует его внутреннему содержанию. Прежде всего, согласно бесспорному свидетельству Геркуланского пепла, собирание Эпикурова наследия началось очень рано, уже во втором веке до Р. Х., и уже эпикурейский математик Филонид, давал „извлечение из писем Эпикура, Метродора, Полиэния, Гермарха и их близких“, располагал полученные данные „по роду“, т.-е. в строго определенном порядке [3]. Таким образом, если читатели Эпикура все же продолжали ценить кажущийся „беспорядок“ дошедшего до нас сборника, для этого были особые основания. И действительно, достаточно учесть следующую незаметную, но показательную мелочь: ссылаясь на письма Эпикура, позднейшие эпикурейцы обыкновенно снабжают их указанием года написания [4]. Положение дела достаточно разъясняется. Обширная переписка Эпикура была своего рода подробною летописью великой жизни. Внимательно изучая каждую ступень духовного творчества основателя Сада, его преемники должны были ценить не только обобщающие сводки его переписки: большую ценность сохраняло в их глазах ее подное, безыскусственное издание, с простым

распределением по годам. И есть все основания думать, что именно такое расположение предмета принято неизвестными составителями „Главных изречений".

3. Действительно, при внимательном изучении подлинника нельзя не обратить внимания на любопытное обстоятельство, странным образом ускользнувшее от исследователей. Сорок изречений, включенных в знаменитый сборник, располагаются не в одиночку, как попало, без всякой ближайшей связи: как мы убедимся ниже, они проводятся, так сказать, целыми семьями. Несвязанные друг с другом извне, эти семьи сохраняют полный порядок внутри, в собственной области. Таким образом вполне подтверждается наше предположение: т. н. „Главные изречения" представляют краткие извлечения из научной переписки Эпикура, расположенные в порядке их появления. Сохраняя внешнюю временную последовательность, неизвестный составитель облегчал читателям необходимые справки с первоисточником,—т.-е. полным изданием всей переписки. Не задаваясь подробной оценкой всего сборника в целом, мы попытаемся выделить и установить те „семьи" изречений, которые имеют наиобщее значение и, значит, могут служить дополнением письма к Геродоту.

4. Сюда относятся, в первую очередь, первые четыре изречения: подобно „третьему" письму Эпикура, они могут рассматриваться как необходимое пояснение чрезмерно сжатых заключительных положений главного очерка. Первое изречение ясно и чеканно подытоживает основную мысль эпикурейского учения о богах; второе с еще большей, поистине молниеносной выразительностью, устанавливает предпосылку и сущность эпикурейского учения о смерти. Наконец, третье и четвертое, более пространные, ярко вскрывают основную линию эпикурейского учения о наслаждении, определяя сложные понятия предельного наслаждения и страдания. Взятые вместе, четыре положения исчерпывают те основные духовные орудия, которые эпикурейская этика предлагает человеческому духу для победной борьбы с омрачающими его претерпеваниями. Вот почему позднейшие эпикурейцы дали этой „четверице" шутливое название „четверолекарствия" [5] и нашли для нее следующее, еще более сжатое, почти „математическое" выражение: „божество неустрашающе — смерть неподозрительна — благо легкодобываемо — отягощение легкоустранимо" [6].

5. Столь же несомнительно выделяется и вторая „семья" изречений (изреч. 11—13). Здесь затрагивается старый, но и доныне не устаревший вопрос: о происхождении и развитии положительной науки. С пренебрежением отвергая ходячие школьные домыслы о божественном источнике человеческого знания, Эпикур пытается стать на более твердую почву самой же исторической действительности: первых корней положительного знания он ищет в действенных, практических запросах человеческого духа, неудовлетворенных туманными мифами религии и метафизики [7]. Таким образом, уже древняя философия науки оказала бы довольно холодный прием до сих пор неумирающей философской догме, будто бы положительное знание имело своими законными родителями религию и метафизику: подлинное знание родилось на гораздо более земной почве—и тотчас же объявило войну своим мнимым родственникам,

6. Переходим к следующей „семье“ изречений, имеющей для нас особо важное значение: это основные положения эпикурейской опытной теории познания, до сих пор неоцененной каноники (изреч. 22—25). Первое ее правило требует строгой установки основных понятий, к которым возводятся опытные суждения и предположения. Второе правило указывает, что научное обоснование этих суждений производится не иначе, как при посредстве чувственных данностей, ощущений. Правило третье определяет условия, при которых такое обоснование становится общеобязательным: это—строгий учет всех данностей опыта, отчетливое отмежевание установленных и доказанных положений от недоказанных и сомнительных; короче—условием научной принудительности наших суждений является весь опыт в его целом [8]. Наконец, четвертое, дополнительное, правило устанавливает, что в области этического познания, помимо только что указанных правил, требуется соблюдение еще одного условия: все наши действия должны быть возводимы к их естественной цели—разумному наслаждению. Было бы преждевременно, на данной ступени нашего изложения, исследовать общенаучную ценность этой подлинно-опытной логики, столь глубоко отличной от мнимой „логики“ Аристотеля; отметим только, что приведенные правила представляют существенное дополнение к вступительной главе письма к Геродоту, где очень бегло подытоживается их сложное содержание.

7. Осталась только одна, наиболее обширная семья изречений, немаловажная под углом зрения общей философии древней науки: это—восемь основоположений Эпикурейской социологии и теории права (изреч. 31—38). В противовес ходячей школьной метафизике Эпикур пытается установить действительные, земные основы человеческого общества, права и государства [9]; смело вскрывая тесную связь правовых норм с общественной „пользой“, он беспощадно срывает с них всякие мистические покровы и вплотную подходит к сложному вопросу о причинах их развития и умирания. Мы получаем ценное дополнение к главному очерку, где вопросам обществоведения посвящаются всего два кратких положения (пол. 35 и 36).

8. Подведем итоги. В нашем распоряжении имеются существенные источники, которые значительно расширяют и углубляют содержание некоторых научных обобщений, слишком бегло затронутых в письме к Геродоту. Сюда относятся, во-первых, два Эпикуровых письма, сохранившиеся полностью,—они носят имена Пифокла и Меноикея. Во-вторых, как только что показано, до нас дошли несомнительные положения четырех других писем Эпикура к неизвестным друзьям Сада; эти письма также приобретают немаловажное общее значение, касаясь как раз тех отраслей древней философии науки, которые менее всего представлены в главном очерке. Таким образом, выражаясь языком древнего историка, несмотря на всю неблагосклонность истории к основателю Сада,—современный читатель имеет полную возможность „научиться ценить Эпикура“.

Оставляя в стороне остальные сохранившиеся источники древнейшего Сада (которые мы надеемся предложить читателю в других наших

работах), мы дадим полный перевод только-что указанных „дополнений“ письма к Геродоту. Мы расположим их в том же порядке, который так строго выдержан в главном очерке. Что касается самого перевода, то мы и здесь будем руководствоваться прежним правилом. В противовес почтенному немецкому филологу, предложившему очередную полусотню „решительных“ поправок, мы постараемся держаться возможно ближе к сохранившемуся подлиннику: мы еще убедимся в своем месте, что мнимые недочеты древних рукописей свидетельствуют большею частью только о действительных недочетах узкого филологического подхода к первоисточникам древней философии науки. Итак, предоставим еще раз слово самому Эпикуру.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

Творения Эпикура, дополняющие «письмо к Геродоту».

Перевод.

I.

Основоположения каноники Эпикура

(из «Главных изречений»).

Правило первое.

(Учение о мерилах. Установка предпонятий.)

Sent. 22. [Diog. X 146] Надо осмысливать установленное задание и всякую очевидность, к которой мы возводим наши предположения. Иначе все будет полно путаницы и смятения.

Правило второе.

(Учение о мерилах. Установка ощущений.)

Если будешь бороться со всеми ощущениями *), у тебя не будет и нужного мерила для оценки тех из них, которые ты объявляешь ложными.

Правило третье.

(Учение о доказательстве. Опыт в целом.)

Положим, ты выкинешь какое-либо ощущение, и в своих догадках не станешь различать ждущего **) от наличных данностей, полученных от ощущений, чувств и от всякой представляющей деятельности мышления. Тогда ты спутаешь и прочие ощущения своим

*) Т.-е. противоречить чувственному опыту.

**) Т.-е. недоказанного

пустым мнением; в итоге выкинешь всякое мерило. Напротив, если в исходных понятиях своей догадки закрепишь все ждущее и наличное,—ты не пропустишь заблуждения. И значит—учтешь все неуясненное и всякую оценку истинного и ложного.

Правило четвертое, дополнительное.

(Учение о доказательстве в этических науках. Нравственный опыт в целом.)

Sent. 25. Если в каждом случае ты не будешь возводить каждое свое деяние к естественной цели*); если, напротив, при выборе или избегании отклонишься к чему-либо иному—тогда твои дела не будут соответствовать словам.

II.

Письмо Эпикура к Пифоклу «О небесных явлениях».

Эпикур Пифоклу—привет!

ВВЕДЕНИЕ. [84] 1. Клеон прислал мне письмо от тебя. Ты обнаруживаешь неизменную ко мне благосклонность, достойную моей привязанности к тебе. И ты убедительно просишь не забывать о рассуждениях, ведущих к счастливой жизни: ты хочешь чтобы я послал тебе сжатое и обозримое рассуждение о небесных явлениях. Ибо все изложенное мною в других работах—трудно запоминаемо, даже для тех, кто, по твоим словам, непрерывно ими занимается. Я с радостью иду навстречу [85]. твоему желанию исполненный радостных надежд. В этом письме я подвожу и все остальные итоги, которые, по твоему мнению, будут полезны и другим: особенно тем, кто недавно лишь вкусил истинного естествознания, и кто испытывает недосуг из-за школьных занятий.

4. Итак, разберись хорошенько в этих положениях и, закрепив их в памяти, обозревай их внимательно вместе с остальными, которые мы послали в малом извлечении к Геродоту.

Глава I. 1. Прежде всего, при познании небесных явлений—рассматриваемых в их связи или самостоятельно—не надо ставить себе иного задания, кроме несмятенности и прочной достоверности: так же, как и в других областях.

[86] 2. И не надо насиловать невозможное и к всему применять тот же способ, как в нравственных суждениях или при очищении прочих естественно-научных заданий: таковы, например,

*) К разумному наслаждению.

положения, что вселенная есть тело и пустота, что изначала неделимы (атомы); таково вообще все, что находится в единообразном согласии с явлениями. Это неуместно для небесных явлений; они имеют множественную причину возникновения и такую же оценку своей природы, согласную с явлениями.

3. Ибо заниматься естествознанием надлежит не на пустых предпосылках и предвзятостях, а как того требуют сами явления. Ведь наша жизнь нуждается не в неразумии и пустом мнении, а в несмятенном провождении.

4. И вот, все становится непотрясаемо, и все очищается множественным способом, в согласии с явлениями: надо лишь надлежаще хранить относящуюся к ним вероятность. Если же кто оставляет одно, выбрасывая другое—вне сомнений, он выкидывается из всякого естествознания и прибегает к мифу.

Некоторые признаки состояний, совершающихся в небе, доставляют данные о явлениях, воспринимаемых нами; только они наблюдаются как в действительности, но не сами небесные явления: последние могут совершаться многородно.

[88] 6. Поэтому надо хранить представление каждого из них, и в указанной им связи разграничивать все возможности, которые не противопоказуются его множественному совершению, в согласии с прямым наблюдением.

Глава II. Мир есть некоторый объем, ограниченный небом. Он объемлет звезды, землю и все явления и имеет отграничение от остальной бесконечности. Его грань или вращается, или неподвижно пребывает; имеет очертания или округлые, или треугольные, или же любые другие: есть всяческие возможности. Ибо ни одно из явлений не противопоказуется такого рода миру, а границу его постигнуть невозможно.

[89] 2. Надо также допустить, что подобные миры бесконечны по числу.

3. Далее: подобный мир мог возникнуть и в другом мире и в междумирии (так мы именуем пространства между мирами); в разреженном пространстве, а не только в огромной, чистой пустоте, как утверждают иные. Ведь подходящие зачатки могут истекать от одного мира или междумирия, а также от многих; присоединения, сочетания и перемещения созидаются ими и в других местах, если таковы обстоятельства; из подходящих зачатков возможны и восполнения, доходящие до законченности и прочности—поскольку

[90]. заложенные устои могут дать для них простор. И не следует думать, что должно происходить только одно скопление, или что вихрь в пустоте, где может возникнуть мир, необходимо должен расти, пока он не столкнется с другим. Так говорит один из так называемых естественников, но это противоречит явлениям.

Глава III. Солнце, луна и прочие звезды не возникли сами по себе,
4. и не были включены в мир позднее: они образовались вместе с ним и увеличили объем благодаря примешиваниям и вращениям некоторых тонких веществ, воздушных или огневидных, или тех и других. Именно так внушает нам ощущение.

[91] 5. Величина солнца и других звезд для нашего наблюдения такова, какою она представляется; а сама по себе она может быть или больше видимой, или несколько меньше, или одинаковой, но не все сразу: именно так, согласно ощущению, рассматриваются и все огни, наблюдаемые нами на расстоянии. Все недоумения в этом частном вопросе легко разрешатся, если притекать к очевидностям—как мы показываем в книгах „О природе“.

[92] 6. Восход и закат солнца, луны и прочих светил может происходить благодаря их воспламенению и затуханию: таковы обстоятельства, вызывающие названные явления; и ни одно явление не противопоказует. Упомянутое явление может совершаться также благодаря появлению над землей и последующему заслонению: ибо ничто не противопоказует в мире явлений.

7. Движения этих светил могут совершаться благодаря вращению всего неба; или при неподвижном небе—благодаря вращению их самих: под гнетом необходимости, которая сложилась
[93] изначала, с возникновением мира и появлением светил. Возможны они и благодаря теплоте: как некоторое продвижение огня, вечно уходящего в прилегающие пространства.

8. Повороты солнца и луны могут возникать благодаря наклону неба, необходимо обусловленному временем. Также и и благодаря давлению воздуха. Или потому, что необходимое вещество последовательно сжигается или покидается. Или уже изначала эти светила были вынуждены к подобным вращениям, как бы по некоторой движущейся кривой. Все подобные объяснения и родственные им не противоречат ни одной очевидности: конечно, если в этих частных вопросах держаться возможного и каждый из них приводить в согласие с явлениями, не боясь невежественных ухищрений астрологов.

[94] 9. Ущербления и обратные восполнения луны могут происходить путем вращения этого небесного тела, а также и от преобразований воздуха. Сверх того и вследствие заслонения, а равно и всеми прочими способами, какие требуются наблюдаемыми явлениями для объяснений данного рода.

Другое дело, если кто влюбится в единообразный способ и суетно отвергнет другие; если он не усмотрит, что возможно постигнуть человеку и что невозможно; если поэтому он жаждет постичь невозможное.

10. Далее возможно, что луна получает свет от себя;
[95]. возможно, что и от солнца. Ведь мы и сами наблюдаем — многие вещи получают его от себя, многие — от других. Этому не препятствует ни одно из небесных явле-

ний. Надо только постоянно памятовать о множественном способе, и, согласно явлениям, связывать наши догадки (гипотезы) с причинами вещей. И отнюдь не впиваться в несоответствия, суетно их превозносить, и в разном по разному стремиться к единообразному способу.

11. Видимость лица на луне может возникать или благодаря различию частей, или от заслонения, или всякими повсеместными способами, которые наблюдаются, приобретая согласие с явлениями. При всех небесных явлениях не должно
[96]. упускать подобного исследования. А кто вступит в борьбу с очевидностями—никогда не сможет приобщиться истинной несмятенности.

12. Затмение солнца и луны может возникать вследствие затухания—как это наблюдается и в нашей ближайшей среде. А также—и вследствие заслонения другими телами: землей, или небесным телом, или чем-либо сходным. Так надлежит сопоставлять все взаимно связанные способы и все скрещения обстоятельств: они показывают возможность такого явления.

[97] 13. Сверх того, надо принять и закономерность обращения, как это бывает и со многими прямо наблюдаемыми вещами. А природа божества никак не должна сюда привлекаться: она должна сохраняться необременяемой во всем ее блаженстве. Если это не будет соблюдаться, всякое причинное объяснение этих явлений станет суетным, как это и было уже с некоторыми, незнакомыми со способом вероятности. Они впали в суетность: полагая, что все возникает только одним способом и выкидывали все прочие (способы), основанные на вероятии. Приводя все явления к немыслимому, они не могут установить должные признаки—и остаются со своим „богом".

[98] 14. Изменчивые величины ночей и дней объясняются тем, что солнце совершает над землей то быстрые, то медленные движения—вследствие различий в величине пространств. И некоторые пространства оно проходит скорее или медленнее. Это наблюдается и в ближайших к нам явлениях; в согласии с ними следует судить и о небесных. А кто приемлет единообразность—борются с явлениями и упускают границы, в каких познание возможно для человека.

15. Приметы могут происходить благодаря скрещению обстоятельств, как это бывает с некоторыми наблюдаемыми животными. А также—благодаря преобразованиям и переменам
[99]. воздуха. И то и другое—не противоречит явлениям. А в каких случаях имеет место та или другая причина—усмотреть невозможно.

Глава IV. Облака могут возникать и слагаться путем сгущения воз-
16. духа, при столкновении воздушных токов. Также—путем сцепления связанных атомов, пригодных для такого образования. Также—сочетанием испарений земли и влаги. Равно и другими способами допустимо образование многих скоплений подобного рода.

[100] 17. Когда облака или сгущаются или преобразуются,—из них могут возникать дожди. Также и благодаря ветрам—от увлечения токов, движущихся по воздуху из надлежащих мест: мощное увлажнение возникает от некоторых скоплений, способных к таким доставлениям.

18. Гром может возникать путем вторжения воздуха в пустоты облаков—как и в наших сосудах. Также—от гудения огня, взвихренного в облаках. Или—от разрыва и распадения облаков. Также—путем трения и стягивания облаков, отвердевающих наподобие льда. Вообще, надо и для данного вида принимать многообразное возникновение: так требуют явления.

[101] 19. Также и молнии возникают многими способами. Во-первых, при трении и столкновении облаков прокидывается сочетание, которое созидает огонь и рождает молнию. Во-вторых, в облаках вихри вызывают возбуждение подобных тел, созидающих этот блеск. Третья причина—вытеснение из облаков; они сгущаются от взаимного давления или от вихрей Четвертая—вовлечение огня, рассеиваемого звездами; он сгоняется движением облаков и вихрей и извергается через облака. Пятая—процеживание через облака тончайшего света и его движение. Шестая—воспламенение воздуха, происходящее от стремительности движения и сильного напора. Седьмая—разрыв облаков, благодаря вихрям, и извержение [102] атомов, которые созидают огонь и вызывают облик молнии. И многими другими способами легко будет наблюдать связи и самих явлений, и рассматривать их возможные соответствия.

20. Молния упреждает гром при таком положении внутри облаков. Или вместе с вторжением ветра исторгается сочетание, созидающее молнию, а позднее сжимаемый воздух производит этот грохот. Или же выявление обоих—одновременно, но молния обладает большей скоростью нам на- [103]. встречу, и гром запаздывает: так бывает и с некоторыми телами, которые наблюдаются на расстоянии и производят удары.

21. Удары молнии могут возникать от скопления многих вихрей, сильного сжатия и воспламенения; следствие—частичный разрыв и более стремительное падение в ниже находящиеся места; а разрыв происходит потому, что соседние места стали плотнее от сгущения облаков. Другая причина—тоже извержение сжатого огня, от которого может возникнуть и гром; только оно обладает большей величиной и вихревой силой; и оно разрывает облако, не имея возможности удалиться [104]. в соседние места, ибо давление всегда взаимно. И многими другими способами могут совершаться удары молнии: пусть только миф удалится; а он удаляется, если, следуя явлениям, делать правильные наведения о неочевидном.

22. Вихри могут возникать так. В более низкие места нисходит облако, необычно гонимое сплошным ветром; его напор бывает огромным; одновременно и внешний ветер отталкивает облако в соседние места. Другая возможность: сам

ветер получает круговое движение от некоторого тока, вытесняемого с ним сверху. Третья: возникает сильный поток ветра, но не может рассеяться по сторонам, благодаря сгу-
[105]. щению окружного воздуха. Если вихри ниспускаются к земле, возникают ураганы; если к морю—смерчи.

23. Землетрясения могут возникать так. В землю вторгается ветер; его мельчайшие частицы имеются в обилии и непрерывно движутся; этим и вызывается колебание земли. Такой ветер получается отчасти извне: в устои почвы вторгается ток, составившийся из воздушных течений. Или он вызывается тем же развитием движения, возникшего от падения многих устоев и нового их размещения,—когда они наталкиваются
[106]. на более прочное уплотнение земли. И многими другими способами могут возникать сходные движения земли.

А ветрам свойственно возникать: или от некоторого неравновесия, которое всегда прокрадывается незаметно; или от стечения обильной влаги. Ведь, и прочие ветры возникают даже при ничтожных вторжениях в больших пустотах: происходит передача движения.

24. Град образуется от более сильного затвердевания в отовсюду окружающей ветровой среде. А также—от разделения и более умеренного отвердевания водянистых частиц, происходит одновременно и сближение и столкновение, а также разрыв,
[107]. ибо сгустки соединяются то частями, то в целом. Что до их округлости, то нельзя считать невозможным такое ее возникновение: оконечности повсюду расплавляются; и, как утверждают, при столкновении повсюду равномерно располагаются водообразующие или же воздуховидные частицы.

25. Снег может возникать так. Тонкая влага изливается от совместности различных облаков и взаимного давления некоторых из них. Затем, при движении, она доходит до замерзания, благодаря сильному состоянию холода в более низких частях облаков. Подобное выделение может происходить и от замерзания в облаках, обладающих равномерной разреженностью: в облаках водянистых, взаимнотеснимых и прилегающих. Совершая как бы столкновение, они вызывают
[108]. град; чаще всего это происходит весною. Далее, это скопление снега может получать толчок и от трения облаков, дошедших до замерзания. И другими способами также возможно образование снега

26. Роса образуется такими путями. Первый: слияние друг с другом частиц, которые берутся из воздуха и созидают подобную влажность. Второй: истечения из мест влажных или получающих воду. Здесь-то и образуется больше всего росы; затем она получает сток в одно место, создает влагу и снова сбегает в низкие места. Сходным путем и на наших
[109]. глазах очень часто образуются подобные виды росы: сходные частицы доходят до замерзания благодаря известному состоянию холодного воздуха.

27. Лед образуется так: из воды вытесняются округлые обра-

чные, имеющие-
зования, и сливаются неровные или остроуголь звне: совме-
ся в воде. Возможно и вторжение таких частиц ь е, вытес-
стным проникание они вызывают в воде замерзан
няя известное число круглых частиц. ный

[110] 28. Радуга возникает от свечения солнца через водянис
воздух. Или же от собственной природы воздуха, которая создает своеобразия этих цветов—все вообще или одного вида; и при отражении последнего прилегающие части воздуха получают такую окраску, какую мы наблюдаем при свечении отдельных лучей. А круговидный облик возникает или потому, что расстояние отовсюду одинаково воспринимается зрением, или потому, что подобное столкновение получают слои воздуха или облаков, при участии воздуха: это сочетание и создает круговидность.

29. Кольцо около луны возникает так. Воздух отовсюду притекает к луне. А затем он равномерно задерживает исходящие от нее истечения, пока, наконец, они располагаются в виде облачного круга, хотя и не отделяют его целиком. Или же сама луна задерживает окрестный воздух, соразмерно и повсюду, устанавливая в итоге вокруг себя это круговид-
[111]. ное и многосложное явление. А некоторые части его возникают или потому, что некоторые истечения понуждаются извне, или потому, что теплота использует надлежащие протоки, с теми же последствиями.

Глава V. Блуждающие кометы возникают так. Или происходит
30. скопление огня, стекающегося на небе в данном месте, в данное время. Или, со временем, небо получает собственное движение над нами, делая подобные светила видимыми. Или же, в известное время, благодаря обстоятельствам, они устремляются к нам, приходят в наши места и становятся видимыми. А их исчезновение происходит от причин, противоположных указанным.

[112] 31. Некоторые звезды вращаются на одном месте. И не только потому, что, как говорят иные, неподвижна та часть мира, вокруг которой вращается остальное. Но и по другим причинам: возможно, что им противостоит круговое движение воздуха, которое становится помехой для их обычного вращения. Возможно также, что среда не дает им подходящего вещества в том месте, где, согласно наблюдению, они расположены. То же явление может совершаться и многими другими способами; конечно, если уметь умозаключать в согласии с явлениями.

[113] 32. Некоторые звезды уклоняются,—если это действительно присуще их движениям; а другие не возмущаются. Это возможно потому, что, двигаясь по кругу, они изначала подчинены такой необходимости: поэтому одни совершают данное вращение—именно равномерное, а другие—вращение, одновременно

подверженное уклонам. Возможно также, что в проходимой среде в одних местах имеются равномерные напряжения воздуха, с единообразным последовательным давлением и равномерным тепловым действием, а в других местах — неравномерности, которыми и вызываются наблюдаемые различия. Явления требуют многообразия, и установлять для них единую причину было бы безумием; это неподобающее совершается теми, кто возревновал о суетной астрологии: они низводят к ничтожеству причины неизвестного — никогда не отрешая от обременений природу божества.

[114] 33. Некоторые звезды как бы отстают друг от друга: или потому, что, при прохождении одинакового круга они совершают более медленные движения; или потому, что, влекомые тем же вихрем, они движутся в противоположные стороны. Или же потому, что, вращаемые одним вихрем, они должны покрывать то большие, то меньшие расстояния. А настаивать на безусловности в данном случае достойно тех, кто стремится обморочить толпу.

34. Так называемые падающие звезды могут возникать благодаря собственному трению и благодаря вытесненю в том
[115]. месте, где происходит испарение. то же мы указывали и для молний (пол. 19). Также—благодаря стечению огненосных атомов, когда между ними имеется средство для подобного действия; а движение возникает там, где после стечения получается начальный толчок. Также—путем стечения ветра в тумановидных уплотнениях; происходит их воспламенение благодаря сжатию, а затем разрыв в окружающей среде; движение начинается оттуда, где оно получает толчок. Есть и другие бесчисленные способы—с такой же действенностью.

35. А приметы, относящиеся к некоторым животным, возникают благодаря стечению обстоятельств. Ведь, животные не создают необходимость образования непогоды; и нет никакой божественной силы, которая следит за их выступлениями и
[116]. затем выполняет эти приметы. Ведь в подобное бессмыслие не может впасть ни одно существо, даже если оно благосклоннее других, а тем более существо, обладающее совершенным блаженством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Запомни же, Пифокл, все эти положения. Тогда во многих случаях избегнешь мифа и сможешь рассмотреть другие родственные вопросы. Но больше всего отдавайся учению об изначалах и бесконечности и о сродных предметах. А также о мерилах и чувствованиях и о конечной цели таких рассуждений. Тщательное их рассмотрение легко даст возможность рассматривать и частные причины. А те, кто не обнаруживают такого настойчивого внимания, не могут правильно рассмотреть эти вопросы и не достигают той цели, ради которой их должно рассматривать.

III.

Некоторые положения Эпикуровой социологии и теории права.

(Из «Главных изречений»).

Sent. 31. Естественное право есть соглашение о пользе: не причинять и не испытывать взаимного вреда.

Sent. 32. Для всех существ, которые не способны создавать договоры о ненанесении взаимного вреда — для них не было никакого права, ни бесправия. То же применимо и ко всем народам, которые не могли или не захотели создать договоры о ненанесении взаимного вреда.

Sent. 33. Право не было вещью в себе: напротив, оно было договором о ненанесении взаимного вреда, в связи с взаимными столкновениями и местными условиями, всегда разнообразнейшими.

Sent. 34. Правонарушение—зло не само по себе, а благодаря страху при опасении, можно ли скрыться от установленных для того карателей.

Sent. 35. Если кто-либо совершает нечто вопреки правилам договора о ненанесении взаимного вреда — нельзя надеяться, что он укроется; хотя бы в настоящем ему тысячекратно удавалось укрыться. Так и до самой кончины не ясно, удалось ли.

Sent. 36. Согласно всеобщему — право одинаково для всех: оно было некоторой пользой во взаимном общении. А согласно своеобразиям места и прочих всевозможных условий — отнюдь не всем свойственно одинаковое право.

Sent. 37. То, что показуется, как полезное для нужд взаимного общения, занимает место права: безразлично, бывает ли оно одинаково для всех или нет. Если кто издает закон, но не возвышается до пользы для взаимного общения, это отнюдь не обладает природой права. Но, возможно, что польза, связанная с данным правом, изменяясь, некоторое время соответствует своему предпонятию; тогда, для данного времени, она ничуть не меньше была правом — в глазах тех, кто не смущается пустыми словами, а смотрит в вещи.

Sent. 38. Если наличная действительность не обновилась, а признанное право явно не соответствует предпонятию пред лицом вещей—оно не было правом. А если дей-

ствительность обновилась—то же установленное право перестало приносить пользу; в этом случае оно было правом в той мере, в какой было полезно для взаимного общения сограждан; а позднее оно уже не было правом, поскольку не было полезно.

IV.

Письмо Эпикура к Меноикею «О нравственности».

Эпикур Меноикею — привет!

ВВЕДЕНИЕ Пусть никто не откладывает философию в юности и пусть не устает от нее в старости. Ведь никто не может
[122] 1. быть недозрелым или перезрелым для здоровья души. И кто говорит, что час для философии еще не наступил или уже отлетел,— равносилен говорящему, что час для счастья или же не пришел, или уже не существует.

2. Поэтому философия необходима и старцу, и юноше. Первому, чтобы, стареясь, он обновлялся благами, радуясь прошлому; второму — чтобы он был юношей и вместе пожилым по бесстрашию перед грядущим.

3. Ведь должно заботиться обо всем, созидающем счастье: если оно есть — мы обладаем всем; а если его нет—мы делаем все для его достижения.

[123] 4. Все, о чем я тебе неустанно возвещаю, делай и памятуй— рассудив, что основания прекрасной жизни таковы.

Глава I. Во-первых, почитай бога существом бессмертным и блаженным. Так предначертало общее предпонятие бога. И не приписывай ему ничего, что или чуждо бессмертию, или несвойственно блаженству. Помышляй же о нем все, что способно хранить его блаженство вместе с бессмертием. Ведь боги существуют; их познание очевидно.

2. Однако, они не существуют такими, как их провозглашает толпа: она не хранит их такими, какими провозглашает. И безбожен не тот, кто упраздняет богов толпы, а тот, кто мнения толпы связует с богами. Ибо высказывания толпы о богах — не предпонятия, а ложные допонятия. Отсюда и выводятся для дурных людей величайшие пагубные действия от богов, и их милости. Применяясь целиком к собственным добродетелям, толпа и богов предполагает такими же, а все не такое объявляет неподобающим.

Глава II.

3. Приучи себя к мысли, что смерть—ничто для нас. Ведь всякое благо и зло в ощущении: а смерть—лишение ощущения.

4. Поэтому истинное знание, что смерть — ничто для нас, делает смертность жизни усладимою: оно не привносит сомнительного времени; напротив, оно исторгает жажду бессмертия.

Ведь нет ничего страшного в жизни — тому, кто постиг, что нет ничего страшного в нежизни.

5. И значит, суетен, кто говорит: я боюсь смерти не потому, что опечалит смерть настоящая, а потому, что печалит смерть грядущая. Ведь настоящее не тяготит; печалит лишь суетное примышление. Ужасающее из всех зол — смерть—ничто для нас. Пока мы живы—смерти нет. Когда же она появляется — нас уже нет. И значит, она не существует ни для живых, ни для умерших: для первых—она не существует, а вторые—сами больше не существуют.

6. Между тем, толпа то бежит смерти, как величайшего из зол, то [жаждет] ее как избавления от [зол] жизни. [Иначе мудрец: он не бежит от жизни], и не боится нежизни. Ибо жизнь не противляется ему, а нежизнь не представляется злом. И так же, как он предпочитает не обильнейшую, а отраднейшую пищу—так и срок он использует не длиннейший, а отраднейший.

7. И суетен тот, кто призывает юношу прекрасно жить, а старца—„прекрасно умереть“. Ведь мало того, что жизнь есть услада: забота о прекрасной жизни и о прекрасной смерти—одно и то же.

8. А еще хуже утверждающий, что хорошо вовсе не родиться,— „Всем же рожденным—достичь поскорей врат Аида“.

Если он говорит это убежденный — почему же он не уйдет из жизни? Ведь это в его власти, если все для него твердо решено. Если же это шутка — он легкомыслен в вопросе нешуточном.

9. Надо помнить: будущее — не безусловно наше, но и не безусловно не наше. Тогда не будем ни чаять его как безусловно осуществимого, ни отчаиваться как в безусловно неосуществимом.

Глава III.

10. Надо рассудить, что среди вожделений одни естественны, другие суетны; из естественных — одни необходимы, другие только „естественны“; а из необходимых—одни необходимы для счастья, другие для неотягощения тела, третьи — для самой жизни.

11. Ибо необманное их созерцание умеет возвести всякое стремление и избегание к здоровью тела и несмятенности духа: а это и есть цель блаженной жизни.

12. Ведь мы все делаем ради одного: чтобы не страдать и не опасаться. Когда же это однажды достигнуто, всякая смута души разрешается: живому существу не приходится действовать словно из-за недостатка, в поисках других вещей, коими совосполняется благо души и тела. Ведь мы имеем нужду в наслаждении, когда из-за его отсутствия страдаем; когда же совсем не страдаем, мы больше не нуждаемся в наслаждении.

13. Поэтому мы и объявляем наслаждение началом и целью блаженной жизни. Мы признали в нем первичное и прирож-

денное благо; от него мы отправляемся при всяком стремлении и избегании; к нему мы восходим, оценивая всякое благо чувством, как мерилом.

14. И так как оно есть благо первичное и врожденное — именно поэтому мы избираем не всякое благо. Бывает, что мы обходим многие наслаждения — когда за ними следует еще больше тягостей. И многие страдания мы считаем важнее наслаждений — когда мы долгое время переносим страдания, но за ними следует большое наслаждение. Ведь всякое наслаждение, по своей природе, есть благо — но не всякое приемлемо. Также и всякое страдание — зло, но не всякое оказывается избегаемым. Но все это подобает оценивать соизмерением и усмотрением подобающего и неподобающего. Ведь при известных условиях благо для нас становится злом, а зло благом.

15. И самодовление (умеренность) мы объявляем великим благом — не затем, чтобы всегда и всюду пользоваться немногим; напротив — чтобы пользоваться немногим, когда не обладаем многим. Мы поистине убеждены, что обилием наиболее наслаждаются те, кто наименее в нем нуждается; и что все естественное легко добываемо, а суетное — трудно добываемо. Ведь, простые блюда приносят то же наслаждение, что и хороший стол, когда все страдание от недостатка — устранено. Хлеб и вода дают высшее наслаждение, если их принимать при нужде.

16. А привычка к простой и необильной пище благотворна для здоровья. Она же делает человека закаленным для неизбежных жизненных лишений. Далее, она еще лучше располагает нас к обилию, когда мы переходим к нему после перерывов. Она же делает нас безбоязненными перед случаем.

Глава IV

17. Когда же мы говорим, что наслаждение есть цель, мы говорим не о наслаждениях распутников и не о вкусовых удовольствиях — как полагают некоторые несведущие, инакомыслящие или дурно к нам расположенные. Наша цель: не страдать телом и не смущаться душою. И не беспрерывные пиршества и пляски, не наслаждения юношами или женщинами, или же рыбою и всем, что дает роскошный стол — не они рождают сладостную жизнь. Ее рождает трезвый рассудок: он исследует причины всякого стремления и избегания; он же изгоняет мнения, от коих величайшее смятение охватывает души. И всего этого начало и высшее благо — мудрость.

18. Поэтому и у философии в наибольшем почете — мудрость. Из нее рождаются и все прочие добродетели. Они учат, что нельзя жить радостно, если не жить мудро, прекрасно и праведно; и нельзя жить мудро, прекрасно и праведно, если не жить радостно. Так добродетели срослись с жизнью радостной, и радостная жизнь от них неотделима.

19. И правда, кого ты объявишь могущественнее мудрого? О

богах он мыслит священное. Он же всегда безбоязненно относится к смерти. Он же уразумел цель нашей природы: распознал, что предельное благо легко восполнимо и легко добываемо, а предельное зло — дает недолгие сроки и недолгие отягощения.

Глава V 20. А „владычицу всего бытия", выдвигаемую некоторыми,— мудрец объявляет заблуждением. [Он утверждает, что одни вещи совершаются в силу необходимости], другие зависят от случая, третьи—от нашего духа. Ибо необходимость—безусловна; но случай явно непостоянен, а наш дух—безвладычен. Поэтому ему и сопутствуют как непохвальные поступки, так и противоположные. Ведь лучше последовать мифу о богах, чем раболепствовать перед „роком" естественников: первый оставляет хоть надежду умолить богов почестями; а последний обладает неумолимой необходимостью.

21. Что до „случая",—мудрец не почитает его богом, вопреки мнениям толпы: ибо у богов ничто не делается беспорядочно. Но не считает он случай и ненадежной причиной: он не думает, что благо и зло для счастливой жизни даются людям от случая; хотя случаем и доставляются начатки великих благ и зол. И он заявляет, что лучше неуспех, но с разумом, чем успех, но без разума. Ведь для наших действий лучше, когда случаем выполняется правильная оценка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Обо всех этих вещах и родственных им заботься неустанно днем и ночью—для себя и себе подобных. И ты никогда не встревожишься—ни днем, ни ночью: будешь жить, как бог, среди людей. Ведь ни в чем не подобен смертному существу человек, живущий с бессмертными благами.

V.

Основоположения этики Эпикура.

(Из «Главных изречений»).

Sent. 1. *I. [О богах].*

Блаженное и бессмертное не знает попечений само— и не доставляет их другим. Значит, оно недоступно ни гневу, ни милости: ибо все это—в немощном.

Sent. 2. *II. [О смерти].*

Смерть—ничто для нас. Ибо разложившееся бесчувственно. А бесчувственное—ничто для нас.

Sent. 3. *III. [О предельном наслаждении].*

Предел величины наслаждений — изъятие всякого страдания. Когда услаждающее налицо—все время его пребывания нет или страдания, или отягощения, или обоих вместе.

Sent. 4. *IV. [О предельном страдании].*

Страдание не длится непрерывно во плоти: наивысшее—держится кратчайшее время; а страдание, просто превосходящее плотские наслаждения, не занимает много дней. А в длительных недугах наслаждение плоти преобладает над страданием.

VI.

Положения к вопросу о происхождении и развитии науки в ее борьбе с донаучным мышлением.

(Из «Главных изречений»).

Sent. 11. Нас отягощали подозрения, во-первых, о небесных явлениях и о том, не касается ли нас смерть; во-вторых, непонимание границ страданий и вожделений. Если бы ничто такое не отягощало нас—мы, пожалуй, не испытали бы нужду в естествознании.

Sent. 12. Нельзя было отрешиться от страха перед высшими началами—если не познать природу всецелого и подозревать что-либо из области мифов. Поэтому без естествознания нельзя было приобрести неомраченные наслаждения.

Sent. 13. Было совершенно бесполезно созидать обеспечение среди людей—пока внушали опасение явления на небе, на земле и вообще—в бесконечности.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

Письма Эпикура, как памятник эпикурейской научной дружбы.

Глава I.

Письма Эпикура, как обнаружение эпикурейской дружбы вообще.

1. Мы выслушали слово Эпикура. Подобно его молодым ученикам, мы имеем неоценимую возможность непосредственного духовного общения с великим „естественником". Благодаря счастливой случайности, сохранившей для нас несколько осколков Эпикурова наследия, мы можем перенестись через двадцать три столетия, отделяющие наше время от раннего Сада; минуя всякие услуги различных сомнительных посредников, мы овладеваем основоположениями древнего научного миропонимания, в их наиболее цельном, законченном виде, в каком они вышли из рук их собственного выразителя... Однако мы знаем, что гениальная личность—как бы ни было разительно ее величие—всегда связана самыми нерасторжимыми узами с соборным творчеством, с деятельностью „общественного" человека. Поэтому, прежде чем приступить к оценке древнего научного мировоззрения в его глубоком существе, мы должны познакомиться хотя бы с некоторыми ближайшими чертами той исторической среды, в которой совершалось научное творчество величайшего деятеля древней науки.

2. Не считая так называемых „изречений" Эпикура, до нас дошло в цельном виде только три его творения: письмо к Геродоту о природе вещей; письмо к Пифоклу о небоявлениях; наконец, письмо к Менойкею о нравственности. Как мы видим, все три памятника научной деятельности философа—письма к ученикам. Можно ли считать это случайностью? Нет ли, напротив, каких-либо оснований для обратного утверждения,—что перед нами одно из обычных и притом немаловажных явлений научной жизни Сада? Вопросы подобного рода не существуют для современных исследователей Эпикура. Между тем, не трудно показать, что их постановка совершенно неизбежна, если мы хотим выяснить обстоятельство, немаловажное для понимания письма к Геродоту: каковы были те поводы, которые побудили философа взяться за столь важный и всеобъемлющий очерк своего мировоззрения?

3. Письмо к Геродоту заканчивается следующими словами: „Так они даже неизустным способом с быстротою мысли получат обзор всего главнейшего—для своей невозмутимости“[1]. Эпикур хочет сказать, что его очерк может заменить „изустное“ преподавание. Таким образом, мы узнаем, что Сад Эпикура был своего рода университетом: в нем велось постоянное „изустное“ преподавание нового учения.

4. Постараемся теперь определить, в каком виде оно велось. В нашем распоряжении есть целый ряд любопытных известий и данных; однако, чтобы не отклоняться от нашего ближайшего предмета, мы ограничимся только одним из них, которое ближайшим образом связано с разбираемым письмом. Это—введение к упомянутому выше другому письму, носящему имя Пифокла. Его начало гласит буквально: „Клеон передал мне от тебя письмо, где ты говорил о своем расположении к нам, достойном нашей к тебе ревности, и не без убедительности старался напомнить о беседах, относящихся к жизни блаженной“[2]. Мы узнаем здесь ту же подробность, о которой говорят нам и другие источники: преподавание нового учения велось в Саде в виде бесед. Любопытна и другая подробность. Внимательный читатель без труда может подметить шутливый тон, в котором великий философ говорит о „расположении“ к нему его ученика, о своей ревности к нему, об „убедительном“ напоминании... Недаром враги Эпикура приписывали ему такое восклицание, обращенное все к тому же его любимцу: „Сяду и буду ждать твоего вожделенного и богоравного пришествия“...[3]. Зложелатели Сада видели, конечно, лесть или превознесение там, где была простая дружеская шутка. Тот же свободный дух царил и на тех беседах, о которых Пифокл напоминает учителю: преподавание нового учения шло в виде свободного обмена мнений, при котором „изустное изложение“ постоянно и непринужденно переходит в оживленный дружеский разговор. Яркую картину такого эпикурейского научного собрания рисуют нам некоторые сохранившиеся обрывки Эпикурова диалога „Пир“; но для нашего нынешнего изложения достаточно и сказанного.

5. Прочитаем теперь дальнейшие строки из того же введения письма к Пифоклу: „Ты хочешь, чтобы я прислал тебе сжатую и легкообозримую беседу о небоявлениях — для легчайшего запоминания. Ибо другие наши сочинения труднозапоминаемы, хотя ты говоришь, что часто за них берешься. А мы с радостью выслушали твою просьбу и прониклись радостными надеждами. И, взявшись за писание, мы закрепляем все желательные тебе беседы, которые будут полезны и многим другим, и особливо тем, кто недавно лишь по-настоящему отведал естествознания, или кто обременен обильным недосугом светского образования. Разберись же хорошенько в следующем и прочно закрепи в памяти вместе с остальным, что мы отослали в малом извлечении к Геродоту“...[4] Мы нарочно перевели буквально это любопытное введение: оно может заменить нам целый ряд сопоставлений, догадок и толкований. Прежде всего мы узнаем, что, рядом с изустным преподаванием, в школьном обиходе Сада большую роль играл другой способ духовного воздействия—переписка. Мы слышим из уст самого вождя Сада, что он закрепляет на письме свои обычные беседы с учениками... Мы узнаем также, что в письменном обмене мнений царила та же не-

принужденность, что и в устном. Ученик жалуется учителю, что его научные исследования трудно запоминаемы; учитель снисходительно выслушивает жалобу, но при этом шутливо указывает, что многие его ученики „теперь лишь“ „отведали“ по-настоящему естествознания, да и теперь еще обременены обильнейшим недосугом того ходячего внешнего воспитания, которое было тогда в моде...

6. Обратим теперь внимание на другую подробность, о которой мы только что слышали из уст самого основателя Сада. Ученик просит учителя прислать ему „сжатую и легкообозримую беседу о небоявлениях—для легчайшего запоминания“ [5]. Таков был повод, побудивший Эпикура написать знаменитое впоследствии письмо к Пифоклу—о небоявлениях [6]. Однако те же строки приобретают для нас и более широкое значение: они сразу проливают яркий свет и на возникновение того своеобразного очерка, который является главным средоточием нашего внимания. Действительно, припомним еще раз начало письма к Геродоту: „Дорогой Геродот! Для тех, кто не может изучить все написанное нами о природе или же разобрать более обширные свитки наших сочинений,—для них-то я и приготовил это извлечение из всего исследования“...[7] При внимательном вчитывании в начальные строки не трудно подметить, что они пишутся под впечатлением недавно полученного письма. Как и впоследствии Пифокл, Геродот жаловался учителю, что не может изучить полностью его объемистой работы или даже разобраться хорошенько в более пространных ее частях. Целый ряд других известий мог бы показать нам, как чутко относился Эпикур ко всем запросам и настроениям своих молодых учеников; но для наших целей совершенно достаточно и примера с Пифоклом... Наконец, очень показательны и начальные строки заключения письма к Геродоту: „Вот тебе, дорогой Геродот, основоначала о природе целого—в сжатом очерке. Пусть мое слово тщательно усвоится и станет действенным. Тогда, если кто и не возвысится до всех отдельных исследований,—он все же приобретет могущество, несравнимое с остальными людьми“ [8]. Это—прямой ответ на сетования Геродота. Ученик с сожалением поведал учителю-другу, что он не может одолеть всех „отдельных исследований“; учитель поспешил притти к нему на помощь и показать, что все затруднения можно, если и не снять целиком, то во всяком случае устранить их вредное действие.

7. Итак, поводом к „изданию“ знаменитого очерка были сетования юного ученика на трудность изучения великого исследования „О природе“. Однако не трудно убедиться, что они были, действительно, только п о в о д о м. Те же начальные строки письма к Геродоту, которые уже не раз были предметом нашего внимания, не оставляют сомнения, что в своем письме к Эпикуру он ограничился тем, что чистосердечно сообщил учителю-другу о своих затруднениях. Мысль о необходимости подвести в сжатом виде итоги многолетней научной работы учителя не приходила в голову ученику; между тем, нетрудно убедиться, что она не раз уже до этого являлась учителю. К этому побуждала его уже сама внутренняя закономерность построенного им великого здания естественной науки. Творческая работа потребовала многолетних и разнороднейших усилий; стройное целое не вышло сразу готовым, как Афина из головы Зевса: оно медленно и постепенно сла-

галось из цѣлого ряда отдельных последовательных предприятий. И мы уже убедились в предыдущем, как ясно и отчетливо понимал Эпикур, что „непрерывность связного обзора целого недостижима, если невозможно—посредством кратких положений—включить в него и все изученные отдельности“...[9] Великое целое—тридцать семь книг „О природе“ было уже создано; но его связный обзор затруднялся именно чрезвычайным обилием составляющих его отдельностей... Чтобы осознать значение этого обстоятельства, ученый не нуждался в сетованиях Геродота. Письмо юного друга было только тем последним толчком, который побудил Эпикура поторопиться с выходом в свет своей завершающей итоговой работы.

8. Даже более того. Сетования Геродота были поводом к „изданию“ очерка, но отнюдь не к его составлению. Было бы совершенно превратно думать, что за последнее Эпикур взялся под непосредственным воздействием одного молодого ученика. Нисколько. Те же начальные строки письма совершенно недвусмысленно говорят нам о том, что не один Геродот, но и многие другие его сверстники находились в сходном положении—и все это было прекрасно известно вождю Сада; уже по общему тону его ответа ясно, что он говорит о хорошо ему известном и далеко не редком явлении Поэтому не трудно понять и подлинный смысл заявления: для тех, кто не может одолеть целиком моих книг, „для них-то я и приготовил“ сжатый обобщающий очерк[10]. В общем и целом, весь очерк был не только продуман, но и готов уже до Геродотовых сетований; оставалось только придать ему окончательный вид. Следующая глава даст нам еще более подробные указания; а пока достаточно и сказанного.

9. „По словам Эпикура, дружбы следует искать ради пользы“ [11]. И древние, и современные враги Эпикура не находят достаточно резких слов, чтобы заклеймить столь явное принижение духовного существа дружбы [12]. В предыдущем мы привели целый ряд примеров эпикурейской дружбы; мы убедились достаточно, что ее высший предмет—не обывательская „польза“, а бескорыстное духовное общение. Следующая глава еще нагляднее покажет нам, что одним из драгоценнейших видов дружбы для философов Сада была дружба научная. К ней-то и относится, в первую очередь, выразительное слово Эпикура: „Всякая дружба должна избираться ради нее самой. И только начало свое берет она от пользы“ [13].

Глава II.

Письма Эпикура, как обнаружение эпикурейской научной дружбы.

1. Уже при первом чтении Эпикурова письма к Геродоту внимательный читатель не может не обратить внимания, что и в начале и в конце письма неоднократно повторяется одно и то же выражение: „вся работа“ [1]. Мы уже знаем, что речь идет о главном труде жизни философа,—его великом исследовании „О природе“. Мы знаем также, что ко времени нашего письма „вся работа“ была закончена и стала уже достоянием учеников философа; некоторые из них жаловались на

трудность ее изучения Любопытно присмотреться к тому, как она изучалась.

2. Мы отметили в предыдущей главе, что не только Геродот, но и целый ряд других молодых друзей Эпикура немало трудились над знаменитыми впоследствии „книгами Эпикура о природе"; Пифокл и сам подчеркивает, что он „постоянно за них берется" [2]. Наконец, сам ученый говорит: „Надо постоянно к ним возвращаться" [3], и очень часто употребляет показательное словечко „изучение" [4]. Мы слышали от него о „всяком изучении" [5], „об изучении частностей" [6], „обзоре целого"...[7] Все эти выражения, список которых можно было бы умножить, наглядно показывают, что великое творение Эпикура не только изучалось: оно стало уже главной опорой научного здания школы, и всякий ее сторонник считал своим непременным долгом целиком изучить „обширные свитки"...

3. Нетрудно было бы показать, что исполинская работа ученого еще задолго до своего завершения уже стала предметом самого ревностного внимания его учеников. До нас дошли любопытные отрывки так называемой двадцать восьмой книги „О природе"; самый способ ее изложения свидетельствует, что все творчество основателя Сада совершалось при ближайшем участии его учеников [8]... Но нет надобности отклоняться от разбираемого письма. Достаточно вдуматься в заключительные слова его введения: „Я поощряю всякое рвение к естествознанию — у тех, кто приобретает безмятежность больше всего такою жизнью"[9]. И Эпикур не только „провозглашает рвение к естествознанию": он умеет его внушать своим ученикам. Дружеское научное содействие единомышленников было той живой питательной силой, которая поддерживала и возбуждала ученого во время долголетней и напряженной работы над его огромным научным предприятием.

4. Постоянное рвение сотрудников Эпикура должно было разгореться с удвоенной силой, когда его главное научное предприятие было, наконец, завершено, и все тридцать семь книг могли стать общим достоянием. Однако мы уже достаточно убедились, что овладеть богатым содержанием этих „обширных свитков" было задачей нелегкой. И можно предположить заранее, что не все ученики Эпикура справлялись с нею одинаково Напомним, прежде всего, что в письме к Пифоклу упоминается о тех, кто, по шутливому замечанию ученого, „недавно лишь по-настоящему отведал естествознания"; сюда же Эпикур относит и тех, кто „обременен обильным недосугом" модного светского образования [10]. Перед нами отчетливо намечается первый, если так можно выразиться, начальный разряд единомышленников Эпикура: сюда включаются все, кто еще не изучал его главного труда. Не лишнее отметить, что до нас дошло два, до сих пор непонятных любопытных отклика об этих новичках. Враги Сада утверждали, что в одном из писем к Пифоклу сам Эпикур дает такой совет: „Беги, мой блаженный, всякого воспитания на всех парусах" [11]. То же и в письме к другому молодому другу, Апеллесу: „Ублажаю тебя, Апеллес, что ты устремился к философии, чистый от всякого воспитания" [12]. Зложелатели Сада делали отсюда вывод, что его основатель был врагом наук и искусств; современные их наследники — всевозможные профессора философии—с наслаждением повторяют это злостное измышление [13].

Действительный смысл слов ученого,—если они, действительно, ему принадлежат,—совершенно иной. Модное светское воспитание немногого стоит в глазах великого естественника; учителя толпы—софисты—далеки от действительного познания природы И Эпикур призывает своих молодых друзей не обременять себя мелочами модных „наук"; он приветствует тех, кто, подобно Апеллесу, „чист от всякого воспитания". Ничто не мешает им „устремиться" прямо к философии и, в первую очередь, заняться изучением ее истинной основы—естествознания.

5. Переходим к следующему разряду учеников Эпикура, занимающему более высокое место по своему естественно-научному образованию. Сюда можно отнести всех, кто еще не овладел полностью великим творением учителя, но уже начал прилежно изучать „обширные свитки". Таков, например, Геродот; по его собственному заявлению, он не может изучить „всей работы" целиком из-за ее обширности; мы уже приводили не раз начальные строки Эпикурова очерка, где учитель ссылается на это заявление своего любимца. На той же ступени находился и Пифокл—в ту пору, к которой относится знаменитое письмо к нему Эпикура о небоявлениях. Повидимому, призывы учителя оказали решающее действие на юношу: он последовал совету „бежать на всех парусах" от всякого светского воспитания и усердно занялся изучением трудов Эпикура. Во всяком случае, мы знаем из того же письма, что его юный друг „постоянно брался за его книги" [14]. Приведем теперь следующие слова заключительной страницы письма к Геродоту: „Пусть мое слово запомнится и станет действенным. Тогда, если кто и не возвысится до изучения всех отдельностей,—он приобретет могущество, несравнимое с остальными людьми" [15]. Здесь ясно подчеркнуто, что Эпикуров очерк предназначается для тех учеников, кто уже приступил к подробному изучению основного исследования, но не может одолеть всех его частностей. И в дальнейшем ученый выражает уверенность, что его очерк „сделает ясными много отдельных исследований из всей работы и будет постоянно содействовать закреплению в памяти основных понятий" [16]. И здесь имеются в виду, конечно, те ученики, которым были не под-силу отдельные исследования... Наконец, подчеркнув еще раз, что его небольшой очерк дает законченное обозрение всех основных понятий философии науки, Эпикур заключает: „К ним должны обращаться все, кто н е закончил изучения ц е л и к о м: так они даже неизустным способом с быстротою мысли получат обзор главнейшего—для своей невозмутимости"...[17]. Таким образом тот разряд учеников Эпикура, о котором сейчас идет речь, можно определить кратко и точно собственными словами ученого: это все—„не окончившие изучения целиком". Весь Эпикуров очерк предназначается, в первую очередь, именно для этих пламенных, но еще не самостоятельных ревнителей естествознания.

6. Обосновывая целесообразность своего общего очерка, Эпикур указывает, что имеет в виду, между прочим, и „тех, кто уже достаточно продвинулся в рассмотрении целого" [18]. Точно так же и в конце письма поминаются „те, кто уже достаточно изучил частности" [19]. Таким образом, мы получаем новый, еще более высокий разряд ревнителей Сада. От предыдущих они отличаются тем, что знаменитые тридцать семь книг не только ими прочитаны, но и „разобраны" [20]; разбор

настолько далеко продвинулся вперед, что в итоге он дал связную картину „целого“...

7. Остается только один высший разряд: это—„закончившие изучение“, как говорит о них сам ученый в начале письма [21]. А в конце его он еще раз поминает о „тех, кто изучил отдельности полностью“ [22]. В итоге такой тщательной и разносторонней работы у них должна не только образоваться связная картина целого: все отдельные частности великого исследования должны занять в нем подобающее им, строго определенное место. „Все должно быть сведено к ясным началам и положениям. И непрерывность связного обзора целого недостижима, если невозможно—посредством кратких положений—включить в нее и все изученные отдельности“ [23]. Последняя и окончательная ступень изучения достигается лишь в том случае, если нам одинаково ясны и общий план великого здания естественной науки и все те многообразные связи, которые соединяют его разнородные частности... Конечно, немногие друзья Эпикура—до издания его обобщающего очерка—могли самостоятельно возвыситься до такого предела; но были и такие, иначе о них не упомянул бы сам ученый. И нетрудно догадаться, кого он имеет в виду: это, конечно, Метродор, Полиэний и Гермарх. Только научная скромность побуждала их называть себя „учениками“ Эпикура: мы знаем, что в действительности они были совершенно самостоятельными научными работниками. Недаром позднейшее научное сознание школы включило их, вместе с самим ее основателем, в знаменитую четверицу „вождей“ Сада [24].

8. Перечислив все разряды своих друзей, которым предназначается его очерк, Эпикур делает обобщение: „Итак, подобный путь полезен всем, занимающимся естествознанием“ [25]. Далее идут уже известные нам слова о рвении к естествознанию [26]... Перед нами развертывается очень любопытная картина научной работы древнего Сада. Один за другим проходят ряды всевозможных ревнителей естествознания; каждый из них стоит на определенной ступени, на которую его поставили время или способности. На первой ступени мы застаем новичков, которые едва лишь успели отведать от древа познания; естественная наука еще только начинает вовлекаться в их умственный обиход, и они могут только мечтать об овладении таким обширным богатством, как многотомное творение основателя Сада. Следующая ступень дает несколько иную картину: ряд юных философов Сада с большою ревностью стремятся проникнуть во все тайны обширного здания; но и все здание в целом, и многие частности остаются как бы в тумане, ускользают от испытующего взгляда искателей. Только на третьей ступени их движения становятся вполне уверенными: они уже далеко „продвинулись в рассмотрении целого“. В их руках уже сосредоточены главнейшие Ариаднины нити, без которых невозможно проникнуть в далеко уводящую глубь здания: они овладели всеми основными, руководящими „схватываниями“, всеобъемлющими понятиями. Однако они не могут считать свою задачу выполненной: в их распоряжении надежный путеводитель, но они далеко еще не исчерпали тех многообразий, которые должны быть завоеваны по его несомнительным указаниям... И только те немногие избранники, которые силою мысли и воли возвысились до четвертой ступени, могут считать себя победителями. Это само-

стоятельные научные работники: не только все здание в целом, но и все его богатые частности доступны их умственному оку... Наконец, над всеми возвышается сам строитель здания; он спешит на помощь ко всем, со своей обычной готовностью. И он умеет понять и оценить усилия каждого. Недаром же Геркуланский папирус сохранил нам следующий отрывок из эпикурова письма: „Ты же пособи им—не только по способностям их, но и сообразно их нраву,—дабы они получили всякое пособие, необходимое для философии“ [27].

9. „Беги от всякой учености, блаженный, и подымай кубок“ [28]! Так понимают и до сих пор враги Эпикура его восклицание, обращенное к Пифоклу: „Беги, мой блаженный, всякого воспитания на всех парусах...“ Великий ученый призывал своего ученика оставить поверхностное светское воспитание; а враги Эпикура до сих пор толкуют его слова как призыв к невежеству; более того, нисколько не стесняя себя значением греческого подлинника, они вкладывают в уста Эпикура освящение разгульной жизни! Так пишут историю философии профессора философии... Мы нарочно остановились подробно на различных намеках из жизни Сада, случайно брошенных в письме к Геродоту. Обычные изложения не касаются их ни единым словом; между тем, как мы только что показали, они развертывают перед внимательным читателем одну из самых замечательных страниц духовной жизни раннего Сада. Идеалистическая легенда старается уверить нас, что школа Эпикура была наиболее непрошибаемой, самозамкнувшейся сектой, где „слово учителя“ считалось вечной истиной, не оставляющей места свободному научному исследованию. А подлинная действительность говорит совершенно иное: вместо поверхностных, несамостоятельных подражателей, зарывшихся в бумажную мудрость „учителя“, перед нами прочный, внутренно спаянный союз вдумчивых и настойчивых ревнителей живой науки. И нетрудно было бы показать на бесчисленных примерах, что здесь, как и во многих случаях, так называемая „история философии“ переворачивает на голову бесспорнейшую истину. Трудно найти более убогих, несамостоятельных и даже просто бездарных мыслителей, чем сподвижники Платона и Аристотеля, которые, даже уклоняясь от первоначальной догмы, не шли дальше „толкований“ на бумажные откровения своих учителей; между тем, именно Эпикуров Сад дает нам блестящую картину свободного научного мировоззрения, никогда не теряющего самой живой связи с вечно движущимся положительным знанием... Но нет нужды вдаваться в подробности: они потребовали бы особого исследования. А для нашей цели достаточно и только что полученных данных: они наглядно выявляют коренное различие двух в корне различных видов духовного творчества: *науки и метафизики*. Если метафизическое творчество имеет дело, прежде всего, с преславутыми системами, откровениями отдельных лиц, то научное мировоззрение является „соборным“ достижением человеческой мысли, последовательно раскрывающимся в самом же ходе победного развития положительной науки. И недаром Ватиканская находка позволила нам услышать из уст Эпикура такие слова: „*в научном соискании* больше выигрывает побежденный: ведь он выучивается новому“ [29]. Эпикурейская дружба действительно была прежде всего научным соисканием, бескорыстной *научной дружбой*, ставящей себе одну

только высокую цель: совместное искание и совместное созидание научной истины. „Научное соискание“ обладает свойством, резко отделяющим его от всех прочих видов духовной борьбы. В бесплодных и однообразных боях сверхнаучной метафизики всегда выигрывает только случайный временный победитель—ибо здесь речь идет не об истине, как таковой, а о преходящих вкусах и настроениях отдельных безответственных идеологов. Другое дело—соискание научное, чьим предметом является подлинная истина, испытуемая и проверяемая осторожным совместным творчеством: здесь всегда выигрывает „побежденный“, ибо поражение равносильно для него завоеванию новой, дотоле неведомой истины...

Глава III.

Письма Эпикура, как завершение важнейшей полосы в истории эпикурейской научной дружбы.

1. В числе Ватиканских изречений Эпикура сохранилось такое: „Дружба обходит мир, благовествуя нам всем: пробуждайтесь к блаженству“ [1]! Современные исследователи, даже благосклонные к Эпикуру, находят, что, взятое в таком виде, его изречение „чрезмерно“ ходульно: можно ли говорить о дружбе, обходящей мир и несущей ему благовест блаженства? И нам предлагаются поправки, которые должны возвратить нас к прежнему, неискаженному подлиннику. Слово „дружба“ (philia) надо заменить словом „философия“ (philosophia): только последнюю, только все свое учение в целом Эпикур мог сравнивать с солнцем, которое обходит мир и пробуждает людей... Другие филологи идут еще дальше: Эпикур имел в виду не дружбу и не философию, а просто „шар солнца“ (heliou sphaira), который обегает живой мир и возвещает людям новый день жизни—новый повод для блаженства, который они должны осознать и использовать [2]. Ибо в сутолоке обыденной жизни, рабы страстей или общественных условностей, мы слишком часто проходим мимо того величественного зрелища, которое посылает нам природа, когда каждое утро она лучами великого светила призывает нас наслаждаться жизнью и чувствовать благость нашего жизненного жребия [3]... Как ни глубокомысленны все эти поправки и толкования, все они должны быть отвергнуты: уже из предыдущей главы ясно, что в их основе лежит недостаточное углубление в живое существо эпикуреизма. Для философов Сада „дружба“ и „философия“ были союзными, родственными, неразлучимыми понятиями. И когда великий естественник говорил, что „дружба“ обходит мир, он только давал образное воплощение своей излюбленной мысли: истинная научная „дружба“ приобщает все больше и больше умов к истинной философии блаженства. Солнце эпикурейской дружбы восходит все выше, пробуждая своим светом все новые и новые множества людей. Раскрывая перед их изумленным взором неразгаданные тайны природы, оно возносит познающий разум на вершину блаженства и призывает всех людей причаститься к нему... Древняя рукопись в точности сохранила нам слова Эпикура. Было бы, конечно, очень любопытно узнать, какие о б с т о я т е л ь с т в а

могли вызвать у великого естественника этот мощный возглас. Скудость прямых данных заранее исключает точное и несомненное решение; но нетрудно убедиться, что, при достаточном знакомстве с жизнью древнего Сада, на темный вопрос можно пролить несколько лучей света. Для этого мы должны продолжить начатое исследование и, не ограничиваясь установкой общего облика письма к Геродоту, по возможности, точно определить время и место его создания.

2. Начинаем с определения места. И здесь в нашем распоряжении нет никаких точных данных. Даже более того: есть основания думать— по крайней мере, при ближайшей оценке,—что вопрос безнадежен [4]. Действительно, разбираемое сочинение Эпикура принадлежит к числу его писем. Нам уже приходилось указывать, что научная переписка была одним из обычных орудий духовного общения Эпикура и его друзей [5]. Между тем, нетрудно показать, что письма Эпикура отнюдь не связаны с каким-нибудь одним определенным местом. По свидетельству древнего историка, во времена Эпикура „худшие обстоятельства не раз обрушивались на Элладу"; тогда философ покидал Афины и выжидал конца гражданских усобиц в Малой Азии: „дважды или трижды бежал он к друзьям в различные места Ионии" [6]. Само собой разумеется, живое чувство дружбы, которое таким ярким огнем горело в душе Эпикура, должно было с особенной силой заявлять о себе во время таких отлучек. И действительно, до нас дошло несколько таких дорожных писем философа — из тех „различных мест Ионии", о которых повествует древний историк...[7]. Словом, письмотворческую деятельность Эпикура отнюдь не приходится связывать с каким-либо одним местом Эллады. А если так, не бесполезен ли и самый вопрос о месте создания одного из многих обнаружений этой непрестанной деятельности— письма к Геродоту?

3. Нам уже приходилось указывать, какое большое значение сыграл в жизни Эпикура Афинский Сад [8]. Остановимся теперь на этом подробнее. Эпикур основал свою афинскую школу в 306 году. Тогда же был приобретен знаменитый Сад [9]; он очень быстро стал главным средоточием новой школы. По словам древнего историка, ученики отовсюду приходили к Эпикуру и жили с ним в Саду [10]. И сам ученый очень редко покидал Афины и свою излюбленную обитель; да и эти недолговременные отлучки—как отмечено выше — были вынужденными. Не лишнее также отметить, что междоусобия, голод и все связанные с ними бедствия далеко не всегда могли заставить Эпикура покинуть привычную обстановку Сада. Так, в 294 году, когда осажденные Деметрием афиняне испытывали жестокую нужду, „философ Эпикур поддерживал своих близких бобами, назначенными на его личную долю" [11]. Эпикур предпочитал голодать, чтобы хоть чем-нибудь помочь друзьям; то же горячее чувство дружбы помешало ему, вероятно, предупредить осаду и оставить хотя бы на время Афины. Наконец, знаменитое завещание Эпикура начинается словами: „Сим передаю все мое имущество Аминомаху и Тимократу...—с тем, чтобы они предоставили Сад и его принадлежности Гермарху и его друзьям по философии, а также тем, кого Гермарх назначит преемниками—для преподавания философии. И всем моим единомышленникам постановляю преподавание в Саду, а также их наследникам,—чтобы и они вернейшим возможным способом

хранили Сад"...[12] Трудно найти известие, которое рассказало бы нам о значении Афинского Сада более выразительным языком... Остается только отметить год смерти Эпикура, свидетелем которой был все тот же Сад; это—270 год. Если припомнить, что учительное слово Эпикура раздалось в Саду впервые в 306 году, картина становится еще более яркой: под сенью Сада протекли тридцать шесть лет жизни Эпикура, почти четыре десятилетия одной из величайших человеческих жизней... И невольно рождается уверенность, что письмо к Геродоту, где ученый подытожил одно из главных достижений своей жизни,—было создано под привычной для него тенью Сада.

4. Наша уверенность вполне оправдывается, если, вооружившись только что приведенными данными, мы сопоставим с ними некоторые ранее подведенные итоги. Мы показали в своем месте, что письмо к Геродоту принадлежит к числу основополагающих произведений Эпикура, которым сам ученый придавал первостепенное значение [13]. И мы уже установили выше, что оно отнюдь не было случайной, мимоходной работой; напротив, его создание требовалось самим существом эпикурейской дружбы; будущее „письмо" в общем и целом было продумано и составлено еще до того, как оно было облечено в тонкую рамку послания. Наконец, предыдущая глава обнаружила, что эпикурейская дружба, в чьей обстановке родилось письмо, есть, прежде всего, дружба научная, и само письмо является ответом на один из важнейших очередных ее научных запросов... А в таком случае заранее устранена возможность, что наше письмо является одним из нередких „дорожных" посланий Эпикура; оно могло быть создано только в прочной и устойчивой обстановке, в постоянном средоточии научной жизни школы. А таким средоточием—и притом единственным—был, как только что показано, Афинский Сад. И, значит, вопрос о месте создания нашего „письма" можно считать исчерпанным.

5. Еще сложнее вопрос о времени. Как только что выяснено, Афинский Сад был свидетелем тридцатишестилетней научной деятельности Эпикура. К какому звену из этой длинной вереницы следует приурочить письмо к Геродоту? История не сохранила и здесь никаких данных. На первый взгляд мы должны удовольствоваться простой установкой только что отмеченных данных: знаменитое письмо появилось во вторую, важнейшую половину, жизни ученого, неотделимо связанную с Садом, в промежуток между основанием Сада и смертью его основателя (306—270 годы). Нет надобности еще раз подчеркивать, что столь широкий выбор вероятностей—одна из тридцати шести—был бы равносилен упразднению вопроса. Однако нетрудно показать, что и здесь положение дела не безнадежно: достаточно, как и прежде, учесть итоги нашего предыдущего разбора и сопоставить их с некоторыми несомненными данными о жизни и деятельности Эпикура.

6. Напомним, прежде всего, обстоятельство, установленное еще в первой главе. Письмо к Геродоту есть извлечение из великого исследования Эпикура „О природе". Обратим теперь внимание, что в числе заголовков отдельных книг утраченной работы сохранились такие: „Эпикур. О природе. XV писана при Гегемахе"...[14] „Эпикур о природе XXVIII. Писана при Никии" [15]. Это значит: 15-я книга „О природе" написана во времена архонта Гегемаха, в 300—299 году; 28-я книга, во вре-

мена архонта Никия, в 296—295 году. Отсюда вытекает, прежде всего, одно существенное обстоятельство: письмо к Геродоту, созданное после окончания всей работы, не могло возникнуть ранее 296—295 года. Но и этого мало. Из тех же данных ясно, что за промежуток между 300—295 годами, т.-е. около четырех или пяти лет, Эпикур написал тринадцать частей своей огромной работы. Таким образом каждый год научной деятельности Эпикура давал около трех-четырех ее частей. Примем теперь во внимание, что все великое исследование в целом составило, после своего завершения, 37 книг. Это значит: после 28-й книги Эпикуру оставалось написать еще девять книг; если исходить из только что отмеченной меры,—три или четыре книги в год,—для завершения великого труда требовалось около трех лет. Другими словами, знаменитые тридцать семь книг могли быть закончены не ранее 293—292 года.

7. „Эпикур был плодовитейшим писателем и всех превзошел количеством книг: около трехсот свитков. И в них нет ни одной ссылки извне; все слова самого Эпикура. В многописании с ним соперничал Хризипп; Карнеад недаром назвал его нахлебником Эпикура. Поэтому Хризипп часто писал об одном и том же и не по существу; из-за спешки допускал несообразности; и ссылок у него столько, что книги прямо кишат ими одними,—как это нетрудно подметить также у Зенона и Аристотеля“ [16]... Так говорит беспристрастный древний историк. Своей плодовитостью естественник Эпикур превосходил своих врагов-метафизиков, и они тщетно пытались с ним состязаться. Но столь же несомненно превосходил он их и *качеством* своих работ: в противовес сухому и несамостоятельному кропанию Аристотеля, которого идеалистическая легенда до сих пор считает „великим ученым“, Эпикур обладал подлинно научным, самостоятельным и своеобразным дарованием. Подчеркнем оба эти качества ученого: его изумительную плодовитость и его столь же редкую научную самостоятельность,—припомним теперь, какое большое значение имело для древнего Сада великое исследование „О природе“. Перед нами во всех отношениях крупнейшая работа ученого, краеугольный камень всего построенного им великого здания философии науки, предмет самого тщательного и всестороннего изучения со стороны многочисленных друзей Сада... Вывод ясен. Выше было установлено, что знаменитые тридцать семь книг могли быть закончены *не ранее* 293—292 года; теперь мы можем сказать, что они должны были появиться в свет *не позже* этого срока. Изумительная плодовитость Эпикура позволила ему держать на одном уровне обычную меру своей научной производительности (три книги главного сочинения в год!); столь же исключительная самостоятельность ученого служит нам достаточным ручательством, что в ходе огромной работы он не потерялся в хаосе чужих мнений и мелочей, точно устанавливая и выполняя намеченные задания.

8. Теперь мы с достаточной вероятностью можем определить и время составления работ, самым тесным образом связанных с исследованием „О природе“: это—сохранившиеся письма Эпикура. Достаточно припомнить ту своеобразную картину эпикурейской научной дружбы, которую мы попытались восстановить в третьей главе. Перед нами один за другим проходят ряды учеников Эпикура; каждый, по мере сил и способностей,

возвышается до той или иной ступени той высокой лестницы познания, которая создана законченным трудом Эпикура; сам строитель спешит на помощь к друзьям, давая им в руки надежнейший путеводитель—под скромным именем „Письма к Геродоту"; не довольствуясь и этим, он присоединяет к основному очерку два ценных дополнения—знаменитые впоследствии письма к Пифоклу и Меноикею. Все говорит за то, что мы имеем дело с весьма ясной и отчетливой полосой истории древнего Сада. Это—время, непосредственно следующее за большим праздником эпикурейской научной дружбы—окончанием крупнейшего труда ее творца и вдохновителя. 292—291 годы—время письма к Геродоту, время первого расцвета Эпикурова Сада, достойное завершение первого, самого трудного и радостного пятнадцатилетия его молодой жизни. И нет сомнения, что именно в эти годы великий творец эпикурейской научной дружбы не раз испытывал то настроение восторженного подъема, которое внушило ему уже известный нам мощный возглас: „Дружба обходит мир, благовествуя нам всем: пробуждайтесь к блаженству!".

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.

Предварительные итоги.

Глава I.

Эпикур и так называемая история философии.

1. „Предания кошмаром тяготеют над головами людей". Это выразительное изречение принадлежит главному основоположнику научного обществоведения, Карлу Марксу. Предыдущее исследование познакомило нас с одним из наиболее любопытных примеров такого „кошмара": это—двухтысячелетняя идеалистическая легенда об Эпикуре. Мы оставили в стороне все вопросы, связанные с ее происхождением и последовательным развитием: удовольствовавшись установкой простой ее наличности, мы непосредственно сопоставили ее с действительностью—с несколькими случайно уцелевшими маленькими жемчужинами эпикурейского наследия. Точно так же мы не входили пока в подробный разбор научного содержания Эпикуровых учений: мы ограничились простым восстановлением его главных первоисточников. Однако мы вправе уже теперь подвести некоторые итоги.

2. Начнем с общей оценки ходячей идеалистической легенды. В первом отделе настоящей работы указаны некоторые наиболее показательные черты, которыми наделяется облик Эпикура в представлении так называемых историков философии [1]. Как мы убедились, все три главных области эпикурейской науки—логика, мировоззрение, этика—нашли себе очень своеобразное кривое зеркало у нынешних наследников Платона и Аристотеля: современные метафизики оказались достойными продолжателями древних врагов Эпикура. Наведя нужные справки у некоторых более беспристрастных исследователей, мы убедились, что истинный Эпикур не имеет ничего общего с Эпикуром воображаемым. Логика, природоучение и этика Эпикура выступили перед нами на совершенно другом фоне: во всех этих областях древний мыслитель оказался родоначальником современной философии науки. Более того. Неискаженный образ Эпикура до сих пор еще сохраняет свое прежнее общенаучное значение: как и в IV веке до Р. Х., он все еще является прообразом борьбы научного мышления с мышлением донаучным—религией и метафизикой.

3. От исторических справок мы перешли (во втором отделе) к вопросу о первоисточниках; здесь нам открылась еще более любо-

пытная картина. Прежде всего, мы познакомились с малопочетным преимуществом, которым обусловливается живучесть идеалистической легенды: наводнение варваров, оказавшееся очень благосклонным к древней метафизике, было совершенно беспощадно к древней науке; почти все великое наследие древнего научного мировоззрения погибло под развалинами древнего Рима. Правда, до нас дошли некоторые ценные отголоски древнего Сада, вроде писем Эпикура и поэмы Лукреция; зарождающаяся новая наука уже в XVII веке, трудами неутомимого Гассенди, попыталась восстановить научный облик Эпикура; благодаря смелым усилиям Дидро, возобновленное знамя Эпикура стало боевым знаменем нового научного мировоззрения. Однако „святая ирония" истории готовила Эпикуру еще одно, наихудшее, испытание. С одной стороны, счастливый случай открыл нам такие источники древнего научного мировоззрения, о которых не смели мечтать Гассенди и Дидро: Геркуланский пепел, Ватиканская библиотека и даже Ойноандские камни стали живыми свидетелями Сада. Однако в то же самое время древняя наука стала наследственной вотчиной так называемых историков философии, запоздалых наследников древней метафизики и средневековой схоластики. В итоге—все наследие древнего Сада, разросшееся и бесконечно расширившееся, было предано полному забвению...

4. Чтобы восстановить истинное лицо эпикуреизма, мы обратились (в третьем отделе) из сохранившихся первоисточников—к так называемому первому письму Эпикура. И уже простое знакомство с основным *заданием* знаменитого письма оказалось весьма поучительным. Мы убедились, что эпикурейская философия науки отнюдь не посягает на самостоятельность чистой науки и нисколько не желает сделать ее рабыней „философии"; напротив, провозглашая „рвение к естествознанию", Эпикур утверждает самые неурезанные права бескорыстного и предвзятого научного познания, чтобы во всеобъемлющей полноте великих достижений чистой науки раскрыть неизвращенные черты подлинного *научного* мировоззрения...

5. Установив общее задание письма к Геродоту, мы попытались (в том же отделе) раскрыть общий *план*, положенный в его основу. Мы убедились, что все основное построение письма разработано с чрезвычайной вдумчивостью и полнотой. В итоге—перед нами наметилось еще одно положение, мало благосклонное к ходячей идеалистической легенде: эпикурейская философия науки покоится не на смутно осознанных догматических предвзятостях, а на сознательно установленных и тщательно проверенных требованиях научной *логики* и *методологии*.

6. В следующем (четвертом) отделе мы предоставили слово самому Эпикуру. Из уст крупнейшего деятеля древней науки мы познакомились с *основоположениями древнего научного миропонимания*. Какие бы то ни было привнесения или дополнения оказались здесь излишни. Каждое основоположение великого естественника своей насыщенной глубиной и изумительной чеканностью достаточно говорит о том, что живой основой Эпикуровой философии науки было *чистое естествознание*, во всей полноте и неурезанности тех заданий, какие были доступны древней науке.

7. Те же выводы получили новое подкрепление, когда мы обра-

тились к творениям Эпикура, дополняющим письмо к Геродоту (отдел пятый). Наконец, предоставив еще раз слово самому Эпикуру, мы убедились, какой подробной и тщательной разработке подвергались у древнего ученого все отдельные стороны тогдашней философии науки (отдел шестой).

8. Выслушав слово Эпикура, мы попытались (в седьмом отделе) познакомиться с некоторыми свойствами той своеобразной научной среды, которая сумела возвыситься до таких вершин научного мировоззрения. Как этого и следовало ожидать, перед нами оказались не жалкие подражатели, трепещущие перед нечленораздельным бредом божественной метафизики Платонов и Аристотелей: „ученики" Эпикура дали нам своеобразную картину союза свободных ревнителей чистой науки, где в тесном всепроникающем общении объединились самые разнородные духовные силы, начиная от „новичков" в науке и кончая самостоятельными научными работниками. Письма Эпикура оказались одним из наиболее выразительных обнаружений непонятой или извращенной эпикурейской научной дружбы, единственным в своем роде памятником ее первого победного расцвета. Скромные письма древнего ученого ввели нас в самую сердцевину эпикурейской этики— этики общественного человека, приобретенного наукой и гармонически сочетавшего ее строгие требования с глубочайшими запросами творческой личности.

9. Перед нами с достаточной отчетливостью выступили основные грани, отделяющие Эпикура действительного от Эпикура воображаемого— величайшее достижение эллинской науки от жалкого создания бездарной идеалистической легенды, этой излюбленной двухтысячелетней жвачки так называемых профессоров философии. Подводить обобщающий итог нет нужды – тем более, что он уже подведен в известных нам словах Лукиана: „Я выступаю в защиту Эпикура, мужа поистине святого и с божественным естеством: он один познал прекрасное вместе с истиной, преподал их и стал освободителем приобщившихся к нему".

Глава II.

Эпикур и современная философия науки.

1. „Наука сама себе философия". Это выразительное изречение принадлежит одному из крупнейших деятелей современной науки. Оставаясь в пределах настоящей работы, мы не можем затронуть в подобающей мере сложные и жгучие вопросы, которые так ярко и чеканно подытожены в замечательной формуле К. А. Тимирязева. „Святая ирония" истории позаботилась о том, чтобы историк научного мировоззрения, прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, выполнил существенную предварительную работу филолога и историка культуры: мы занимались до сих пор не столько оценкой мысли Эпикурова Сада, сколько простым восстановлением его забытого слова. Однако мы убедились, что даже такие скромные задания приводят к весьма поучительным достижениям: освободившись от всяких предвзятостей, филолог и историк культуры, даже

независимо от своих намерений, могут проникнуть в неисследованные глубины истории научного мировоззрения. Остается только подвести некоторые, уже наметившиеся, итоги, которые могут стать направляющими вехами дальнейшего исследования.

2. В предыдущем исследовании не раз уже попадалось истертое слово „философия“: как известно, оно принадлежит к числу наиболее спорных и многосмысленных. Наше исследование показывает, что необходимо различать два прямо противоположных друг другу понятия, коренное различие которых слишком часто стушевывается за общей словесной оболочкой. Для Эпикура и его единомышленников „философия“ *есть сама же наука*, взятая в ее *целом*, органически складывающееся и развивающееся единство положительной науки и, в первую очередь, *естествознания*. И нам предстоит убедиться в дальнейшем, что намеченное понятие — философия науки — не имеет ничего общего с тем своеобразным смыслом, который вкладывают в то же многострадальное слово всевозможные „профессора философии“, от Платона до Канта. Провозглашая „философию“ особой *наукой в себе*, возвышающейся над положительными науками, древние и новые враги Эпикура превращают ее в метафизику, в одно из самых безответственных обнаружений *донаучного* мышления. Размежевание между *философией науки и метафизикой*, само собою намечающееся уже в пределах нынешней предварительной работы, должно стать одним из средоточий нашего внимания.

3. Восстанавливая научный облик Эпикурова Сада, мы узнали, что философия науки, разработанная его гениальными основателями, уж в самом начале представляла очень сложное многогранное целое. Неизменно сохраняя свое общее верховное единство,— единство цельного научного познания,— она, тем не менее, уже в самом начале выделила в недрах общего целого несколько отдельных областей, получивших самостоятельные задания. Мы имеем в виду три предмета, названия которых встречались уже неоднократно. На первый план выдвигается научная *логика и методология* — учение о средствах и путях *познания*, на языке Эпикурова Сада — *каноника*. Следующее и важнейшее место получает научное *мировоззрение* в узком смысле — учение о *бытии*, на языке эпикурейцев „*физика*“. Наконец, третья, завершающая, область отводится научной *этике*, учению о нравственности. Нам и предстоит ознакомиться в дальнейшем с тем сложным научным содержанием, которое вкладывалось во все только что отмеченные основные отрасли древней философии науки.

4. Мы уже получили некоторые данные о первой из них — логике и методологии (*каноника*). Исследуя план знаменитого Эпикурова очерка, мы выяснили, как высоко ценилась у деятелей Сада творческая способность к строгому и последовательному логическому мышлению. Мы узнали также, что Эпикур считал свою канонику необходимым введением в научное исследование, и даже в таком сжатом очерке, как письмо к Геродоту, имеется небольшой вступительный отдел, который подытоживает основные положения все той же каноники. В итоге обнаружилось, что эпикурейская теория познания сохраняет самую тесную органическую связь с наиболее важной областью положительных наук — с *естествознанием*. Все эти данные позволяют на-

деяться, что каноника Эпикура не окажется предвзятой вненаучной „гносеологией“ нынешнего университетского образца, состряпанной для личного потребления безответственными подражателями Платона и Канта: перед нами намечается органическая часть общей философии науки, которая хочет быть логикой самого же положительного знания, взятого в его живом целостном единстве... Нам и предстоит проверить, насколько основательны надежды, возлагаемые нами на забытое учение, более двух тысячелетий борющееся с бездарной клеветой, предлагающей себя под громким именем „истории философии“.

5. Еще больше данных имеется в нашем распоряжении о второй области эпикурейской философии науки. все письмо к Геродоту посвящено тому, что мы назвали бы теперь научной картиной мира, научным мировоззрением в буквальном смысле этого ответственного слова. Его основные черты нам известны в изображении самого Эпикура; и даже не входя в подробную оценку по существу, мы вправе были отметить изумительное единство и многогранность развернувшейся картины, включившей в свое стройное целое и всеобщие „основы“ бытия и его своеобразные обнаружения. И все эти величественные достижения отнюдь не являются плодом безответственного творчества отдельных лиц, которые располагаются поодаль от живой науки и высиживают очередного метафизического ублюдка, способного только на краткий миг явить изумленному миру привлекательное зрелище своего духовного уродства, чтобы тотчас же уступить место своему столь же преходящему подражателю. Нет, эпикурейская картина мира не имеет ничего общего ни с убогими однодневными „измами“ современных профессоров философии, ни с пресловутыми „системами“ древних метафизиков: как неоднократно подчеркивает сам основатель Сада, она является только венцом древнего естествознания; в ней раскрывается то органическое целое, которое сложилось в итоге объединения и слияния многовековых достижений древней положительной науки Нам и предстоит проверить: обладает ли научное мировоззрение, даже в его древних достижениях, тем самозаконным внутренним единством и той многообъемлющей широтой, которые обеспечивают непреложное единодержавие науки над так называемыми высшими запросами человеческого духа? Обладает ли „относительная“ и вечноизменчивая истина науки почетным правом указать мнимому безусловному знанию—религии и метафизике—подобающее им место в сорной корзине донаучного мышления?

6. Научная картина мира, учение о бытии—таково главное средоточие нашего основного эпикурейского источника. Однако все области философии науки соединены друг с другом слишком глубокой связью; касаясь научного мировоззрения, мы не раз уже имели случай затрагивать и некоторые вопросы научной этики. Осмеянная или непонятая „дружба“ эпикурейцев оказалась, в первую очередь, дружбой научной. И уже само сочетание этих двух понятий (наука и „дружба“) является своего рода прообразом той органической внутренней связи, которая существует между научной этикой и научным мировоззрением; более того,—оно вплотную подводит нас к еще более глубокому вопросу—о том сложном и нерасторжимом союзе, который связует наши научные искания и наши нравственные запросы, истину

науки и правду жизни в ее целом. Наше дальнейшее исследование должно уделить внимание и этим вопросам, которые так часто и так незаслуженно отводятся на задний план перед лицом победного движения „чистой“ науки.

7. Рядом с многосмысленным словом „философия“ в предыдущем изложении не раз уже попадалось еще одно, также являющееся ходячей монетой научного языка,— это слово—„материализм“. Не лишнее отметить, что у так называемых „философов“, т.-е. в богословско-метафизических трактатах, сооружаемых бесчисленными профессорами философии, под материализмом разумеется „одностороннее“ догматическое направление, которому свойственны следующие признаки. Во-первых, оно не знакомо с простейшими предпосылками профессорской „гносеологии“ и вообще равнодушно к вопросам „научной“ теории познания. Во-вторых, в области мировоззрения—оно отрицает своеобразие явлений духовной жизни и грубо сводит их к „мертвой“ материи. Наконец, в области этики оно исходит из низменного учения, делающего личный эгоизм мерилом нравственного поведения... Все определения подобного рода, несомненно, достойные своих творцов, часто связываются с великим именем Эпикура. Предыдущее исследование, хотя оно и оставалось в рамках своих предварительных заданий, достаточно показало, какую цену имеют все эти упражнения нынешних наследников Платона и Аристотеля. Мы знаем, что „материализм“ Эпикура предполагает вполне определенную и отчетливо осознанную теорию познания („канонику“). Столь же несомненно, что материалистическое мировоззрение Эпикура не упраздняет никаких своеобразий бытия, и заранее можно ручаться, что оно не станет отрицать и своеобразие „духовного“ бытия,—только оно будет объяснять его иначе, чем наследники средневековой схоластики. Наконец, общий тон материалистической этики Сада, достаточно заявивший о себе в его „научной дружбе“, заранее ручается нам, что ее основные предпосылки не будут иметь ничего общего ни с какими обнаружениями духовного мещанства. Материализм Эпикура, как и вообще материализм в научном, а не в профессорском смысле слова, окажется не предвзятой и безответственной „философской“ догмой, а сложной естественно-научной гипотезой, одной из неотъемлемых, органических частей общенаучного мировоззрения...

8. „Немного значит в моих глазах авторитет Платона, Аристотеля и Сократа. Я был бы удивлен, если бы ты сослался на Эпикура, Демокрита, Лукреция или кого из атомистов и защитников атомов. А стоит ли удивляться, что те, кто выдумал „скрытые качества“, внутренние сущности, субстанциональные формы и тысячи прочих нелепостей, измыслили также призраки и привидения и поверили старым бабам, чтобы подорвать авторитет Демокрита“. Эти яркие слова принадлежат не какому-нибудь предубежденному материалисту: мы находим их в переписке крупнейшего европейского метафизика, Бенедикта Спинозы. Строгий и последовательный мыслитель, Спиноза стремился не только на словах, но и на деле согласить свою философскую систему с зарождающимся научным мировоззрением. Внутренняя логика свободной научной мысли тотчас же вывела его на верную историческую дорогу:

уже на рубеже новой науки Спиноза решительно отверг всякий авторитет прославленных героев профессорской философии и с тою же решительностью стал под знамя Эпикура. Мы уже знаем, что великий мыслитель XVII века не одинок в своих стремлениях: устами Рамзэя, основоположника самой революционной научной отрасли — физической химии, современная наука объявила своим духовным отцом величайшего представителя своей древней предшественницы. Нам и предстоит убедиться в дальнейшем, что знамя современной внутринаучной философии есть знамя Эпикура.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ОТДЕЛУ ПЕРВОМУ.

Идеалистическая легенда об Эпикуре и подлинное значение Эпикуровой философии науки.

Глава I.

1. Die Geschichte d. philosophischen Meinungen der Alten ist bisher fast nur von solchen (sc. von den Gegnern d. Erfahrungsphilosophie) geschrieben u. behandelt worden, Gomperz Th., Herkul St I Heft, p 12 Vorw.
2. Prantl, Gesch. d. Log. I, 402—3.
3. Zeller III, 14 390 sqq.
4. Cf Bahnsch, Philippson, Natorp etc.
5. Philippson de Philod. libro etc. (1881).
6. Ист. научного материализма т. I.
7. Ср. введение к назв. работе, напеч в Зап. Н. О. Маркс, № 2.
8. Der erste Entwurf einer induktiven Logik—aufgefuehrt auf dem Boden streng und ausschliesslich empirischen Weltansicht, belebt und getragen von dem Hauche des echtesten baconischen Geistes, Gomperz ib., p. 11 Vorw.
9. Ср. war geeignet, im Gebiete der Erfahrung Dienste zu leisten, wie kaum ein anderes antikes System... in der Begruendung sogar fast subtilere Theorie des Erfahrungsbeweises, wie sie in der Neuzeit etwa J. St. Mill aufgestellt hat, Natorp Forsch. zur Gesch. d. Erkenntnispr., p.p. 236 sq.
10. Zeller l. c.
11. Cf. Goedekemeyer Ep. Verh. zu Dem. in d. Naturph. (1897).
12. Einscheidende Korrekturen an der Lehre seines Vorgaengers... einen hohen Grad d Selbstaendigkeit u. d Originalitaet, Gilbert, Gr. Religionsph., p. 479.
13. konsequenteste Durchfuehrung etc. Gilbert, D. meteor. Theor. d. gr. Altertums, p. 206.
14. Gilbert, ib. p p. 709 sq.
15. Koerperliche Empfindungen... Princip der Selbstsucht etc. Zeller ib p. 481.
16. Ex gr. Windelband, etc
17. Guyau, La morale d'Epicure.
18. Non dicam quod plerique nostrorum... sed illud dico: (secta Epicurea) male audit, infamis est, et inmerito. Sen. vita beata 13, 1.

Глава II.

1. Guyau, op c praef. ex.
2. Ramsay, Elem. and electr ch. 1.
3. Ramsay. ib.
4. Boltzmann, Entwickl. d. Methoden d. theor. Physik. (1899) ex. (pop Schr., p. 227).
5. Ramsay l. c
6. Boltzmann op. c. (p. 198).
7. К. Тимирязев, Насущн. задачи совр. ест., 2 пред.
8. Guyau, op. c. ex.
9. Guyau, ib.

10. ὅλως δε ασπονδος καί ακήρυκτος... ο πόλεμος προς 'Επίκουρον ἦν. καί μάλα εἰκότως. τίνι γάρ ἄν ἄλλῳ δικαιότερον προσεπολέμει γόης ἄνθρωπος καί τερατείᾳ φίλος, ἀληθείᾳ δ' ἔχθιστος ἢ Επικούρῳ — ἀνδρὶ τὴν φύσιν τῶν πραγμάτων καθεωρακότι καί μόνῳ τὴν ἐν αὐτοῖς ἀλήθειαν εἰδότι;... ὁ δὲ ἄτεγκτος Επίκουρος — οὕτω γάρ αὐτόνν ὠνόμαζεν — ἐχθιστος δικαίως, πάντα ταύτα ἐν γέλωτι καί παιδιᾷ τιθέμενος. Lucian. Alexandri 17, 25.

11. Luc. op. c.

12. Luc. op. c.

13. Επικούρῳ τιμωρῶν — ἀνδὶ ὡς ἀληθῶς ἱερῷ καί θεσπεσίῳ τήν φύσιν — καί μονω μετ'ἀληθείας τὰ καλὰ ἐγνωκότι καί παραδεδωκότι καί ἐλευθερωτῆ τῶν ὁμιλησάντων αὐτῷ γενομένῳ. Luc. ib. 61.

К ОТДЕЛУ ВТОРОМУ.

Источники эпикуреизма и их нынешняя разработка.

Глава I.

1. Baconis Nov. Org. aph. 71 in.

2. Ex inundatione Barbarorum „postquam doctrina humana velut naufragium perpessa esset: tum demum philosophae Aristotelis et Platonis tamquam tabulae ex materia leviore et minus solida, per fluctus temporum servatae sunt", ib. 77.

3. Cf. op. c.

4. Cf. Us. Epic. index; Croenert Kol. ind.

5. Cf. Croenert Kol. possim.

6. Cf. Diog. Oin. fragm. ed. Will.

7. ἄνδρες pro coryphaeis positum cf. Philod. rh. passim (Sudh. II in d. p. 309; καθηγέμονες cf. ex. gr. Philod. ib. l. 2 c. 23 (Sudh. I 49); oecon. c. 12, 20; de ira cc. 45 in., etc.

8. Diog. 10, 26.

9. Diog. 10, 35—154. Изд. Usener (1887); последняя обработка текста—Kochalsky D. Leben u. d. Lehre Ep.—Diog. Buch 10 (1914).

10. Исследов. Brieger'a, Ep. Brief an Herod. §§ 68—83 (1882).

11. Usener Ep. p.p. 37 sqq. praef. доказывает, что письмо к Пифоклу—позднейшая компиляция и напрасно носит имя Эпикура; но доводы Usener'a в настоящее время можно считать опровергнутыми, cf. Arnim Art. Ep. in R.—E. Pauly—Wyssowa.

12. Содержание исследовано Guyau, La morale d'Ep.

13. Cf. Usener Ep. p.p.54 sqq.; Croenert Kol. p. 181 sub fin.

14. Пользуюсь изд. Munro (I 1873[3]) и Brieger (1914[2]).

15. Cf. ex. gr. Gilbert Meteor. Theor. d. gr. Altert. p.p. 221 sqq.

16. О них ср. Usener'a Ep. p.p. 55 sqq. praef.

17. Ср. особенно гаусный выпад против Эпикура Cleom. II 1 p. 113 (p. 281 Из.).

18. Ср. особенно выпады против „невежества" Эпикура, Sext. math. I 1.

19. Cf. ex. gr. Alex. in Ar. met. p. 428 (Us. p. 182 ex.).

20. О Цицероне ср. Usener'a Ep. p.p. 65 sqq. praef.

21. Cf. ex. gr. Tertull. de an. 46 etc.

22. Gassendi De vita, moribus et doctr. Ep. 1647.

23. Quidni igitur Cicero, Plutarchus, Empiricus, alii—turbidos rivos deduxerunt ex coenosis fontibus? Gassendi ib. 5, 5.

24. Gassendi, Animadversiones in Diog. L. de vita et phil. Epic. 1649.

25. Gassendi, Syntagna phil. Ep. (1655).

26. Jamais philosophie ne fut moins entendue et plus calomniée que celle d'Epicure, Diderot, Epicuréismo, l'article de l'Encycl., cf. Diderot oeuvres t. XIV p.p. 508 sqq (1876). Ниже, c.

27. Cf. ib. p. 525; ниже, c.

28. Nous introduirons ce philosophe même... c'est donc lui qui va parler dans le reste de cet article, l. c. p. 508.

Глава II.

1. ... d'où l'on voit qu'en quelque lieu et en quelque temps que ce soit, la secte épicurienne n'a jamais eu plus d'éclat qu'en France, et surtout pendant le siècle dernier, Diderot op. c. ex. (p. 527 ed. c.).

2. On tremble de respirer, de peur qu'un souffle n'enlève cette poussière où de nobles idées sont peut être encore empreintes...
3. Cf. Arnim, Art. Epicur in R—E. v. Payly—W.
4. Напечатано Cosattini Hermes 29, p.p. 1—15. Ср. И. Боричевский, Истинное лицо древнего Сада Эпикура. Зап. Н. О. Маркс, № 4.
5. Koerte Metrod p.p. 571 sqq Croenert Kol. u. Mened (1906), 107
6. Herm. ep. ad Theophid. ap Philod rh I 2.
7. Cf. Croenert Kol. p.p. 109 sqq
8. Col. contra Plat Lys. et Plat Euthyphr. Croenert op. c. 162—172. Ср. И. Боричевский У древнейших истоков идеалист. легенды о Платоне, „Кн. и Рев." (1922), №№ 8, 9.
9. Polystr. περὶ λόγου κατα φρονήσεως Wilke (1905).
10. Demetr. Lac. ap. Croen. 100—125.
11. изд. Gomperz'ом Herk. St. I (1865), текст пересмотрен Philippson'ом, Rhein. M. 64.
12. Philod. de sanct, Gomp. Herk St. II (1866)
13. Philod. de dis, ed Diels, Abh. d. Preuss. Akad. d Wiss. № 7 (1916).
14. Philod. de vitus lib. 10 ed. Jensen (1914)
15. Philod. de lib. dic ed. Olivieri (1914).
16. Philod. oecon. ed. Jensen (1906)
17. Philod. de ira ed. Wilke (1914).
18. Philod. rhet. ed. Sudhaus I (1892), II (1906); suppl. (1895).
19. Philod. de poem lib. 2 ed Hausrath.
20. Philod. de musica ed. Kempe.
21. Codex Epicureus Vaticanus—Wiener St X 1888,—с пояснениями Usener'a и Gomperz'a.
22. Cf. Sudhaus, Philod. rh. suppl. Vorw.
23. Croenert, D. Epikureer Philonides, Sitz. d. Preuss. Acad. d. Wiss. (1900), p. 959.
24. Post Gassendum nemo ad universam Epicuri physiologiam ex fontibus ipsis hauriendam et penitus explicandam aggredi ausus esset, Brieger Lucr. ed. (1914) praef p. 9.
25. cf ib.: mox totum se dedit Platonicis studus.

К ОТДЕЛУ ТРЕТЬЕМУ.

Значение и план письма Эпикура к Геродоту „О природе".

Глава I.

1. τοῖς μὴ δυναμένοις... ἕκαστα τῶν περὶ φύσεως ἡμῖν ἀναγεγραμμένων ἡμῖν ἐξαριβοῦν . ἐπιτομήν τὴν ὅλης πραγματείας... αὐτοῖς παρεσκευάσα. Ep ep. 1 in., contra Us. Ср. ниже.
2. Diog 10, 14.
3. Ib. 2.
4. l. c. cf. ib. 15.
5. Strabo 13; Us. p. 410[b].
6. Ср. выше, отд. II, гл. I, прим. 7.
7. Diog. 2.
8. ἡ ἐν τῷ γήπῳ διατριβή. Ep. test. in.
9. Diog. 10.
10 κηπολόγος cf. Us p. 409[b] sq.
11. περὶ φύσεως ΛΖ, Diog. 10, 27; cf. 10, 7.
12. ср. выше, отд. II, гл. II, прим. 3 и 4. Ср также Croenert Rh. M 56, 608 sqq.
13. Ср. прим. 1.
14. ἐπιτομήν τῆς ὅλης πραγματείας εἰς τὸ κατασχεῖν τῶν ὁλοσχερωτάτων δοξῶν τὴν μνήμην ἱκανῶς, Ср. 1 in.
15 κεφαλαιωδέστατα ὑπέρ τῆς τῶν ὅλων φύσεως ἐπιτετμημένα, ep 1, 82
16 πάρ' ἑκάστους τῶν καιρῶν ἐν τοῖς χωριωτάτοις βοηθεῖν, ib. 35.
17. τὸν τόπον τῆς ὅλης πραγματείας τὸν κατεστοιχειωμένον, ib.

18. οὐ γὲρ οἱόν τε τὸ πυγνωμα τῆς συνεχοῦς τῶν ὅλων περιοδείας εἶναι — μη δυνάμενον ἀδι βραχεῶν φωνῶν ἅπαν ἐμπεριλαβεῖν ἐν αὑτῷ τό καί κατά μέρος ἂν ἐξακριβωθέν, ep. 1, 36 contra Us.

19. καί τούς κατα μέρος ἤδη ἐξακριβοῦν... εἰς τοιαύτας ἀναλύοντας ἐπιβολάς τὰς πλείστας τῶν περιοδειῶν ὑπέρ τῆς ὅλης φύσεως, ep. 1, 83 contra Us.

20. παρεγγυῶ εἰς τό συνεχές ἐνέργημα ἐν φυσιολογίᾳ—τῶν τοιούτῳ μάλιστα ἐγγαληνιζόντων τῳ βίῳ—ποιησασθαι etc. ib. 37.

21. Cf. ex gr. Zellen III 1 passim.

22. παρρησίᾳ χρώμενος φυσιολογῶν etc. Ep. excl. Vatic 29

Глава II.

1 Ср. гл. I, прим. 17; гл. III, прим 3.

2. ολοσχερώτατοι τύποι, l. c.

3. τῆς γαρ ἀθρόας ἐπιβολῆς πυκνόν δεόμεθα, τῆς δέ κατὰ μέρος οὐχ ὁμοίως, ib.

4. τό κανονικόν ἐφόδους ἐπί τήν πραγματείαν ἔγει, καί ἐστιν ἐν ἐντῷ ἐπιγραφομένῳ Κανών Diog. 10, 30.

5. εἰώθασι τό κανονικόν ὁμοῦ τῷ φυσικῷ τάττειν, καλοῦσι δ'αὐτό περί κριτηρίου καί ἀρχῆς, καί στοιχειωτικόν, ib.

6. ὅτου δή ποτε τῶν κριτηρίων, Ep. ep. 1, 38.

7. Ср. выше, отд. I, гл. I, прим. 2—5.

8. ἀρχαί Ep. ep. 1, 41.

9 ἡ τοσαύτη δή φωνή τούτων πάντων μνημονευομένων τῶν ἱκανόν τύπον ὑποβάλλει ταῖς περί τῆς των ὄντων φύσεως ἐπινοίαις, ep. 1, 45.

10. μνημονεύειν τῶν ἐν ἀρχῇ ῥηθέντων, ib. 68.

11. συνεχῆ μνήμην ἔχειν τῶν ὅλων, 82.

12 μνεμονεύων τῶν ἐν ἀρχῇ ρηθέντων ἱκανῶς κατόψεται τοῖς τύποις περιειλημμένα εἰς τὸ κατά μέρος ἀπότούτων ἐξακριβοῦσθαι βεβαίως, ib. 68.

13. καί ἐπιβολῆς μέν ἔχοντα ἰδίας πάντα ταῦτα ἐστί καί διαλήψεις, συμπαρακολουθούντος τοῦ ἀθρόου... κατά τήν ἀθρόαν ἔννοιαιν τοῦ σωματος κατηγορίαν εἰληφότος, ib. 69. Испорчено у Us. Ср. ниже.

14. Обычная формула перехода ἀλλά μήν καί, ex. gr. 39. Реже: πρός δε τούτοις 42; 48; 56; ἐπί δε τούτοις 81 cf. 73 (ἐπί δε τοῖς προειρημένοις). Реже ограничивается Эпикур краткими частицами, вроде εἴτε (47); ἔτι δε (74); ὅθεν καί (75); οὗεν δη (40); διό δή (79) и просто τε (43).

15. Diog. 42.

16. Diog. 50.

17. Diog. 56 sq.

18. Diog. 58.

19. Diog. 60 sq.

20. Diog. 61.

21. Diog. 69 sq.

22. Diog. 72.

23. Diog. 74.

24. Diog. 75.

25. Cf Cic. fin. 1, 7, 22.

26. Cf δι'ἐπιστήμης ἅτε μεθόδοις και στοιχειώσεσιν καθολιναῖς διαλαμβανομενον, Ep. Symp. ap Philod. rh. l. 2 (I 104 Sudh.; cf. suppl p. 51).

К ОТДЕЛУ ПЯТОМУ.

Творения Эпикура, дополняющие „письмо к Геродоту". Их задание и общее содержание.

Глава I.

1. Ср выше, отд. II, гл. I.

2. Diog. 76—80; выше, отд. IV §§ 37 и 38.

3. Ср. ниже, прим 5.

4. πλεοναχῶς Epic. ep. I, 80.

5. μήτε λειτουργοῦντος τινός δεῖ νομίξειν etc. ib. 76.
6. τῶν ἐκ τῶν ἀποστημάτων φαντασίαν παραδιδόντων, Epic. ep I, 80. Узенер совершенно не понял этого места.
7. Ср. ниже, отд. VII, гл. I.
8. περὶ τῶν μετεώρων σύντομον καὶ εὐπερίγραφον διαλογισμόν, Epic ep. II, 84.
9. μετὰ τῶν λοιπῶν ὧν ἓν τῇ μίκρᾳ ἐπιτομῇ πρὸς Ἡρόδοτον ἀπεστείλαμεν, ib. 85.
10 ἀξιώματα κενὰ καὶ νομοθεσίας, ib. 86.
11. ἐκ παντὸς ἐκπίπτει φυσιολογήματος—ἐπὶ δὲ τὸν μύθον καταρρεῖ, ib. 87.
12. ἀναποδώσεις ἀστρολόγων τεχνιτείας, ib. 93.
13. τὸν μοναχῇ τρόπον κατηγαπηκώς etc. 94.
14. το πυθανολογού μενον, 87.
15 δυνατὸς τροπός 97 etc.
16. εἰς ἀδιανόητον φερομένους τά φαινομενα ib.
17. τοιαύτη μορία ἐκπέσῃ etc. 116, вопреки Usener'y.
18. συν θεῶ χαίρειν, 97, вопреки Usener'y
19. Это обстоятельство совершенно превратно истолковано Usener'ом, p. 37, sq. praef.
20. ὑποφίαν τινά, ὡς περὶ τῆς πρὸς Πυθοκλέα... ἐπιτομῆς — Philod. l. inc. ap. Croenert, p. 23.
21. Cf. Usen. p. 37 praet.

Глава II.

1. Ср. выше, отд. II, гл. I.
2. τάραχος—ταῖς ἀνθροπίνοις ψυχαῖς etc. ep. I, 81.
3. τὸ ὅθεν ὁ τάραχος... ἐξαιτιολογήσομεν etc. ib. 82.
4. Ср. ниже, отд. VII, гл. I.
5. κενὸς ἐκείνου φιλοσόφου λογος, ὑφ' οὗ μηδὲν πάθος ἀνθρώπου θεραπεύεται etc. Epic. ap. Porphyr. ad. Marc., fr. 221 Us.
6. οὐ προσποιεῖσθαι δεῖ φιλοσοφεῖν etc. Epic. fr. 220 Us.
7. τὰ ποιοῦντα τὴν εὐδαιμονίαν ep. III, 122.
8. Diog. III, 132, вопреки Usener'y, читаю: δὸ καὶ φιλοσοφία τιμιώτερον ὑπάρχει φρόνησις.
9. προς τὸ κατὰ ψυχῆς ὑγιαῖνον, 122.
10. στοιχεῖα τοῦ καλῶς ζῆν, 123.
11. cf. ex gr. Plut. Epic. beat. 2.
12. γελᾶν ἅμα δεῖ καὶ φιλοσοφεῖν etc. Epic. excl. Vatic. 41, без ненужной поправки Usener'a.
13. Здесь я не могу входить в подробности; достаточно отметить, что Diog. 133 (Usen. 65, 6) после βραχεῖς следует поставить точку и начать новую главу; ее первые строки восстановлены Usener'ом неверно.

Глава III.

1. Ср. выше, отд. II, гл I.
2. cf. Usener, p. 44 sqq.
3 ἐπιτομαὶ τῶν ἐπιστολῶν τῶν Ἐπικούρου etc. κατὰ γένος etc. Philonid. ap. Croenert, p 181.
4. ср., напр., данные Филодема у самого Узенера, 132 sq.
5. τετραφάρμακος Usen, p. 69
6. αφοβον ὁ θεὸς — ἀνύποπτος ὁ θάνατος — ταγαθὸν μὲν εὔχτητον—τὸ δὲ δεινὸν εὐεκκαρτέρετον, Usen., ib;; ἀνύποπτος восстановлено Croenert'ом, Kol. u. Meued.
7. Cf. Lucr. V
8. Diog. 147, вопреки Usener'y, читаю κατα το προσμενόμενον. Во второй части изречения зачеркиваю τὴν ἐπιμαρτύρησιν и сохраняю ἐκλείψεις и τετηρηκῶς.
9. Diog. 152, вопреки Usener'y, сохраняю πλεῖστα πράγματα.
10. Ср. выше, отд. IV, гл. VII.

К ОТДЕЛУ СЕДЬМОМУ.

Письма Эпикура, как памятник эпикурейской „научной дружбы".

Глава I.

1. κατά τόν ανευ φθογγον τρόπον Ep ep. 1 ex.
2. τῶν εἰς μακάριον βίον συντεινόντων διαλογισμῶν, ep 2 in.
3. καθεδοῦμαι προσδονῶν τήν ἱμερτήν καί ἰσόθεόν σου ἔξοδον Ep. ad. Pyth. ap. Diog. 10, 5.
4. γράφαντες οὖν τά λοιπά πάντα συντελοῦμεν ἅπερ ἠξίωσας πολλοῖς καί ἄλλοις ἐσόμενα χρήσιμα τά διαλογίσματα ταῦτα, καί μάλιστα τοῖς νεωστί φυσιολογίας γνησίου γευομένοις καί τοῖς εἰς ἀσχολίας βαθυτέρας τῶν ἐγκυκλίων τινός ἐμπεπλεγμένοις.. ep. 2, 85.
5. ἐδέου τε σεαυτῷ περί τῶν μετεώρων σύντομον καί εὐπερίγραφον διαλογισμόν αποστεῖλαι... l. c. 84.
6. Ср. выше, отд. V, гл I.
7. Ср. отд. III, гл. I, прим. 1.
8. ταῦτα σοί, ὦ Ἡρόδοτε, ἔστι κεφαλαιωδέστατα ὑπέρ τῆς τῶν ὅλων φύσεως ἐπιτετμημένα... ἐάν μή καί πρός ἅπαντα βαδίσῃ τις τῶν κατά μέρος ἀκριβωμάτων etc. Ep ep. 1, 82 sq.
9. Ep. ib. 36, ср. выше, гл. I, прим. 18.
10. αυτός παρεσκευασα ib.
11. utilitatis causa amicitia est quaesita Cic fin. 2, 26, 84.
12. Cf Cic. ad fam 7, 12; Lactant. div. inst. 3, 17, 42.
13. πάσα φιλία δι ἑαυτήν αἱρετή, ἀρχήν δ' εἴληφεν ἀπό τῆς ὠφελείας. Ep. excl. Vat. 23.

Глава II.

1. ἡ ὅλη πραγματεία ex. gr. 1, 35 bis; ib. 83.
2. συνεχῶς αὐτά βαστάζοντι. Ep ep. ad Pyth. 84.
3. βαδιστέον... ἐπ' ἐκεῖνα συνεχῶς. Ep. ep. 1, 36.
4. ἀκρίβεια passim.
5. παντός ἀκριβώματος ib. 36.
6. κατά μέρος ἀκρίβωμα ib., κατά μέρος ἐξακρινοῦμεν ib.; cf. idem. 83 bis.
7. ἡ τῶν ὅλων ἐπίβλεψις, 35.
8. Cf. Ep. de nat. 28 col. 5. Cosattini (Herm. 29, p. 9).
9. παρεγγυῶν (εἰς) τό συνεχές ἐνέργημα ἐν φυσιολογίᾳ. Ep. 1, 37.
10. Ср. гл I, прим. 4.
11. παίδειαν δε πᾶσαν, μακάριε φεύγε, τἀκατιον ἀράμενος Ep. ad Pyth. ap. Diog. 10, 6.
12. μακαρίζω σε, ὦ Ἀπελλῆ, ὅτι καθαρός πᾶσης παιδείας ἐπί φιλοσοφίαν ὥρμησας. Ep. ad Apell. ap. Athen. 13.
13. Windelband etc.
14. Выше, прим. 2.
15. ἐάν μή καί πρός απαντα βαδίσῃ τις τῶν κατά μέρος ἀκριβωμάτων, ἀσύμβλητον αὐτόν πρός τούς λοιπούς ἀνθρώπους ἀδρότητα λήψεσθαι Ep. ep 1, 83
16. καθαρά ἀφ' ἑαυτοῦ ποιήσει πολλά των κατά μέρος ἐξακριβουμένων κατα τήν ὅλην πραγματείαν ἡμῖν etc. ib.
17. ὅσοι δέ μή παντελῶς αὐτῶν τῶν ἀποτελουμένων ib.
18. προβεβηκότες ἱκανῶς ἐν τῇ τῶν ὅλων ἐπιβλέψει, Ep. ep. 1, 35.
19. τούς κατά μέρος ἤδη ἐξακριβοῦντας ἱκανῶς, ib. 83.
20. διαθρεῖν, ib. in.
21. τοῦ τετελεσιουργημένου, ep. 1, 36.
22. τούς κατά μέρος ἐξακριβοῦντας τελείως ib 83
23. Ср отд. III, гл. I, прим. 18
24. οἱ καθηγεμόνες, cf. Philonid. ap. Croenert Kol. 181; Philod. rh. l. 2, 23, 22; rh. l. 1. ex.; Hyp. c. 44 etc.
25. οθεν δή πᾶσι χρησίμης οὔσης τοῖς ὠγειωμένοις φυσιολογίᾳ τῆς τοιαυτης ὁδοῦ... ep. 1, 37.

26. Выше, прим 9.
27. συλλάμβανε καί αὐτοῖς οὐμόνον διά τήν οἰκειοτητα, ἀλλά καί διά τό ἦθος αὐτῶν, ὅπως. τῆς πᾶσης χορηγίας τυγγάνωσι τῆς εἰς τό (φιλοσοφεῖν) ἁρμοττούσης. Ep. ap. Philod. de Epic. fr. 197 Us.
28. Так переводит Doering II 192: „fliehe alle Gelehrsamheit und erhebe den Becher!!“ Ср. подлинник, прим. 11
29 ἐν φιλολόγῳ συζητήσει πλεῖον ἤνυσε ὁ ἡττηθείς, καθ' ὁ προσέμαθεν, Ep. excl. Vatic. 74.

Глава III.

1 ἡ φιλία περιχωρεύει τήν οἰκουμένην νηρύττουσα ἡμιν — ἐγείρεσθαι προς μακαρισμόν, Ep excl. Vatic.
2. Cf. Usener Epic. Spruchsamml., W. St. 10.
3. Gomperz, ib.
4. Ср. хронологию Эпикура у Us. Ep. index.
5. Ср. выше, гл. I, § 5.
6 Diog. 10, 10.
7. cf. Us. epist. fr
8. Ср выше, отд. III, гл I.
9. Diog. 10, 10.
10 συνεβίουν αὐτῷ ἐν τῳ κήπω, ib.
11. Plut. vita Dem. 14; Us. Ep. 404b sq.
12. ὁπως καί ἐκεῖνοι διατηρῶσιν τον κήπον etc Ep. testam in
13. Выше, отд III, гл. I.
14. Us. p. 128.
15. Us. ib; cf. Cosattini Herm. 29, p. 2.
16. Diog. 10, 27.

ЭПИКУРЕИЗМ

СТАТЬЯ ДИДРО ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ» *)

ПЕРЕВОД
З. НИКОЛЬСКОЙ

*) Параграфы, поставленные в скобках, обозначают соответствующие положения письма к Геродоту.

Школа элеатов породила эпикурейскую школу.

Ни одна философская система не была меньше понята и больше оклеветана, чем система Эпикура. Этого философа обвиняли в безбожии; между тем он признавал существование богов, посещал храмы и не гнушался преклоняться перед алтарями. Его считали защитником разврата, тогда как жизнь его была исполнена всяческих добродетелей и, в особенности, умеренности.

Предубеждение против эпикурейцев настолько распространено, что надо признать (к стыду стоиков, которые больше всех способствовали распространению ложных взглядов): эпикурейцы были очень нравственные люди, но с самой дурною славой.

Однако для того, чтобы правильно судить о докрине Эпикура, выведем самого философа. Представим себе его, окруженного учениками и диктующего им уроки в тени деревьев засаженного им сада, и пусть он сам говорит за себя в этой статье; мы рассчитываем на то, что добросовестный читатель постарается разобраться в его словах, и, с своей стороны, позволим себе только одно: вставить между его основоположениями несколько наиболее непосредственных выводов, из них вытекающих.

О ФИЛОСОФИИ ВООБЩЕ.

Человек рожден для того, чтобы мыслить и действовать, а философия создана затем, чтобы упорядочивать человеческое понимание. Все, что уклоняется от этой цели,—легкомысленно.

Счастье достигается упражнением разума, добродетелью и умеренным пользованием наслаждениями. А это предполагает здоровый дух и здоровое тело.

Если самая важная наука—это знать, как надо поступать и чего избегать, юноша никогда не может считать себя чересчур молодым, чтобы отдаться изучению философии, а старец никогда не может ссылаться на то, что он слишком стар для нее.

Среди моих учеников я различаю три рода характеров: одни—это люди, подобные мне: их не останавливает никакое препятствие, они идут в одиночку и собственным путем к истине, добродетели и счастью; другие—такие, как Метродор,—нуждаются в поощряющем примере; третьи, как Гермарх—требуют некоторого понуждения. Я люблю и уважаю всех.

О, друзья мои, есть ли что-нибудь первее истины? Разве истина не существовала раньше всех философов?

Настоящий философ должен, поэтому, презирать всякий авторитет и итти прямым путем к самой истине, отстраняя все суетные призраки, становящиеся на его пути,—и „иронию“ Сократа и „наслаждение“ Эпикура.

Почему народ остается так долго в невежестве? Потому что он принимает слова за доказательства.

Создавайте же себе предпосылки. Пусть они будут немногочисленны, но богаты выводами.

Не будем пренебрегать изучением природы и в особенности прилежно будем изучать науку нравов. Для чего послужило бы нам углубленное знание предметов, находящихся вне нас, если бы мы и без этого могли рассеять страхи в душе, избежать страданий и удовлетворить своим потребностям?

Пользование диалектикой, доведенное до крайности, вырождается в искусство сеять шипы во всех науках,—мне ненавистно это искусство. Истинная логика должна сводиться к немногим правилам.

В природе есть только вещи и наши идеи о них. Есть, следовательно, два рода истин: истины данности и истины наведения.

Истины данности основаны на чувствах, наведения—на разуме.

Поспешность—вот главный источник наших заблуждений. Я никогда, поэтому, не устану повторять вам: „подождите!“

Без надлежащего пользования чувствами нет идей или понятий. А без понятий нет ни мнения, ни сомнения. Без них мы не только не в состоянии трудиться в поисках истины, но не имеем даже возможности составить себе символов ее.

Поэтому приобретайте идеи внимательным упражнением внешних чувств. Проверяйте истинный смысл знаков, установленных другими, и тщательно устанавливайте собственные.

Если вы решаетесь говорить, выбирайте выражения простые и наиболее общепринятые. Бойтесь остаться непонятыми и потерять время на то, чтобы пояснять собственные слова. Только настойчивым упражнением в этих правилах вы достигнете того, что без труда будете различать истинное, ложное, темное, двусмысленное.

Не достаточно уметь влагать истину в свои рассуждения, надо уметь влагать мудрость в свои поступки.

Вот общее правило поведения: если наслаждение не влечет за собою никакого страдания, берите его, не колеблясь; если страдание, связанное с ним, меньше, чем оно само, все-таки берите его; принимайте и самое страдание, если оно обещает вам большое наслаждение. Вы проиграете только в том случае, если предадитесь наслаждению, которое причинит вам чересчур большое страдание или лишит еще большего наслаждения.

ОБ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ ВООБЩЕ.

Какую цель поставим мы себе в изучении естествознания, если не познание общих причин явлений с тем, чтобы, освободившись от ненужных страхов, предаться без угрызений совести

своим разумным влечениям и, насладившись жизнью, покинуть ее без сожаления?

[§ 1] Из ничего ничто не происходит.

[§ 2] Вселенная всегда существовала и всегда будет существовать.

[§ 3] В мире нет ничего, кроме материи и пустоты. Ибо никакого посредствующего бытия помыслить невозможно.

Присоедините к понятию пустоты непроницаемость, форму, тяжесть—и вы получите понятие материи.

Отнимите от материи эти качества—и получите понятие пустоты.

Природа, если отвлечься от материи, есть пустота.

Пустота, заполненная, дает понятие места.

Место, освобожденное, дает понятие среды.

Что такое, в самом деле, пространство, как не пустота, понимаемая, как протяженная?

Необходимость пустоты ясна сама собою. Действительно, в чем существовали бы тела без пустоты? В чем они двигались бы?

Но что такое пустота? Качество это? Или вещь?

Это не качество. Но если вещь, то вещь телесная?

Несомненно.

Это вещь огромная, единообразная, однородная, вечная; она проникает собою все тела, не изменяя их, определяет их, указывает их границы, содержит их в себе.

Вселенная есть совокупность материи и пустоты.

[§§ 5 и 6] Материя бесконечна, и пустота бесконечна. Потому что, если бы пустота была бесконечна, а материя конечна, ничто не удерживало бы тел, не ограничивало бы их. Тогда прекратились бы столкновения и отталкивания, вселенная не представляла бы собою единого целого, и когда-нибудь должен был бы наступить момент, когда вся она превратилась бы в скопление разрозненных тел, затерянных в безмерности пространства.

Если же, наоборот, материя была бы бесконечна, а пустота конечна, существовали бы тела вне пространства,—что нелепо.

Итак, не будем прилагать ко вселенной ни одного из тех выражений, которыми мы определяем размеры и пределы конечных тел.

[§ 2] Вселенная неподвижна, потому что вне ее нет пространства. Она неизменна, потому что не увеличивается и не уменьшается. Она вечна, потому что существование ее никогда не начиналось и никогда не кончится.

Но в ней движутся отдельные предметы, совершаются законы, явления сменяют друг друга; одни из них начинаются, другие продолжаются, третьи приходят к концу. И все эти перемены относятся к отдельным частям вселенной, но не к ней в целом.

[§ 5] Единственный вывод, который можно сделать из порождений и разложений, следующий: существуют изначала, из которых создаются тела и на которые они потом распадаются.

Однако невозможно понять разложения и образования тел, не принимая идеи сочетания, а это понятие требует допустить существование простых первичных составляющих частиц. Мы называем такие частицы а т о м а м и.

Атом не может ни делиться, ни распадаться, ни упрощаться. Он по существу своему неизменен и ограничен.

Отсюда следует, что в ограниченном составном теле, каково бы оно ни было, не может быть ничего бесконечного—ни по величине, по его протяженности, ни по числу.

[§ 18] Атомы, однородные по своей неизменности и устойчивости, обладают помимо того некоторыми своеобразными качествами, отличающими их друг от друга. Качества эти: величина, строение, вес и все, что из этого вытекает, как, например, гладкость, угловатость и проч.

К числу таких качеств не следует относить тепло, холод и т. п. Это значило бы смешивать постоянные качества с временными состояниями.

[§ 19] Хотя мы приписываем атому все измерения, свойственные чувственному телу, по величине атом меньше, чем мельчайшая, какую только можно представить себе, частица материи. Атом недоступен чувствам, которые являются мерилом всех величин, как самых больших, так и самых малых.

Большинство явлений, относящихся к нашим чувствам и страстям, объясняются различиями в атомах.

Различие в строении является необходимым следствием различия в величине; нет, поэтому, ничего невозможного в том, что во вселенной не найдется двух тел, совершенно одинаковых.

Атомы бывают угловатые, с крючками, но углы их никогда не притупляются, крючки не обламываются.

[§ 24] Тяжесть я считаю неотъемлемым свойством атома. Ведь его постоянное движение или стремление к движению может быть только последствием внутренней, присущей ему силы, которую нельзя иначе понять и назвать, как тяготением.

[§ 8] Атому свойственны, главным образом, два вида движения: во-первых, падение или тяготение—движение, которое увлекает атомы и увлекало бы даже без вмешательства какой бы то ни было посторонней силы; во-вторых, толчки и отражения, получающиеся при встрече одних атомов с другими.

Последнее движение принимает различные виды, в зависимости от бесконечного разнообразия масс и направлений.

Движение падения, так как оно является внутренней деятельностью материи, может быть рассматриваемо, как сила, сохраняющая движение в природе и вечная причина всех сочетаний.

Атомы, увлекаемые движением тяготения, падают не параллельно друг-другу. Движение это имеет некоторый наклон; этим объясняются столкновения, толчки, сочетания атомов, образование тел,—весь порядок вселенной, со всеми явлениями в ней.

Отчего происходит это отклонение? Оттого, что атомы разнообразны по форме, по плотности, а также по силе тяготения.

[§ 11] Быстрота движения атома и несопротивляемость пустоты таковы, что, если бы никакое препятствие не удерживало его, атом пробегал бы величайшее, какое только можно представить себе, пространство в самый ничтожный миг времени. В самом деле, что

тогда удерживало бы его? Что такое пустота по отношению к движению?

Как только атомы, сочетавшись, образуют сложное тело, атомы внутри тела и само тело в пространстве начинают совершать разнородные движения и разнородные действия — внутренние и внешние,—в данном месте или же за его пределами.

[§ 4] То, что обыкновенно называют „элементами", есть сочетания атомов. Элементы можно рассматривать, как начала, но не первоначала. Атом есть первопричина всего, что происходит, и первоматерия—всего, что существует.

[§ 8] Необъемлемым и существенным свойством атома является действенность. От атома она передается элементу, от элемента—составному телу и видоизменяется в зависимости от состава тел.

Действенность атома выражается в движении или в стремлении к движению. Таков всеобщий закон всех разрушений и новообразований.

Видоизменения сложных тел—только виды движений или проявления действенности атомов, входящих в состав этих тел. А сколько раз приписывали воображаемым причинам действия этой силы, которая может, смотря по обстоятельствам, переносить тело на огромные расстояния или проявиться в едва заметных колебаниях и перемещениях!

Действенностью атомов надо объяснять такие перемены в телах, как переход из жидкого состояния в твердое, из кислого—в сладкое и т. п.

[§ 37] А что такое судьба, как не всеобщая связь причин или проявление деятельности атома самого по себе или в связи с другими?

[§§ 19 и 20] Известные нам основные свойства атома немногочисленны, однако, их достаточно для объяснения бесконечного разнообразия качеств сложных тел.

В зависимости от большего или меньшего расстояния между атомами тела бывают плотными или редкими, прозрачными или непрозрачными, отсюда также можно вывести твердое, мягкое, жидкое состояние тел, объем их и т. п.

[§ 18] Отчего зависит строение тела, как не от расположения частиц его? А вес—если не от силы тяготения? И, строго говоря, нет абсолютно тяжелого и легкого. То же нужно сказать о теплом и холодном.

[§ 32] А что такое время? В природе это—последовательность событий, а в нашем уме это—понятие, являющееся источником многих заблуждений.

То же можно сказать и о пространстве.

В природе без тел нет пространства, без последовательности событий—нет времени.

Движение и покой суть состояния, понятия которых неотделимы в нашем уме от понятий пространства и времени.

[§ 7] В природе возможно столько новых произведений, сколько того допускает различное сочетание атомов. Атом, несотворенный и неизменный, есть начало всякого образования и разрушения.

[§ 33] Из присущей ему действенности вытекает, что нет ни одного сложного составного тела, которое было бы вечно.

[§§ 9 и 34; 28] И тем не менее, вполне допустимо, что после разрушения нашего мира вновь повторится такое общее сочетание вещества, в итоге которого вновь появится такая же вселенная, как нынешняя, или, может-быть, повторится частично сочетание элементов, составляющих нас, т.-е. мы „воскреснем“. Но это будет воскресение без памяти о прошлом; память угасает в момент разрушения тела.

[§ 5] Наш мир—только небольшая частица вселенной, его пределы устанавливаются ограниченностью наших чувств. Ибо на деле вселенная безгранична.

[§§ 39; 41] Мир един, если рассматривать его со стороны его составных частей и их взаимного порядка. Но в нем нет души, и он не божество. Для его появления не потребовалось никакой высшей и разумной причины. В философии незачем и прибегать к такого рода причинам, если все можно объяснить материей, пустотой и движением.

Мир есть действие случая, а не выполнение преднамерения.

[§§ 8; 37] Атомы от века находятся в движении. Это движение, которое с течением времени породило все существа, и есть то, что называют хаосом. Миром же мы называем его в том состоянии, когда существа уже сложились, и в некоторой части пространства был введен порядок, такой, как мы его теперь наблюдаем.

Понимать иначе происхождение земли, неба и морей я считаю предрассудком.

[cf. § 35] Сочетание атомов образовало прежде всего всеобщие зачатки. Зачатки эти развивались и произвели поодиночке всех животных, не исключая человека. Когда же они истощились, земля перестала производить их. А виды животных упрочились, благодаря различным способам размножения.

[§ 37] Будем остерегаться относить к себе деяния природы. Вещи образовались, но для этого не понадобилось иных причин, кроме всемирной связи материальных существ, действующей то на пользу нам, то во вред.

[cf. § 39] Оставим же в покое демонов и гениев. Если бы они существовали, многое в нашем мире было бы иначе, и многого совсем бы не было. Люди, придумавшие этих гениев и демонов, не философы, а те, кто утверждает, что видели их, просто кликуши.

[§ 33] Но если мир начался когда-нибудь, почему он не может кончиться? Разве он не представляет собою сложного целого? И разве всякое сложное не конечно?

[§ 8] Разве атом не сохраняет своей действенности в этом огромном сложном теле так же, как и в небольшой частице материи? И не является ли эта действенность источником не только перемен, но и разрушения?

[§ 33] Возмутительно, какие ложные мерки мы часто прилагаем к пространству и ко времени! Мы все применяем к той небольшой частице пространства, которую занимаем, и к ничтожному

промежутку времени нашего существования. Но чтобы правильно судить о нашем мире, надо сравнить его с безмерностью вселенной и с бесконечностью времени. Тогда станет ясно, что наша планета,—будь она даже в тысячу раз обширнее, чем есть,—подпадает общему закону и подвержена всем случайностям, каким подвергается молекула материи.

[§ 18] В мире нет ничего неподвижного, неизменного и вечного, кроме атома. Мир кончится, но атом останется таким, как он есть.

[§§ 9; 33; 34] Нет ничего невозможного в допущении множественности миров. Могут существовать миры, подобные нашему и отличные от него

Все миры надо рассматривать, как огромные вихри, тяготеющие друг к другу; сжимая в промежутках между собою меньшие миры, они все вместе наполняют бесконечную пустоту.

В мировом вихре, породившем и наш мир, скопление атомов, называемое нами землею, заняло центральное место; остальные образовали небо и светила, освещающие его.

Не будем заблуждаться насчет падения тяжелых тел. Тела эти не имеют общего центра, они падают параллельно.

Сделаем отсюда вывод о невозможности антиподов.

Земля не есть шарообразное тело, это огромный диск, поддерживаемый в пространстве в висячем положении атмосферой.

Земля не имеет души и она не божество.

Землетрясение надо объяснять подземными испарениями, внезапными толчками, столкновением противоположных элементов и действием огня.

Если реки не увеличивают своими водами морей, то это потому, что сравнительно с объемом этих огромных вместилищ и с количеством пара, поднимаемого солнцем с их поверхности, они представляют собою лишь незначительные потоки.

Морские воды разливаются по всей поверхности земли, орошают ее, сливаются, скопляются вместе и снова низвергаются в водоемы, откуда вышли. В этом круговороте они утрачивают свой горькосоленый вкус.

Разливы Нила причиняются пассатными ветрами, которые вздымают море у устьев этой реки, наносят песчаные холмы и гонят воды Нила против течения.

Горы так же древни, как и земля.

Растения имеют то общее с животными, что они рождаются, питаются, растут и исчезают или умирают. Но у них нет души; все в этих существах совершается благодаря движению и перемещению.

У животных каждый орган принимает участие в выработке семени, которое потом переносится в общее вместилище. Отсюда сходство семенных частиц со всем организмом—то, что распределяет их и располагает каждую из них образовать часть тела, подобную той, которая выработала ее, а все их вместе—породить сходное животное

Этот механизм не управляется никаким разумом. Все совершается так, как если бы его не существовало вовсе. А следовательно, незачем и предполагать его.

Не затем сотворены глаза, чтобы животное видело, и ноги,—чтобы оно ходило, но животное приобрело ноги,—и стало ходить, приобрело глаза—и стало видеть.

[§ 29] Человеческая душа телесна. И те, кто утверждает противное, не осмысливают себя и бросают слова без понятий. Если бы душа была бестелесна, как они требуют, она не могла бы ни действовать, ни испытывать ничего: ее разнородность с телом делала бы невозможным ее воздействие на него.

Прибегать к какому-нибудь другому нематериальному началу для объяснения этого действия, значит не решать затруднение, но переносить его на другой предмет.

[cf. § 2] Если бы во вселенной существовало какое-либо начало, способное менять природу вещей, истина стала бы пустым звуком. А для того, чтобы нематериальное существо могло бы воздействовать на тело, нужно изменить природу того или другого.

[§ 26a] Будем все-таки остерегаться смешивать душу с остальной животной сущностью. Душа состоит из атомов, настолько ровных, легких, подвижных, что она может отделяться от тела без того, чтобы последнее заметно теряло в весе.

[§§ 26b; 27] Однако это сплетение атомов, несмотря на крайнюю легкость свою, обладает некоторыми своеобразными свойствами: оно воздушно, огненно, подвижно, восприимчиво. Оно распространено по всему телу и является причиной его страстей, поступков, движений, способностей, мыслей и других проявлений, как духовных, так и животных.

[§ 28] Душа ощущает, но она получает эту способность от тела. В тот миг, когда душа отделяется от тела, способность ощущения исчезает, потому что она—итог их соединения.

[§ 10] Все ощущения—только видоизмененное осязание. От материальных тел беспрестанно истекают „отобразы", сходные с ними; они и воздействуют на наши ощущения.

Чувства являются общими для человека и всех животных.

Разум может действовать, даже когда чувства находятся в покое.

[cf. § 26b] Под „духом" я понимаю часть души, наиболее свободную. Дух распространен по всей сущности души, как душа распространена по всей сущности тела. Он соединен с душою и образует с нею одно существо. Его действия совершаются в мгновения, почти неизмеримые.

Местопребывание его в сердце. В самом деле, оттуда исходят радость, печаль, мужество, малодушие.

[cf. § 15] Душа мыслит так же, как глаз видит, — „отобразами", или „подобиями".

Два главных чувства действуют на нее страдание и наслаждение.

Нарушьте естественное состояние частей тела, и вы произведете страдание. Восстановите это естественное состояние, и расцветет наслаждение.

Если бы наше тело, вместо того, чтобы испытывать смену состояний, могло бы оставаться в полном покое, мы бы перестали совсем чувствовать, или, может-быть, погрузившись в ненарушимое спокойствие, испытали бы самое сладострастное ощущение.

Из удовольствия и страдания рождается желание и отвращение. В общем душа раскрывается и расцветает от наслаждения и сжимается и увядает от страдания.

Страсти видоизменяются в зависимости от сочетаний атомов, составляющих ткань души.

[§§ 15; 16] „Отобразы" действуют на внешние чувства, чувства пробуждают воображение, воображение возбуждает душу, душа приводит в движение тело.

Если тело слабеет или утомлено, душа, удрученная или рассеянная, впадает в сон. В этом состоянии ее осаждают видения и, независимо от ее воли, мучат ее или забавляют. Мы называем такое состояние „сновидениями" или „бессонницей"—в зависимости от степени сознания, которое у нас при этом остается.

[cf. §§ 27; 28] Смерть — не что иное, как прекращение чувствительности. Распадается тело, распадается и душа. Ее способности уничтожаются, она больше не мыслит, ничего не помнит, не испытывает и не действует.

Распадение не есть уничтожение; это только отделение простейших частиц друг от друга.

Души не существовало до образования тела, почему же она будет существовать после его распадения?

Так как после смерти нет ощущений, душа не испытывает ни страданий, ни радости.

[§ 43] Поэтому нам не нужны сказки о рае и аде, и все лживые басни, какими суеверие пугает злых людей (воображая, будто они недостаточно наказаны самими их проступками!) или награждает „добрых", которым собственная добродетель кажется недостаточной наградой.

Сделаем же вывод, что изучение природы никогда не излишне: оно даст человеку знания, которые утверждают мир в его душе, освобождают его ум от напрасных страхов, возвышают его до уровня богов и приводят к единственным истинным побуждениям для исполнения его долга.

Светила суть скопления огня. Я сравниваю солнце с губчатым телом, огромные поры которого наполнены воспламененным веществом, вырывающимся оттуда по всем направлениям.

[cf. §§ 33; 37] Небесные тела не имеют души. Они—не боги.

Среди этих тел есть неподвижные и есть блуждающие. Последние называются планетами.

Хотя все небесные тела кажутся нам шарообразными, они могут иметь виды цилиндра, диска, конуса или какой-нибудь части шара,—все эти строения, а также и многие другие, не опровергаются явлениями.

Движение небесных сил есть или последствие общего движения небесного свода, увлекающего их за собою, или их собственное перемещение в доступных им небесных пространствах.

Солнце восходит и садится—поднимается над горизонтом и опускается под него; или же оно загорается на востоке и меркнет на западе—ежедневно погасает и вновь зажигается. Это светило—очаг нашего мира; достаточно нескольких искр его огня, чтобы воспламенить всю нашу атмосферу.

Луна и планеты могут светить собственным светом или светом, заимствованным от солнца.

Затмения могут объясняться или кратковременным потуханием затмившегося тела, или вторжением особого затмевающего тела.

Если планете случается проходить небесные пространства, наполненные веществами, противоположными огню и свету, она может затмиться или погаснуть.

Тучи—это массы воздуха, сгустившегося под действием ветров, или же это скопления атомов—или, наконец, пары, поднявшиеся из земли и морей.

Ветры—потоки атомов в атмосфере или, может-быть, стремительные дуновения, вырывающиеся из земли и вод, или, наконец, часть воздуха, приведенная в движение действием солнца.

Если воспламененные молекулы соединятся, сольются в одну массу, сожмутся в тучу, они будут стремиться разлететься по всем направлениям, и туча разорвется с громом и молниями.

Когда воды, повисшие в атмосфере, сделаются реже, рассеются, они, от собственной тяжести или всколебленные ветром, начнут падать на землю в виде дождя.

То же явление получится, если они образуют густые массы, и их разредит жар или рассеет ветер. Они будут падать каплями. При падении капли сталкиваются друг с другом, замораживаются ветром или холодом и образуют град. То же произойдет, если внезапный жар рассеет замерзшее облако.

Если солнце очутится в своеобразном противоположении к облаку и направит на него лучи,—получится радуга. Ее цвета—действие этого противоположения и влажности воздуха. Эти условия порождают все цвета или же один из них, видоизменяющийся в зависимости от того, через какую среду он проходит или каким образом движется.

Если земля долгое время смачивалась обильными дождями и согревалась сильным зноем, пары, поднимаясь из нее, заражают воздух и разносят смерть на далекие расстояния...

О БОГОУЧЕНИИ.

Установив, что в природе нет ничего, кроме пустоты и материи, что скажем мы о богах? Оставим ли философию и вернемся к верованиям народа или же признаем, что боги—тоже телесные существа?

[cf. §§ 40; 41; 45] Если они боги, — они блаженны. Они наслаждаются собою в полной мере; ничто из того, что происходит здесь, на земле, не затрагивает и не тревожит их. Все явления мира телесного и нравственного достаточно показали нам, что боги не при-

нимали никакого участия в появлении на свет земных существ и нисколько непричастны к их сохранению.

Но сама природа вложила понятие о богах в нашу душу. Есть ли на свете такой варварский народ, у которого не было бы хоть каких-нибудь представлений о богах?

Пойдем ли мы против всеобщего убеждения? Возвысим ли голос против голоса природы? Природа никогда не лжет Существование богов доказывалось бы самими же нашими предрассудками.

Разве недостаточно доказывает нам всеобщность веры в богов множество явлений, приписываемых им только потому, что причины этих явлений, а с другой стороны, природа самих богов недостаточно известны?

Человек видит во сне какой-нибудь образ, по пробуждении он сохраняет воспоминание о нем и делает вывод, что где-нибудь в природе существует блуждающий прообраз его видения; если во сне он слышал голоса, он не сомневается, что существа эти разумной природы; наконец, постоянство самого „явления“ в различное время, но в одном и том же виде убеждает его, что это существо бессмертное.

[cf. § 40]. Но бессмертное существо неизменно. А неизменное существо должно быть безусловно блаженным, потому что ничто не действует на него, и оно не действует ни на что.

Таким образом существование богов всегда было и будет бесплодным. Это следует уже из того, что они неизменны, потому что начало действенности, которое является источником всяких времен, разрушений и возрождений в мире, уничтожено в этих существах.

Что такое, в самом деле, божества? Что такое чудеса, религии?

Если богам подобает какой-либо культ, то это культ восхищения, в котором нельзя отказать всему, что нам представляется совершенным и блаженным.

Мы склонны представлять себе богов в человеческом образе, и все народы всегда приписывают им этот облик—единственный, в котором может действовать разум и осуществляться добродетель.

Если бы боги были бы бестелесны, они не обладали бы ни чувствами, ни понятиями, не испытывали бы ни наслаждения, ни тяготы.

Но, во всяком случае, тела богов не таковы, как наши. Они тоже представляют собою сочетание атомов,—но более тонких. У них тот же уклад, но их органы бесконечно совершеннее наших; они особой природы, настолько тонкой, что никакая причина не может воздействовать на них, изменить их, придать им что-либо новое или разрушить их. И сами они не могут произвести никакого действия.

Нам неизвестны места, где обитают боги. Здешний мир несомненно, недостоин их. Они могли бы избрать своим местопребыванием пустые промежутки между цельными мирами.

О НРАВСТВЕННОСТИ.

Счастье—цель жизни. Вот тайное убеждение человеческого сердца и явный предел всех поступков, даже по видимости от него уклоняющихся. Человек, убивающий себя, ведь, смотрит на смерть как на благо.

Наша задача—не переделывать природу, а давать руководство ее общему стремлению.

Два зла могут постигнуть человека: он увидит счастье в том, в чем его нет на самом деле, или увидит его там, где оно есть, но ошибется в средствах достижения его. В чем же, следовательно, должен заключаться первый шаг нашей нравственной философии, как не в том, чтобы научиться, в чем состоит истинное счастье?

Безумец рассчитывает жить всегда, но он не вечен. Одним бессмертным дано быть непреложно блаженными. И мы первым долгом оградим себя от одного безрассудства: не будем забывать, что мы—только люди.

Итак, если мы не рассчитываем стать такими же совершенными, как боги, которых ставим себе за образец, примиримся и с тем, что мы не можем быть такими же блаженными. Из-за того, что мои глаза не проникают в безмерность пространства, стану ли я закрывать их для окружающих предметов? Эти предметы могут стать для меня источником неисчерпаемых наслаждений, если я умею наслаждаться ими или пренебрегать ими.

Страдание—всегда зло, наслаждение—всегда благо. Но чистого наслаждения не бывает. Цветы растут у наших ног, но нужно, по крайней мере, наклониться, чтобы сорвать их.

И все-таки—о, наслаждение! Ради тебя одного мы совершаем все, чем живем. Мы никогда не бежим тебя. Мы избегаем только страданий, которые слишком часто сопровождают тебя. Ты согреваешь наш холодный разум, твоя энергия рождает в нас душевную твердость и силу воли. Ты движешь нами и вдохновляешь нас, и когда мы срываем розы, чтобы осыпать ложе очаровавшей нас красавицы, и когда, бросая вызов ярости тирана, мы входим, с поникшей головой и закрытыми глазами в приготовленного им раскаленного медного быка.

Но наслаждение является нам под разнообразными обликами, и важно знать цену того, во что оно может воплотиться, чтобы всегда быть уверенными относительно того, принять его или отвергнуть, предпочесть жизнь или смерть.

После здоровья души самое драгоценное—здоровье тела.

Если здоровье тела дает себя чувствовать в частностях, в отдельных членах, оно не полно. Если душа чрезмерно предается какой-нибудь одной добродетели, она не вполне нравственна. Ведь, музыкант не настраивает каких нибудь одних струн лиры; так и для гармонии в ее целом нельзя не пожелать, чтобы мы подражали музыке, чтобы мы не позволяли никакой из наших добродетелей и никаким нашим страстям быть чересчур слабыми или

чересчур натянутыми и издавать звук чересчур глухой или чересчур резкий.

Если мы не безразлично относимся к нашим ближним, мы найдем наслаждение в исполнении своих обязанностей, потому что это—единственный путь к тому, чтобы и наши ближние хорошо относились к нам.

Не будем презирать чувственных радостей. Но не будем и несправедливы к себе настолько, чтобы приравнивать чувственность к доблести.

Как может быть счастлив тот, кто ошибается в выборе? Как может он выбирать, не распознавая тех и других состояний? Как человек может чувствовать себя удовлетворенным, если он смешивает естественные потребности, влечения страсти и прихоти воображения?

В уме всегда должно быть представление цели, если не хотим действовать наудачу.

Не всегда невозможно овладеть будущим

Все должно стремиться к осуществлению добродетели, к сохранению свободы и жизни, к презрению смерти.

[cf. § 39] Пока мы живы, смерть для нас ничто, тем более она ничто, когда нас нет.

Богов страшатся только потому, что делают из них подобие людей.

Кто такой, в самом деле, нечестивец, как не человек, поклоняющийся богам толпы?

Если бы истинная добродетель заключалась в том, чтобы падать ниц перед высеченным камнем, не было бы ничего более заурядного; но она состоит в том, чтобы здраво судить о природе богов, и это редкая добродетель.

То, что называют „естественным правом"—не что иное, как образное выражение понятия общей полезности. Общая польза и всеобщее согласие должны быть двумя великими правилами нашего поведения.

Никогда нельзя быть уверенным, что преступление останется неоткрытым, и тот, кто совершает его,—безумец, ведущий игру, где больше шансов проиграть, чем выиграть.

Дружба—величайшее благо жизни. А пристойность—одна из первых добродетелей в обществе. Будьте пристойны, потому что вы не звери и живете в городах, а не в лесных трущобах...

Вот основные пункты учения Эпикура, единственного среди философов древности, сумевшего примирить мораль с тем, что может считаться истинным счастьем человека, и согласовать ее требования с нашими естественными влечениями. Поэтому у Эпикура было и всегда будет много последователей. Стоиком делаешься, но эпикурейцем рождаешься.

Эпикур был афинянин, из округа Гаргетта, из эгейского племени. Отца его звали Неоклом, мать—Хереструтой. Предки Эпикура были знатные люди, но впоследствии род обеднел и захудал. У Неокла было всего имущества—небольшой участок земли, недостаточный

для того, чтобы прокормить его семью. Неокл сделался школьным учителем.

Старушка Херестрата, таская за руку сына, ходила по домам, где изгоняла злых духов, приносила очистительные жертвы, произносила заклинания. Маленький Эпикур учился у нее словам искупительных молитв и прочей чепухе.

Эпикур родился в третьем году 109-ой олимпиады, в седьмой день месяца Гамелиона. У него было три брата: Неокл, Хайредем и Аристобул. Плутарх приводит их, как образец редкой братской нежности.

До восемнадцатилетнего возраста Эпикур жил в Теосе. Потом, с небольшим запасом знаний, приобретенных в школе отца, отправился в Афины. Но его пребывание там было недолговременно. Умер Александр, Пердикка опустошил Аттику, и Эпикуру пришлось бежать в Колофон, потом в Митилену и Ламсак. Народные волнения прервали его занятия, но не помешали его развитию. Гениальные люди, подобные Эпикуру, не теряют времени; деятельность их устремляется на все; они все наблюдают и всему учатся, сами того не замечая. И эти познания, приобретенные без всяких усилий, тем более драгоценны, чем к более общим предметам они относятся.

Пока натуралист сидит за инструментом, прильнув глазом к стеклу, увеличивающему для него какой нибудь отдельный предмет, он не может наслаждаться зрелищем природы в целом; так и философ, —он выходит на сцену мировой жизни только тогда, когда покидает свой кабинет. В жизни он собирает семена познаний, и они могут долго оставаться неопознанными в глубине его души, потому что он обязан ими не ясному и вдумчивому размышлению, а беглым и случайным наблюдениям. Но рано или поздно они дадут ростки—на благо человечеству.

Эпикуру было тридцать семь лет, когда он снова появился в Афинах. Он сделался учеником платоника Памфила, но глубоко презирал его философские бредни. Ему невыносимы были также софизмы Пиррона, а из школы пифагорейца Навзифана он вышел неудовлетворенный учением о числах и о метемпсихозе. Он слишком понимал человеческую природу и мощь ее, чтобы примкнуть к суровому учению стоиков. Эпикур перечитал произведения Анаксагора, Архелая, Метродора, Демокрита. Философия последнего в особенности привлекла его, и он положил ее в основу собственной.

Платоники занимали Академию, перипатетики—Лицей, циники Киносарг, стоики—Портик; Эпикур основал свою школу в прелестном саду, который засадил для этой цели на приобретенном им участке. Он научил афинян переносить обстановку деревни в черту города.

Эпикуру было сорок четыре года, когда Афины, осажденные Деметрием, были опустошены голодом. Решив жить или умереть с друзьями, Эпикур каждый день распределял между ними бобы, которые он получал на свою долю

В его сады стекались ученики из всех местностей Греции,

Египта и Азии, привлеченные его познаниями, добродетелями и, в особенности, соответствием его учения с естественными чувствами.

Все философы его времени, казалось, сговорились против чувственных радостей, Эпикур встал на их защиту, и афинская молодежь, увлеченная словом „наслаждение", сбегалась его слушать. Эпикур умел управлять слабостями своих учеников и с таким же искусством сдерживал их, как и увлекал своим учением: он только постепенно открывал им свои принципы.

Уроки его преподавались за столом или во время прогулок. В тени лесов или на мягких застольных ложах Эпикур внушал своим последователям любовь к добродетели, умеренность, трезвость, уважение к общественному благу, душевную твердость и презрение к смерти. Школа его, безвестная вначале, сделалась одной из самых блестящих и многочисленных.

Эпикур не был женат; беспокойства, связанные с семейной жизнью, казались ему несовместимыми с усидчивыми занятиями философией; кроме того, он требовал, чтобы жена философа была умна, красива и богата.

Он занимался наукой, писал, преподавал. В течение жизни он написал триста трактатов на различные темы. До нас не дошло ни одного. Эпикур не особенно гнался за изяществом,—к чему так чувствительны были афиняне его времени, он довольствовался правдивостью, ясностью и глубиной.

Властители покровительствовали ему, соперники удивлялись, ученики обожали.

Его сады посещали многие замечательные женщины: Леонтия, подруга Метродора, Фемиста, жена Леонтия, Филенида, одна из самых добродетельных афинских женщин, Никидия, Эротия, Гедия, Маммария, Боэия, Федра и др. Его сограждане, люди светские, следовательно, с самыми закоренелыми предрассудками и наиболее склонные к злоречию, не могли обвинить его в безнравственности или в нечестии

Злобные стоики осыпали Эпикура оскорблениями.

Он предоставил им свою личность, но упорно защищал свою систему и доказывал пустоту их учения.

Чрезмерные труды расшатали здоровье Эпикура Под конец жизни он не сходил с постели, не мог выносить огня и света, прикосновение одежды раздражало его. Кровь выделялась у него с мочей. Камень в мочевом пузыре постепенно увеличивался, закрывая отверстие; несмотря на это, он писал одному из друзей, что зрелище прожитой жизни примиряет его со всем.

Почувствовав приближение смерти, он созвал учеников, завещал им свои сады, обеспечил положение нескольких бедных детей, опекуном которых состоял, отпустил на волю рабов и распорядился своими похоронами. Он умер семидесяти двух лет от роду, во втором году 127-й олимпиады.

Смерть его вызвала всеобщие сожаления. Республика поставила ему памятник, и некто Теотим, уличенный в том, что оставил на этом памятнике бесстыдную надпись по адресу одной из женщин, посещавшей сады Эпикура, был приговорен к смерти.

Эпикурейская философия исповедывалась беспрерывно со времени ее основания до эпохи Августа. В Риме она сделала наибольшие успехи Последователями ее были большею частью интеллигенция и политические деятели Лукреций воспел эпикуреизм; при Адриане его исповедывал Цельсий, при Тиверии— естествоиспытатель Плиний, имена Лукиана и Диогена Лаерция до сих пор славятся среди эпикурейцев.

После падения Римской империи эпикурейская философия разделила судьбу всей античной науки: она вышла из забвения только тысячу лет спустя, в начале XVII столетия.

Прошло увлечение Аристотелевыми „формами", и учение об атомах опять выдвинулось на первый план Магнений из Люкеё, в Бургони, опубликовал своего „Democritus revivis ens", посредственный труд, в котором автор сплошь и рядом выдает свои фантазии за взгляды Эпикура и Диогена.

За Магнением последовал Пьер Гассенди, ученый, делающий честь науке и нации.

Гассенди родился в январе 1592 г. в Шантерсье, небольшом местечке Прованса, в миле расстояния от Динья, где он окончил школу гуманитарных наук Это был человек кроткого характера, с большим здравым смыслом и глубоко образованный. Он знал астрономию, древнюю и новую философию, метафизику, историю, археологию, языки. Эрудиция его была почти универсальна. О нем можно сказать, что никогда еще философ не был лучшим гуманистом, а гуманист—лучшим философом.

Его произведения читаются с удовольствием. Он ясен в рассуждениях и справедлив в своих идеях. Гассенди воскресил в наше время философию Эпикура

Жизнь этого человека была полна беспокойств. Беспрестанно он подвергался нападкам или сам нападал на кого-нибудь. Но в своей полемике—будь то с Флуддом, с милордом Гербертом или с Декартом—Гассенди неизменно добросовестен и рассудителен.

Среди учеников и последователей Гассенди было много людей, обессмертивших свое имя: Шапель, Мольер, Бернье, аббат де-Шолье, маркиз де-ла-Фар, шевалье де-Бульон, маршал де Катина и много других замечательных людей, соединявших в себе героизм с изнеженностью, любовь к добродетели с любовью к наслаждениям, ум государственного деятеля с литературными талантами.

Все эти люди основали в наше время различные школы эпикурейской морали, о которых скажем подробнее.

Первая и старинейшая из этих школ — где исповедывалась и проводилась мораль Эпикура, был салон Нинон де-Ланкло, на улице де-Турнелль. Эта замечательная женщина умела объединить у себя все наиболее изысканное, просвещенное и утонченное общество из светских и придворных кругов Парижа. У нее можно было встретить мадам де-Скаррон, графиню де-ла-Сюз, автора известных элегий, графиню д'Олони, прославившуюся своей красотой и количеством любовников, Сент-Эвремонда, проповедывавшего эпикуреизм в Лондоне, где его учениками были знаменитый граф де-Граммон, поэт Валлер и мадам де-Мазарен; герцо-

гиня де-Бульон-Макчини, Ивето, де-Гурвилль, мадам де-Лафайет, герцога де-Ларошфуко и многих других членов отеля Рамбулье и последователей процветавшей там школы платонизма, которую они оставили, увлекшись эпикурейской философией.

Впоследствии первые эпикурейцы—ученики Гассенди Шапель, Мольер и Бернье—перенесли его школу из салона на улице Турнелль в Отейль. Эту последнюю особенно прославили имена Башомоня, барона де-Бло, знаменитого своими изысканными песнями, и де-Барро, который было учителем мадам Дезульер в искусстве поэзии и наслаждения.

Школу Отейля сменила школа в де-Нейльи. Основателями ее были Шапель и Зоннинги. Но существование ее было недолговременно: очень скоро она распалась на школы д'Ане и Тампля.

Последняя дала множество знаменитых имен: Шапель и его ученик Шолье, Вендом, мадам де-Бульон, шевалье де-Бульон, маркиз де-ла-Фар, Руссо, Зоннинги, аббат Куртен, Кампистрон, Палапра, барон Бретейль, отец знаменитого маркиза дю-Шателе, президент де-Месм, президент Ферран, маркиз Данжо, герцог де-Невер, маршал де-Катина, граф де-Фиеск, герцог де-Фуа, или де-Рандан, де-Периньи, Ренье, любезный собеседник, который пел, подыгрывая себе на лютне; мадам де-Лассере, герцог де-Лафейад и т. д. Школа эта известна еще под именем школы де-Сент-Мор или школы Герцогини

Школа де-Со объединила в себе всех оставшихся поклонников изящества, обходительности, роскоши, философии, добродетели и наслаждения. К ней принадлежали: кардинал де-Полиньяк, посещавший ее больше из любви к ученикам Эпикура, чем к доктрине учителя, Гамильтон, Сент-Илер, аббат Гене, Малезье, Ламотт, де-Фонтенелль, Вольтер, некоторые из академиков и много женщин, прославившихся своим умом.

Отсюда видно, что, о каком бы времени и месте ни шла речь, эпикурейская школа никогда не имела столько блеска, как во Франции, и в особенности в последнем веке.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ. ФИЛОСОФИЯ.

Адоратский, В. В. Исторический материализм. Хрестоматия по Ленину. Пособие для совпартшкол и комвузов. Ц. 2 р.

Аксельрод, Л. (Ортодокс). Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. Ц. 2 р.

Аксельрод, Л. (Ортодокс). Философские очерки Ответ философским критикам исторического материализма. Издание 4-е. Ц. 1 р. 75 к.

Бер, М. Карл Маркс, его жизнь и учение. Ц. 75 к.

[redacted]

Геффдинг, Г. Учебник истории новой философии. Перевод с немецкого. С предисловием Л. Аксельрода. Ц. 1 р.

Гортер, Г. Исторический материализм. Ц. 70 к.

Деборин, А. Введение в философию диалектического материализма. С предисловием Г. Плеханова. Издание 4-е. Ц. 2 р. 25 к.

Луначарский, А. Идеализм и материализм. Ц. 1 р.

Ленин, Н. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. С приложением статьи В. Невского „Диалектический материализм и философия мертвой реакции". Ц. 1 р. 20 к.

Маркс, К. Нищета философии Ответ на „Философию нищеты" Прудона. С предисловием Ф. Энгельса Ц. 50 к.

Меринг, Фр Об историческом материализме Ц. 40 к.

Его же. Карл Маркс, история его жизни. Ц. 1 р.

Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ц. 55 к.

Его же. Очерки по истории материализма. Под редакцией и с примеч. Д. Рязанова. Ц. 1 р. 50 к.

Руднянский, С. Беседы по философии материализма. Пособие для самообразования. Перевод с польского под редакцией и с примеч. Л. И. Аксельрода (Ортодокс) и с пред. С. Ю. Семковского. Ц. 50 к.

Попов-Ленский, И. Л Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. (К характеристике историко-философских идей в XVIII в.). Цена 1 руб.

Семковский, Ю. Этюды по философии марксизма. Ц. 1 р.

Его же. Исторический материализм. Сборник статей Изд. 5-е. Ц. 2 р. 25 к.

Сен-Симон. Избранные сочинения (1819—1825 г.). Перевод с французск. с предисловием В. П. Волгина. Ц. 1 р. 25 к.

Ческис, С. Людвиг Фейербах. Ц. 12 к.

Его же. Томас Гоббс. Ц. 70 к.

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. С приложениями: 1. Карл Маркс о французском материализме XVIII в. 2. Карл Маркс о Фейербахе. Перев. с предисл. и примечан. Г. В. Плеханова. Ц. 15 к.

Энгельс, Ф. От классического идеализма к диалектическому материализму. Ц. 5 к.

СЕРИЯ „БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

УЧЕНЫЕ:

Кропоткин. Лебедев, Н К — П А Кропоткин С портретом Кропоткина. Стр. 92 Ц 60 к

Лавуазье. Назаров, В В — А. Л Лавуазье. Стр 46. Ц 35 к.

Лаплас. Фесенков, В. Г — Лаплас Стр 72 Ц 60 к

Либих. Шрвин, В В — Проф Юстус Либих Стр. 67. Ц 60 к

Ломоносов. Меньшуткин, В. Н.— М. В Ломоносов

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ к ПЕЧАТИ БИОГРАФИИ:

Арабских астрономов, Гальтона и Менделя, Гельмгольца, Гершеля, греческих геометров, Дарвина, Коваленского, Коперника, Ламарка, Магеллана.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

ФИЛОСОФЫ, СОЦИОЛОГИ, ЭКОНОМИСТЫ и ДР:

Кампанелла. Вольский, Ст — Фома Кампанелла. Стр 80 Ц 60 к

Ламеттри. Сережников, В.—Ламеттри Стр 118. Ц. 60 к.

Михайловский. Горев, Б И.—Николай Константинович Михайловский. Стр. 90. Цена 60 к

Оуэн. Цедербаум, С О (В. Ежов) — Роберт Оуэн. Стр. 116 Ц 60 к

Плеханов. Горев, Б. И.— Георгий Валентинович Плеханов Изд 2-е, переработанное и значительно дополненное. Стр. 84. Ц. 50 к.

Тургенев. Щебунин, А Н. — Николай Иванович Тургенев Стр 192. Ц 60 к

Энгельс. Сарабьянов, В — Фридрих Энгельс Страниц 144 Цена 60 к

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ к ПЕЧАТИ БИОГРАФИИ.

Аристотеля, Бэкона, Гегеля, Гельвеция, Герцена, Гоббса, Гольбаха, Декарта, Демокрита, Дидро, Дицгена, Канта, Карлейля, Лаврова, Маркса, Монтескье, Томаса Мора, Новикова, Прудона, Радищева, Руссо, Ткачева, Давида Юма, Чаадаева.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4 ☆ ЛЕНИНГРАД, Моховая, 36.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Армавир, Первомайская, 54. (Фил Ростовск н/Д отд.) **Баку,** ул Троцкого (бывш Милютинская), 14 **Батум,** ул. III Интернационала, 15 **Винница,** просп Ленина, 44 (Фил. Киевского отд.) **Владикавказ,** Пролетарский просп., 38. (Фил Ростовск. отд.) **Вологда,** площадь Свободы. **Воронеж,** просп. Революции, 1 и дом Совета. **Вышний-Волочек,** просп. Ленина (Фил. Тверск. отд.). **Вязьма** (Фил. Смоленск. отд.). **Грозный** (Фил. Ростовского отд). **Зиновьевск** (б. Елисаветград,), ул. Ленина, 34. (Фил. Одесского отд) **Казань,** Гостинодворская, Гостиный двор. **Киев,** ул. Воровского, 38. **Кизляр,** Советская, 11 (Фил. Ростовского отдел.). **Кисловодск,** ул. Карла Маркса, 7 (Фил. Ростовск отд.). **Кострома,** Советская, 11. **Краснодар,** Красная, 35. **Н-Новгород,** Б Покровка, 12. **Одесса,** ул. Ласселя, 27 **Пенза,** Интернациональная, 30/43. **Пятигорск,** Советский пр., 36. (Фил. Ростовск. отд.). **Рославль,** (Фил. Смоленского отдел.). **Ростов-на-Дону,** ул. Фридриха Энгельса, 106. **Саратов,** ул. Республики 30/42. **Свердловск,** ул. Малышева, 37. **Смоленск,** Б Советская, 12 **Таганрог,** ул. Ленина, 56. (Фил. Ростовск. отд.) **Тамбов,** Коммунальная, 14. **Тверь,** Советская, 45. **Тифлис,** просп. Руставели, 16. **Харьков.** Оптовый склад и контора — Сергиевская пл., Московские ряды. **Харьков.** Розничный магазин, ул 1 Мая, 6 **Ярцево.** (Фил. Смоленск отд.).

Отдел Почтовых Отправлений Торгсектора Госиздата (МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4) **высылает** немедленно почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом **книги по всем отраслям знания** издания Государственного Издательства и других издательств

При высылке денег вперед (до 1 руб можно почтовыми марками)

ПЕРЕСЫЛКА и УПАКОВКА БЕСПЛАТНО.

Просьба адрес писать разборчиво и указывать ближайшее почтовое отделение

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

Под редакцией **А. Деборина и Д. Рязанова.**

Вышли в свет:

Л. Фейербах. — **Сочинения Т I.** Избранные философские произведения — Вступительный очерк **А. Деборина** Стр. 366 Цена **90** коп

Л. Фейербах. — **Сочинения Т III.** Лекции о сущности религии Стр. 400 Цена **2** руб. **75** коп

Поль Гольбах. — **Система природы** Перев. П Юшкевича, со вступительной статьей А. Деборина и с библиографическим указателем. Стр. 578 Цена **4** руб

Ламеттри. — **Избранные сочинения** Вступительная статья А Деборина — Предварительное рассуждение — Трактат о душе — Изложение философских систем Человек-машина — Человек-растение Система Эпикура — Рассуждение о счастьи. Стр II + 371 Цена **4** руб.

ПРИМЕЧАНИЕ Библиография и указатель имен составил И. Луппол К изданию приложен гравированный на дереве портрет Ламеттри

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Л. Фейербах. — **Сочинения. Том II** Сущность христианства — Сущность религии. — Ответ Штирнеру.

Джон Толанд. — **Избранные сочинения.** Письма к Серене — Пантеистикон.

Готовятся к печати:

Дени Дидро. — **Сочинения** Мысли об истолковании природы — Письмо о слепых — Философские принципы материи и движения — Разговор Даламбера с Дидро — Сон Даламбера — Продолжение разговора — Прибавление к «Путешествию Бугенвиля». — Разговор философа с женой маршала — Речь философа к королю. — Элементы физиологии — Возражения на книгу Гельвеция «О человеке».

Томас Гоббс. — **Сочинения.** О теле. — О человеке — О человеческой природе.

„Архив К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА"

ВЫШЛИ В СВЕТ:

КНИГА I. Содержание I Статьи и исследования **Деборин.** Очерки по истории диалектики Очерк первый. **Диалектика у Канта, Цобель.** — К истории союза коммунистов. Кельнская община союза до мартовской революции, **Рязанов** — Международное товарищество рабочих I. Возникновение Первого Интернационала. — II Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса **Маркс и Энгельс** о Фейербахе, **Рязанов** Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» III Из переписки Маркса и Энгельса Засулич и Маркс Письма Энгельса к Бернштейну. IV. Критика и рецензии.

ОТПЕЧАТАНА И НА-ДНЯХ ПОСТУПИТ В ПРОДАЖУ:

КНИГА II Содержание **Ф. Энгельс** — **Диалектика природы.** (Немецкий и русский тексты). С предисловием Д Рязанова

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

КНИГА III Содержание I **Д Рязанов.** — Ленин и государство, **А Деборин** — Очерки по истории диалектики. — Очерк второй Диалектика у Фихте, II **К Маркс** — Критика гегелевской философии права, **Ф Энгельс** — Конспект I г «Капитала» — Пять рецензий на I г «Капитала», III Письма Николая она к Марксу (со вступит статьей А Потресова), IV. Критика и рецензии. V. Библиография марксизма

ГЕГЕЛЬ.

Избранные сочинения.

Под редакцией **А. Деборина и Д. Рязанова.**

Философия права (Печатается)
Философия истории. (Готов к печати)

Энциклопедия философских наук Часть 1-я Логика. (Готовится к печати)

А. ДЕБОРИН. **Книга для чтения по истории философии.** Т. I. Стр 446. Цена 2 руб 30 коп.

А. ДЕБОРИН. — **Книга для чтения по истории философии.** Т II. Сенсуализм и материализм XVIII века. — Классический немецкий идеализм. — Философия утопического социализма. — Философия левых гегельянцев. — Естественно научный материализм — Позитивизм — Утилитарианизм — Философия в России XIX века. (Печат.).

А. ДЕБОРИН. — **Людвиг Фейербах Личность и мировоззрение** Стр 360. Цена 1 р. (Готовится 2-е издание).